

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИМ. В. М. ШУКШИНА»

На правах рукописи

Кривошеева Елена Игоревна

ПРОЯВЛЕНИЕ ИКОНИЗМА В ЗВУКОПОДРАЖАНИЯХ
(на материале японского и русского языков)

10.02.19 — теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Е. Б. Трофимова

Бийск 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ИКОНИЗМА	10
1.1. Структура языкового знака и его свойства	10
1.1.1. Понятие и структура языкового знака	10
1.1.2. Характер соотнесенности составляющих знака (конвенциональность / иконичность) в ретроспекции	13
1.2. Иконизм: звукоимитация и звукоподражание	14
1.2.1. Звукоимитация как разновидность звукоизобразительной системы ..	21
1.2.2. Звукоподражание как составляющая звукоизобразительной системы .	28
1.2.3. Изучение явления иконизма в японской лингвистике	32
1.2.3.1. Исследование звукоподражательной лексики в японском языке	34
1.3. Общая характеристика японского языка	39
1.3.1. Специфика словарного состава японского языка.....	40
1.3.2. Звуковая система японского языка.....	42
1.3.2.1. Сопоставительная характеристика гласных фонем японского и русского языков.....	43
1.3.2.2. Сопоставительный анализ консонантных систем японского и русского языков.....	44
1.4. Фонетическая структура слова в японском языке	48
1.4.1. Мора как ритмическая составляющая японского языка	48
1.4.2. Слоговая организация японского языка	52
1.5. Восприятие речи.....	54
1.6. Языковая картина мира	59
ВЫВОДЫ ГЛАВЕ I.....	63
ГЛАВА II. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ИКОНИЗМА В ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	65
2.1. Сопоставительная классификация японских и русских звукоподражаний.....	65
2.2. Определение специфики фонетического членения слова в японском языке.....	74

2.3. Диагностирование уровня опознавания носителями японского и русского языков состава звуков, составляющие звукоподражания неродного языка	77
2.3.1. Диагностирование уровня опознавания носителями японского языка состава звуков русских звукоподражаний.....	78
2.3.2. Диагностирование уровня опознавания носителями русского языка состава звуков, составляющих японские звукоподражания.....	82
2.4. Выявление эмотивных характеристик русских и японских звукоподражаний методом модифицированного семантического дифференциала	86
2.4.1. Выявление эмоциональных характеристик русских звукоподражаний носителями родного языка	87
2.4.2. Выявление эмоциональных характеристик японских звукоподражаний носителями родного языка	94
2.4.3. Выявление эмоциональных характеристик русских звукоподражаний носителями японского языка	100
2.4.4. Выявление эмоциональных характеристик японских звукоподражаний носителями русского языка.....	107
2.4.5. Сопоставление результатов фоносемантических оценок русских и японских звукоподражаний	113
2.5. Психолингвистические эксперименты на определение соотнесенности звукоподражания с обозначаемым объектом.....	125
2.6. Сопоставление и анализ результатов психолингвистических экспериментов на определение оценки эмотивности и соотнесенности звукоподражания со значением в неродном языке.....	132
2.7. Психолингвистический эксперимент на соотнесенность звукоподражаний японского языка с обозначаемым объектом	138
ВЫВОДЫ ГЛАВЕ II	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	149

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время широко известно, что способность звука выражать различные незвуковые впечатления связана с изначальной ролью в жизни человека различных, в том числе и «речевых», звучаний и представляет собой сдержательность языковых единиц на фонетическом уровне.

Данная работа посвящена исследованию иконизма на материале звукоподражательной лексики японского и русского языков. Общеизвестно, что звукоподражания принято относить к периферийному классу слов, однако существуют проблемы, решать которые, не привлекая данный пласт лексики, не представляется возможным. Сюда, прежде всего, следует отнести вопросы, связанные с происхождением языка, а также со степенью соотнесенности мотивированности / конвенциональности в языках мира. А. В. Циммерлинг отмечает, что в настоящее время в мировой лингвистике наиболее фундаментальными и актуальными для исследования представляются две темы: «проблема мотивированности языковой формы и проблема автономности либо взаимообусловленности языковых подсистем» [Циммерлинг 2000, с. 132]. Если на протяжении двух столетий не снимается вопрос о взаимоотношении физической и ментальной составляющей языковых явлений, то отрицать значимость данной проблемы, по меньшей мере, неправильно.

Безусловно, имеется достаточное количество работ, посвященных иконизму в целом, и звукоподражательной лексике в частности.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды ученых:

— *в области теории лингвистического знака и его иконических свойств:* В. М. Алпатова, С. В. Воронина, В. фон Гумбольдта, О. Есперсена, А. П. Журавлева, В. В. Левицкого, А. Б. Михалева, Ч. Морриса, Ч. Пирса, В. В. Рыбина, Э. Сепира, К. Я. Сигала, Ф. де Соссюра, С. В. Чиронова, С. С. Шляховой, У. Эко, Р. Якобсона, А. Fischer, S. Hamano, K. Akita,

R. Brown, M. Magnus, A. Cutler, D. Norris, T. Otake, K. Haruhiko, J. Bruch, Sh. Kawahara, I. Tamori, L. Schourup;

— *в области когнитивной лингвистики:* А. Вежбицкой, А. В. Кравченко, Е. С. Кубряковой;

— *в области психолингвистики и теории восприятия речи:* А. Б. Венцова, Л. Р. Зиндера, В. Б. Касевича, А. А. Леонтьева.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, предполагается, что сами звуки речи могут быть информативны и при формировании номинации способны передавать и отражать признаки предмета в его имени: «Звучание и значение слова стремятся к взаимному соответствию, которое можно получить только путем вычисления фонетической значимости слов и сопоставляя полученные результаты с признаковым аспектом их значения» [Журавлев 1991, с. 5]. Во-вторых, существует достаточное количество работ, указывающих на наличие у носителей разноструктурных языков общей основы, позволяющей давать содержательную оценку отдельным звукам и их комбинациям не только в родном, но и неродном языках (В. В. Левицкий, А. П. Журавлев, G. Ivanova, S. Hamano, K. Akita). В первом случае, указанный вид иконизма может быть определен как внутриязыковой, а во втором — как межъязыковой. Однако вопрос о степени проявлении этих видов иконизма остается не до конца решенным. В данной работе исследуются оба типа иконизма.

Объектом исследования является звукоподражательная лексика разностемных языков — русского и японского; **предмет** исследования — особенности восприятия звукоподражательных слов разностемных языков носителями иностранных языков.

Материалом исследования послужили звукоподражательные слова японского и русского языков, представленные в лексикографических источниках.

Целью исследования является определение проявления иконизма на материале звукоподражательной лексики японского и русского языков.

В соответствии с поставленной целью исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) проанализировать исследования, представляющие знаковую природу языка, а также обобщить существующие концепции в области иконизма;
- 2) сравнить фонетическую систему японского и русского языков; определить общее и различное;
- 3) определить соотношенность моры и слога (в психолингвистическом эксперименте с носителями русского языка);
- 4) установить способы и границы сегментации слов японского языка по данным диагностического эксперимента с использованием компьютерной программы WaveSurfer [Digital Audio Editor Cross Platform, 2011];
- 5) диагностировать уровень опознавания носителями японского и русского языков набора звуков, составляющих звукоподражания неродного языка;
- 6) определить особенности восприятия эмотивных характеристик звукоподражаний русского и японского языков носителями неродного языка по результатам психолингвистического эксперимента с использованием модифицированной методики семантического дифференциала;
- 7) экспериментальным путем выявить соотношенность звукоподражаний разносистемных языков с обозначаемым объектом, как звучащих, так и «незвучащих» (в японском языке), и определить стратегии, используемые при их опознавании носителями других языков.

Специфика поставленных задач обусловила использование следующих **методов и приемов** исследования: прием целенаправленной выборки при отборе материала исследования; описательный метод при сопоставительном анализе звукотипов русского и японского языков; модифицированная методика метода семантического дифференциала для сопоставления результатов психолингвистического эксперимента с носителями родного и неродного языков.

Научная новизна работы обусловлена: а) привлечением материала звукоподражаний японского языка к исследованию проблемы иконизма;

б) использованием методики, позволяющей определить два способа проявления иконизма: внутриязыковой и межъязыковой.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что с использованием экспериментальной методики уточнено представление о специфике соотношенности моры и слога, до сих пор не имеющей однозначной трактовки. Противопоставлены понятия «внутриязыковой иконизм» и «межъязыковой иконизм». Установлено наличие связи между эмотивностью и опознаваемостью звукоподражаний неродного языка.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов «Теория языка», «Психолингвистика», в спецкурсах по фоносемантике, а также при изучении художественно-изобразительных свойств поэтических и прозаических произведений как русского, так и японского языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ритмическая единица японского языка — мора, функционально, но не структурно соотносимая со слогом, в восприятии носителей русского языка перестраивается в соответствии со слоговым членением слов.

2. Распознавание звуковых оболочек слов при непосредственном (слуховом) восприятии отдельных звукоподражаний японского языка носителями русского языка и русских звукоподражаний носителями японского языка свидетельствует о близости на уровне акустики звукового состава указанных единиц.

3. Высокий уровень опознавания звукоподражаний в неродном языке определяется близостью фонетического состава звукоподражаний в двух языках, тождеством слоговой структуры, ассоциациями с лексическими единицами родного языка.

4. Несоотносимость уровней опознавания отдельных иноязычных звукоподражаний носителями русского и японского языков обусловлена различием в оценке слоговой структуры, влияющей на восприятие носителей дру-

гого языка, а также несовпадением традиционных транскрипций в родном и неродном языках.

5. Характер эмотивности влияет на опознавание звукоподражаний, а следовательно, является составляющей частью иконизма. В данном классе слов сами звуки не только формируют значение, но и обуславливают проявление положительной или отрицательной эмотивности.

6. Результаты эксперимента на восприятие японских звукоподражаний, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, а также обозначающих психические и физические явления, показали низкий уровень межъязыкового иконизма, соответствующий, по В. фон Гумбольдту, второму типу иконизма: «подражание ни звуку, и ни предмету, а некоторому внутреннему свойству, присущему им обоим».

7. Внутряязыковой иконизм представлен фонетической мотивированностью звукоподражаний, характерной только для одного языка. Межъязыковой иконизм проявляется через один и тот же принцип мотивированности, положенный в основу соотнесения плана выражения и плана содержания в двух языках.

Апробация работы. Основные результаты и содержание исследования обсуждались на следующих конференциях: II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы востоковедения: диалог цивилизаций» (Хабаровск, 25 марта, 2009 г.); Международный лингвокультурологический форум «Язык и культура: мосты между Европой и Азией» (Хабаровск, 20 ноября, 2010 г.); XVII Международная научно-практическая конференция «Художественный текст: варианты интерпретации» (Бийск, 24-25 мая 2013 г.); «18th Biannual Conference of the Japanese Studies Association of Australia» (Канберра, 8-11 июля 2013 г.); VI Международная практическая конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: языковой знак в аспекте синхронии и диахронии» (Бийск, 6-8 октября 2014 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные

проблемы востоковедения» (Хабаровск, 20 ноября, 2014 г.). Результаты исследования представлены в 8 печатных работах общим объемом 4,3 п. л.

Структура и объем диссертации определены поставленной целью и задачами исследования. Общий объем работы составляет 165 страниц (148 страниц основного текста). Диссертация носит экспериментально-теоретический характер и состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 186 наименований, 72 из которых — на японском и английском языках.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ИКОНИЗМА

1.1. Структура языкового знака и его свойства

Данная работа посвящена кодифицированным звукоподражаниям, которые, хотя и находятся на периферии языка, тем не менее, являются знаковыми единицами. В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно самих звукоподражаний, считаем необходимым осветить ряд вопросов, относящихся к таким проблемам семиотики, как:

- 1) структура знака (компонентная представленность);
- 2) характер соотнесенности его составляющих (иконизм и конвенциональность).

Каждый из обозначенных вопросов рассмотрен отдельно.

1.1.1. Понятие и структура языкового знака

В различных языковых концепциях структура знака трактуется неоднозначно в силу того, что знак анализируется с разных позиций. Его рассматривают как одностороннюю, двустороннюю, трехстороннюю, четырехстороннюю и еще более сложную сущность [Кубрякова 1993, с. 18]. Охарактеризуем каждую из точек зрения.

Знак — односторонняя сущность. К сторонникам унилатеральной теории языкового знака относятся В. А. Звегинцев [1956], Р. Карнап [1959], Л. Заводовский [1961], А. А. Ветров [1968], В. М. Солнцев [1971], В. И. Болотов [2008] и др. Так, В. А. Звегинцев считает, что языковой знак — это «условная материальная форма обозначения некоторого внутреннего содержания, ничем по существу не отличающаяся от обычного ярлыка» [Звегинцев 2009, электронный ресурс].

В поддержку односторонней сущности знака, но уже с позиций логического эмпиризма, выступает и немецкий философ Р. Карнап, который приравнивает «знак» к «знаковому выражению». Характерной чертой знака при этом стало не свойство «замещать что-либо», «репрезентировать объекты реального мира», а «принадлежать к системе, быть членом строго формализованной системы исчисления» (цит. по: [ЛЭС 1990, с. 167]).

Таким образом, на наш взгляд, понимание знака в качестве односторонней сущности рассматривается в лингвистической науке как попытка отгородиться от соотнесенности означающего и означаемого, ибо существование знака (звукоряда) отдельно от значения избавляет от конфликтов между формой и содержанием.

Знак — двусторонняя сущность. Понимание знака в качестве двусторонней сущности впервые было представлено еще в концепциях стоиков. Отношение между означаемым и означающим интерпретировалось как «принимаемое» и «воспринимаемое».

Идея о двустороннем характере знака поддерживалась и Ф. де Соссюром [Соссюр, 1999]. В советской и российской лингвистике аналогичная позиция отражена в работах ученых Б. А. Серебренникова [1970], Ф. М. Березина [1984], Б. Н. Головина [1977], В. М. Никитина [1997] и др.

Однако при двусторонней трактовке сущности знака не учитывается роль воспринимающего, то есть человек исключается из зоны языка, что, в свою очередь, совершенно не согласуется с утверждением о том, что знаки не существуют в природе сами по себе, а являются «человеческим» продуктом [Кравченко 2004, с. 37]. Более того, «кроме значения, знак еще и имеет смысл, который вырабатывается интерпретатором» [Розин 2001, с. 13].

Знак — трехсторонняя сущность. Впервые знак не только как явление системно-структурное, но и как антропоцентрическое, рассмотрен в концепции американского философа Ч. Пирса. Наряду с означаемым и означающим автор выделяет третью составляющую — интерпретанту. Под интерпретантой понимается некий ключ, который отражает, обычно через

внутреннюю форму того или иного слова, значение искомой единицы (например, окно — око). По мнению У. Эко, «интерпретанта — это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» (термин позже вводит Ч. Моррис) [Эко 1998, с. 52].

По типу связи между означающим и означаемым Ч. Пирс выделял три основных типа знаков: *символы, индексы и иконы*, из которых с естественным языком Ф. де Соссюр ассоциировал только символы, ибо в *знаках-символах* означаемое и означающее связаны между собой в рамках некоторой конвенции. Символам противопоставлены *знаки-иконы*, в которых связь между означаемым и означающим основана на подобии. *Знаки-индексы* занимают промежуточное положение между иконами и символами: их означаемое строится на принципе ассоциации по смежности с означающим [Пирс 2000, с. 104].

Знак — четырехсторонняя (и более) сущность. Ч. Моррис интерпретирует знак как явление, представленное четырьмя составляющими, то есть к знаковой конструкции Ч. Пирса он добавляет интерпретатора. В отличие от интерпретанты, которая непосредственно представлена в системно-структурной модели знака и является собой общее знание о предмете, интерпретатор как бы выходит за пределы системного аспекта в антропоцентрическое пространство языка. Интерпретатор — это носитель языка, который, опираясь на интерпретанту, восстанавливает значение языковой единицы. Таким образом, «наличие субъективного фактора в науке о языке позволяет услышать “многоголосие” так называемой “отсутствующей” структуры (термин У. Эко) в тот момент, когда говорящий воспринимает чужое высказывание, погружая его в определенный ситуативный контекст» [Самигуллина 2007, с. 16].

Следует отметить, что в европейском языкознании, куда следует отнести и отечественную лингвистику, наиболее распространенными все-таки являются односторонняя и двусторонняя концепции знака. По-видимому, это связано с тем, что изложение знаковой концепции в работах американских

философов в достаточной степени сложно и неоднозначно, а само описание знака выходит за пределы лингвистики.

1.1.2. Характер соотнесенности составляющих знака (конвенциональность / иконичность) в ретроспекции

Неоднозначное представление о соотнесенности плана выражения и плана содержания знака восходит еще к временам античности, где проявляется прямо противоположная оценка содержания в знаке.

Так, Сократ, представляющий в диалоге «Кратил» точку зрения Платона, в споре с Гермогеном утверждает, что «давать имена нужно... в соответствии с природой, а не так как нам заблагорассудится». С другой стороны, ученик Платона Аристотель не сомневается в конвенциональной сущности знака [Платон 1968].

В дальнейшем, вплоть до начала XX века оба эти представления о сущности знака проявляются в том или ином виде. Именно в это время семиотика как наука формируется в работах А. А. Потебни, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Ч. Пирса, Ч. Морриса и ряда их последователей.

Так, у Э. Сепира можно отметить некий дуализм позиции. С одной стороны, ученый поддерживает идею конвенции, указывая на то, что звуки, слова и другие языковые формы имеют определённое значение лишь постольку, поскольку «общество молчаливо согласилось считать их символами тех или иных референтов». С другой стороны, Э. Сепир не исключает, что и другие символы, выработанные людьми в процессе эволюции, первоначально «соотносились с определенными эмоциями, отношениями и понятиями» и, следовательно, не были произвольными, немотивированными [Сепир 1993, с. 263].

Следует сказать, что Ч. Пирс и Ф. де Соссюр подходят к знаку с позиции разных научных дисциплин. Ч. Пирс рассматривает знак в связи с проблемами философии как явление, характеризующее социальное мироустройство в целом. Ф. де Соссюру же знак интересен прежде всего как явление языковое. Поэтому, неудивительно, что для Ч. Пирса, как и для Ч. Морриса,

иконизм и конвенциональность не противопоставлены по степени важности и распространенности, поскольку, если учитывать разные аспекты социальной жизни, то в них обнаруживается и то, и другое. В концепции Соссюра иконический знак отнесен к глубокой периферии, что тоже вполне понятно, так как знак рассматривается в системе наиболее типичных и регулярных отношений в языке.

Французский ученый Э. Бенвенист в своей работе «Природа языкового знака» возражает Ф. де Соссюру, утверждая, что «связь между означаемым и означающим отнюдь не произвольна; она необходима» [Бенвенист 1974, с. 32]. С Э. Бенвенистом можно согласиться, если выйти за пределы узкого понимания феномена иконизма, при котором естественная мотивированность рассматривается как непосредственное отражение в звуках значения слова.

Мысль о сложной природе языка, в которой есть место как иконическим, так и условным свойствам знака, разрабатывается в трудах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как С. В. Воронин, А. П. Журавлев, Е. С. Кубрякова, Л. М. Мурзин, У. Эко.

В рассуждении о мотивированности и конвенциональности А. П. Журавлев, как и У. Эко, занимает компромиссную позицию. С одной стороны, он отмечает свойственное языку стремление к соответствию формы и содержания, с другой — указывает на присущую языку тенденцию к свободе развития каждой из составляющих единиц языка, что и приводит к конвенциональности знака [Журавлев 1976, с. 20]. Можно предположить, что с развитием языка повышается и уровень конвенциональности.

1.2. Иконизм: звукосимволизм и звукоподражание

Рассматривая данный аспект семиотики, необходимо, прежде всего, остановиться на терминологии.

Наиболее удачным считаем определение иконичности, предложенное Ч. Пирсом, ибо в нем отражаются разные стороны возможного подобия.

«Иконичность — свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального (изобразительного, звукового, структурного и т.п.) подобия» [Пирс 2000, с. 217].

С точки зрения семиотики, иконические слова являются звукоизобразительными, а с точки зрения мотивированности — относятся к фонетически мотивированным словам. Следует добавить, что данный вид лексики исследуется в рамках фоносемантики.

Звукоизобразительная лексика, характеризующаяся связью между звуковой формой и значением, в любом языке являет собой огромное поле для исследования. Означаемое единиц данного класса слов может быть и «звуковым», и «незвуковым», поэтому в лингвистике он представлен двумя языковыми явлениями: звукоподражанием и звуко-символизмом (образоподражательные слова).

К сожалению, ни в Большом Энциклопедическом словаре [БЭС 1998], ни в Энциклопедии и словаре-справочнике лингвистических терминов и Понятий [ЭССЛТП 2008] определение звукоизобразительности найти не удалось, поэтому приведем формулировку, предложенную С. В. Ворониным в работе «Основы фоносемантики». Итак, звукоизобразительность — есть свойство слова, заключающееся в наличии «необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной связи между фонемами (непроизводного слова) и полагаемым в основу номинации признаком объекта — денотата» [Воронин 2006, с. 5].

Идея о связи звука и значения отражена у Г. Лейбница: «Языки действительно имеют отприродное происхождение, которое отражается в гармонии между звуками и теми впечатлениями, которые оказывают на человека вещи» [Leibniz 1996, 210]. Впоследствии, описывая характер этой гармонии, В. фон Гумбольдт отмечает, что связь между звуком и значением не всегда очевидна и иногда приходится лишь догадываться о ее существовании [Гумбольдт 1984, с. 90].

Признавая связь между чувственным восприятием людей и механизмом оформления понятий, В. фон Гумбольдт выделяет три типа иконизма: 1) непосредственное подражание, при котором «звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии его передать»; 2) подражание ни звуку, и ни предмету, а некоторому внутреннему свойству, присущему им обоим; 3) сходство «звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий. Словам со сходными значениями присуще также сходство звуков, но при этом не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер» [Гумбольдт 1984, с. 92]. При этом ученый отмечает, что «первоначальная значимость звучания сохраняется в языке до сих пор, проявляясь через содержательность тембровых, интонационных и ритмических характеристик речи» [там же]. Звуки вбирают в себя значимость звучания в соответствии с присущими им акустическими характеристиками. Предметы, производящие сходные впечатления, обозначаются преимущественно словами со сходными звуками, что должно привести к сходству обозначений во всех языках мира. Иными словами, В. фон Гумбольдт высказал мысль о возможности существования такого явления, как универсальный иконизм [там же].

Датский филолог О. Есперсен считает иконизм доказательством отприродного происхождения языка. Ученый высказывает интересную мысль о существовании таких слов, которые человек на подсознательном уровне считает адекватными для называния явлений, которые они на самом деле и обозначают [Jespersen 1922, электронный ресурс]. Таким образом, О. Есперсен игнорировал характер произвольности в языке. Идеи ученого получили широкую поддержку у таких исследователей, как Э. Сепир [1922], М. Бентли и Е. Вейрон [1933].

К классификации иконических явлений можно подходить с разных позиций. Так, трилогия знаков по Ч. Пирсу, основанная на соотнесении двух сторон знака (*знаки-иконы*, *знаки-индексы* и *знаки-символы*), по мнению В. Розина, позволяет развести три основных случая существования истины в

практике: «В первом случае, прямо по Аристотелю, знание характеризует свой объект, во втором — связь знания с объектом обусловлена их физической природой, в третьем случае связь знания с объектом опосредована различными мыслительными или культурными обстоятельствами» [Розин 2001, с. 22].

Ч. Моррис, уделивший большое внимание изучению иконических знаков, определяет иконизм более осторожно: иконическим предлагается считать знак, который несет в себе некоторые свойства представляемого предмета или, точнее, обладает свойствами собственных денотатов. К сожалению, при таком определении не совсем понятно, где проходит демаркационная линия между иконизмом и конвенциональностью. У. Эко переносит эту проблему в антропоцентрическую плоскость, поскольку с его точки зрения иконический знак обладает общими свойствами не с объектом, а со структурой его восприятия [Эко 1998, с. 135].

Р. О. Jakobson отмечает существующие связи между звуковой системой и восприятием носителей языка, подчеркивая этим зависимость между системоцентрическими и антропоцентрическими явлениями. Ученый группирует звуки по контрасту светлого и темного и соотносит их с противопоставлением «высокий» — «низкий». К высоким звукам относятся зубные, передне- и средненебные, к низким — губные и задненебные. Смягченные (дизные) светлее, чем несмягченные: небемольные (неогубленные) светлее, чем бемольные. Из этих трех признаков — высоты, дизности, бемольности — признак высоты считается первичным, два других — вторичными тоновыми признаками. «Две фонемы, противопоставленные друг другу как низкая и высокая, легко отождествляются как темная и светлая, тогда как противопоставление бемольных и простых производят скорее ощущение глубины, ширины, веса и грубоватости по сравнению с тонкостью, высотой, легкостью и пронзительностью» [Jakobson, Fant, Halle 1962, с. 197]. При этом экспериментальным путем он доказывает, что ассоциации, которые вызывают определенные классы звуков языка, достаточно стабильны и единообразны у большинства говорящих. Впоследствии Е. Орлова уточнила, что противопоставление «вы-

сокий» — «низкий» звук связано не только с цветным противопоставлением, но и эмоциональным «хороший» — «плохой» [Орлова 1966, с. 151].

Эмпирическими и практическими работами отечественных и зарубежных ученых последних лет была доказана реальность звукоизображения и, по мнению С. В. Воронина, «ныне мало кто отважится усмотреть в разработке проблемы связи звука и значения проявление дилетантства» [Воронин 2006, с. 3]. Однако некоторые филологи все же высказывают мнение, что данный класс лексики не характерен для западноевропейских и славянских языков, и в качестве одного из доказательств приводят факт отсутствия в этимологических словарях индоевропейских языков каких-либо гипотез о звуко-символическом происхождении слов [Мельников 1969, Nuckolls 1999]. Не соглашаясь с подобным заявлением, С. В. Воронин подчеркивает, что в своей эволюции большинство звукоизобразительных слов подвергается своеобразной «маскировке», которая является, по его мнению, «основной объективной причиной недостаточной разработки дескриптивных этимологий» [Воронин 2006, с. 151]. Данную точку зрения поддерживает и К. Ш. Хусаинов, считающий, что отсутствие тех или иных звукоизобразительных форм в ряде современных языков еще не означает, что их не существовало в прошлом. «Вполне возможно, что этимолого-фоносемантический поиск позволит реконструировать изначальную звукоизобразительность ряда слов, в современных языках функционирующих как нейтральные» [Хусаинов 1990, с. 163]. Иногда детальный анализ языкового материала выявляет наличие звукоизобразительных слов в языках, как, например, в койсанских языках, где изначально считалось, что такие слова полностью отсутствовали [Kilian-Hatz 2001, с. 163].

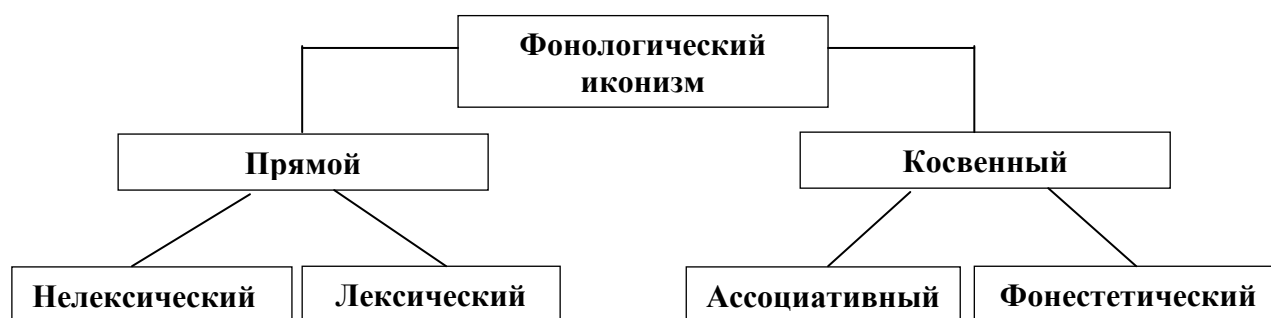
По мнению Ж. Колевой-Златевой, есть все основания полагать, что звукоизобразительность в силу своей когнитивной примитивности (отсутствием четкой дифференциации) имеет универсальный характер. Автор считает, что носители всех языков способны понимать и создавать звукоизобразительные слова, но подчеркивает, что универсальность не означает одинаковую представленность того или иного явления в каждой языковой

культуре, так как разные языки находятся на разных стадиях развития. Этим можно объяснить различный статус звукоизобразительной лексики: в одних языках она располагается на периферии, в других — ближе к центру [Koleva-Zlateva 2008, с. 46].

В теории иконичности выделяется иконизм «сильный» и «слабый». «Сильный» иконизм относится к идеям, представленным у сторонников античной теории *phusei*, где имя вещи считалось подобным самой вещи по природе. В рамках теории «слабого», или «умеренного» иконизма считается, что в языке, являющемся динамическим продуктом человеческой когниции и коммуникации, имеются условия, в том числе и для иконического соотношения между означающим и означаемым языковых знаков [Сигал 1997, с. 109].

С течением времени и развитием науки структура иконичности расширилась и на современном этапе иконизм прослеживается не только в фонологии, но и в морфологии, словообразовании, процессах номинации и в синтаксисе, а также в графическом оформлении текста.

Фонологический иконизм подразумевает отношения между звуками языка и окружающим миром, который укладывается в следующую иерархическую систему [Masuda 2007, с. 58-64, Суурpere 2008, с. 107-117].

Прямой иконизм проявляется в ономастике. Примером нелексического фонологического иконизма являются междометия «kraaaaa», «bzzz», а лексический иконизм представлен такими словами, как «boom», «bang». Косвенный иконизм выражается неакустическим сигналом: ощущением, движением, чувством или характеристикой (размер, расстояние, цвет). Примером ассоциативного иконизма является противопоставление фонем [i] и [a]: гласный высокого подъема ассоциируется с небольшими размерами, острой формой

объекта и его яркостью, например, *mini, sweety, petite*, а гласные низкого подъема — с крупными размерами, тупыми формами и темнотой, например, *tall, large, grand*. Фонестический иконизм отражает наличие общей субморфемной части (фонестемы) с одним значением у ряда слов. Например, -b в словах *bang, bash, bounce, biff, bump, bat* отождествляется со звуком «печального» воздействия [Masuda 2007, с. 58-64].

По мнению румынского филолога Л. Кортвелесси, неоспоримые доказательства универсальной природы фонетического иконизма заставят лингвистический мир в конечном итоге не только отказаться от Соссюровской концепции произвольности знака, но и прекратить спекуляции относительно происхождения языка [Kortvelyessy 2011, с. 137].

Иконизм в морфологии выражается в закономерности, по которой «протяженность знака отражает *иконически* его семантическую сущность» [Кубрякова 1993, с. 24]. В индоевропейских языках маркированные формы длиннее, чем немаркированные, то есть отличаются количеством фонологических единиц: англ. *book* 'книга' — *books* 'книги', *jump* 'прыгаю' — *jumped* 'прыгал', *big* 'большой' — *bigger* 'больше' (цит. по: [Сигал 1997, с. 106]).

Дж. Химан выделяет случаи, в которых иконические принципы определяют не только синтаксический, но и прагматический выбор, например, соответствие между хронологическим порядком событий и последовательностью изложения (цит. по: [Rosenstock 2008, с. 133]).

Давая определение общему понятию иконичности, американский лингвист Т. Гивон определил ее принцип как «иконический императив», заключающийся в том, что при «прочих равных условиях кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту» [там же, с. 113]. Данная формулировка является, как нам кажется, уместной, поскольку в ней весьма ясно представлены все компоненты семиозиса, выделенные Ч. Пирсом и Ч. Моррисом.

Подводя итоги, отметим, что в настоящей работе иконизм рассматривается в узком смысле, то есть как природно-обусловленная соотнесенность

двух планов знака. В классификации В. фон Гумбольдта он представлен первым типом и относится к иконизму «сильному».

Далее рассмотрим звуко-символизм и звукоподражание как две составляющие звукоизобразительной системы языка.

1.2.1. Звуко-символизм как разновидность звукоизобразительной системы

«Звуко-символизм — это закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом) [БЭС 1998, с. 166]. Звуко-символические слова, как правило, обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, удаленность объектов, физиологическое и эмоциональное состояния человека.

Считается, что определенные гласные и согласные способны передавать качества и свойства объектов. Вопрос о связи звука и значения занимал ученых, работавших еще в период XVII-XIX вв. Так, еще в 1653 году Дж. Уоллес составляет список английских фонем, за которыми, на его взгляд, закреплены определенные значения. Например, сочетание *wr* — указывает на что-то искривлённое и скрученное, как в словах *wry* — ‘кривой’, *wreck* — ‘обломки’, *wrist* — ‘лучезапястный сустав’, а *br* — участвует в оформлении значений, связанных с разрывом или поломкой чего-либо: *break* — ‘ломать’, *breach* — ‘пролом’, *brook* — ‘промоина’. Кроме того, ученый выдвигает и отстаивает предположение о том, что в определенных группах слов их значения могут быть проанализированы вплоть до выявления значения составляющих этих слов фонем. Например, в слове *sparkle* начальная *sp* означает ‘рассеивание’, что и подтверждается следующей группой: *spit* — ‘плевание’, *splash* — ‘брызги’, *sprinkle* — ‘обрызгивание’, а финальный [l] — часто повторяющееся действие, например, в словах *wiggle* — ‘покачивание’, *wobble* — ‘колебание’, *twiddle* — ‘завиток’ (цит. по: [Jakobson 1988, с. 189]). На возможную связь между звуком и значением в словах русского языка указал

М. В. Ломоносов, отметив, что звук [а] способствует выражению великолепия, пространства, глубины и вышины, звуки [и], [е], [ю] — изображению нежности, плачевных или малых вещей, звуки [о], [у] и [ы] — выражению гнева, зависти, боли и печали [Ломоносов 1952, с. 241].

Интересны в связи с этим взгляды М. Граммона, который исследовал стихотворный материал. По мнению исследователя, в стихах компонент значения является особенно важным (превалирующим), и передать его точно на другом языке — задача подчас невыполнимая по сравнению с переводом обычной фразы при последовательном переводе. В этом М. Граммон усматривает влияние именно звучания на значение [Magnus 2001, с. 25].

Примерно в это же время русский поэт-футурист Велимир Хлебников составляет список русских звуков с краткой семантической характеристикой каждого из них. Поэт полагает, что «согласный звук скрывает за собой некоторый образ, который и есть имя» [Хлебников 1987, с. 627-628]. В соответствии с его теорией, «звук [м] — это деление одной величины на бесконечно малые части, звук [з] — отражение света в зеркале, а стрелки значений гласных звуков [о] и [ы] направлены в разные стороны, давая словам обратные значения, как в словах “войти” и “выйти”» [там же].

В поддержку вышеизложенных идей в свое время выступал и немецкий философ Лейбниц, утверждавший, что есть звуки сильные и шумные, такие как [r], а есть мягкие и тихие, например, [l]. И те, и другие передают соответствующие представления. Для усиления звука, то есть перевода его из слабой категории в сильную, Лейбниц предлагал использовать удвоение [Аветян 1968, с. 41]. Естественно, что в то время Лейбниц опирался только на собственную интуицию.

Начиная с конца XIX в. по 20-е гг. XX века, с опорой на фонетическую экспериментальную базу, сначала достаточно примитивную, а также на психологические эксперименты, в науке сформировались соответствующие представления относительно того, что звуки речи способны вызывать определенные устойчивые незвуковые впечатления. В силу данных свойств каж-

дый гласный и согласный мотивирован, произволен и, следовательно, обладает особым видом семантики — фонетическим значением, причем этим значением обладают звуки любого языка. Через фонетическое значение проявляются экспрессивные и символические качества.

Все исследования, проводившиеся уже в XX в. и посвященные проблемам звуко-символизма, можно подразделить на две категории. Во-первых, это изучение проявления звуко-символизма в рамках одного языка. Сюда можно отнести экспериментальные исследования, определяющие, в какой степени отдельные фонемы конкретного языка являются звуко-символическими, или отприродными. Данное направление по отношению к разносистемным языкам разрабатывали такие зарубежные ученые, как Л. Блумфилд [1933], Дж. Ферт [1935], У. Самарин [1967, 1971] и мн. др. Однако к единому мнению о том, за счет чего формируется звуко-символизм — за счет слова или отдельных фонем — исследователи так и не пришли. Во-вторых, следует отметить сопоставительные исследования, посвященные рассмотрению звуко-символизма в разных языках, то есть его универсальности. В этой области было проведено достаточно много психолингвистических исследований, целью которых явилось определение того, насколько носители одного языка могут распознать структуру другого языка и определить значение слов исследуемого языка. Работами, проведенными в этом направлении, было доказано, что одни звуковые сочетания обозначают что-то приятное, а другие, наоборот, неприятное. Сюда следует отнести исследования Ш. Цуру и Х. Райза [1933], Х. Мюллера [1935] и др. В поддержку гипотезы о связи звука и значения, а также универсальности этого явления, группой ученых в составе Р. Брауна, А. Блэка и А. Хоровица, был проведен эксперимент на узнавание носителями английского языка значений антонимичных словесных пар из чешского, китайского языков и языка хинди. Высокий процент опознавания значений слов разноструктурных языков ученые определили как доказательство существования примитивного фонетического символизма, берущего свое

начало в первобытной речи и выражающегося в виде подражательной или физиогномической связи звука и значения [Brown, Black, Horowitz 1955, с. 392].

Южно-африканский ученый С. М. Доук, давая определение иконическим словам, отмечает, что «звук [а] — это живое представление идеи в языке, где сама идея это — манера, запах, цвет, действие или статус» (цит. по: [Akita 2011, с. 5]). «Живость» в данном случае, можно трактовать, как фоносемантическое свойство иконических слов, которым их наделяют носители языка [田守育ひろ, スコウラップ 1999, с. 8]. В связи с этим, интересным, на наш взгляд, представляется исследование А. Майрона [Miron 1961, с. 26], проведенное на базе японского и английского языков. Автор определил для обоих языков следующую закономерность: передние звуки (и гласные, и согласные) символизируют «слабое» и «приятное», в то время как задние — «сильное» и «неприятное» [там же, с. 623].

Примерно в это же время, Р. О. Якобсон, также при исследовании восприятия фонем, обратил внимание на то, что две противопоставленные друг другу фонемы (низкая и высокая) воспринимаются информантами как темная и светлая. Исходя из этого, ученый определил, что низкие гласные и согласные образуются в большей по объему и менее расчлененной полости. Очевидно, что низкие гласные, к которым относятся гласные заднего ряда, а также лабиальные и велярные согласные, воспринимаются информантами как «низкие» и «темные», тогда как гласные переднего ряда, а также дентальные и палатальные согласные являются «высокими» и «светлыми» [Якобсон, Фант, Хале 1962, с. 196].

Таким образом, опираясь на изложенные результаты исследований, можно утверждать, что между отдельными звуками и семантикой лексем существует естественная взаимообусловленность.

Интерес к проблемам фоносемантики не утихает и в последние десятилетия. Актуальными являются работы В. В. Левицкого, посвященные исследованию объективного и субъективного звуко-символизма. Теория объективного звуко-символизма представляет собой системоцентрический подход к

исследованию, когда рассматривается содержание звуко-символической составляющей в самих фонемах слова, о чем говорит и Р. О. Якобсон. Представление о субъективном символизме является по сути антропоцентрическим и опирается на результаты психолингвистических экспериментов с носителями языков. Оба направления характеризуются стремлением установить связь между звуком и значением слова, однако в последнем случае она обнаруживается в психике человека и может быть выявлена только экспериментальным путем. Обобщив и проанализировав работы предшественников в аспекте *субъективного символизма*, В. В. Левицкий дополняет их собственными данными, полученными в результате экспериментов на материале английского, молдавского, русского и украинского языков, и выводит следующие корреляции между понятиями и дифференциальными признаками, которые позволяют сделать вывод о межнациональном характере субъективного символизма:

«Большой» — звонкость, дрожание, задний ряд, нижний подъем. К данной категории В. В. Левицкий относит гласные [o] и [y] и начальные согласные в словах — [б], [р], [д].

«Маленький» — глухость, латеральность, передний ряд, верхний подъем, средний подъем. Сюда можно отнести гласные [и] и [е], а также начальные согласные в словах — [п], [с], [м], [н].

«Сильный» — звонкость, смычно-фрикативность, взрывность, дрожание, задний ряд, лабиализованность.

«Слабый» — глухость, сонорность, латеральность, передний ряд, нелабиализованность.

«Быстрый» — смычность, взрывность.

«Медленный» — сонорность, фрикативность.

Звуки [б] и [ш] ассоциируются с «неприятным» качеством [Левицкий 1994, с. 28-29].

Далее В. В. Левицкий предпринимает попытку обнаружить звуко-символические универсалии на уровне фонемы, релевантные не только для ин-

доевропейских, но и для неиндоевропейских языков [там же]. Несмотря на бесспорное наличие некоторых общих для всех языков закономерностей (например, [d], [b], [r], [g] во многих языках символизируют понятие «большой», а [n], [p], [m], [s] — понятие «маленький»), ученому не удалось обнаружить достоверное сходство между исследованными языками. Отчасти такой результат объясняется тем, что число и состав фонем различных языков не совпадает [там же].

В. В. Левицкий также поднимает вопрос о необходимости установить более тонкие различия между понятиями *фонетическая мотивированность* и *фонетическое значение*, которые раньше рассматривались как идентичные. Ученый предлагает понимать *фонетическую мотивированность* как соответствие звучания слова его значению, где степень такого соответствия измеряется с помощью лингвистических методов, а *фонетическое значение* — как суммарную оценку символических значений звука, входящих в состав звучания слова [там же, с. 32].

Исследованием фонетического значения в отечественной филологии занимается также А. П. Журавлев. Для измерения символического значения звуков в словах русского языка ученый применяет метод «семантического дифференциала» Ч. Осгуда. Фонетическое значение слова он рассчитывает по специальной формуле, учитывающей позиции звуков в слове. Полученные результаты позволяют предположить, что в период возникновения языка «закрепление определенного понятийного значения за определенным звуковым комплексом происходило под влиянием свойственных этому комплексу сил тяготения, создаваемых соответствующим натуральным отприродным значением» [Журавлев 1969, с. 64]. Другими словами, полученные данные позволили А. П. Журавлеву сделать вывод о внутренней мотивированности лексики. Следует упомянуть, что подобное исследование, но с меньшим количеством шкал (семь), проводилось и В. В. Левицким.

Методика А. П. Журавлева получила дальнейшее использование в сфере исследования звуко-цветовой ассоциативности.

На основе представленного А. П. Журавлевым метода также была разработана компьютерная программа в рамках проекта «ВААЛ», позволяющая производить анализ фонетического значения отдельно взятых слов и текстов. В программе заложены два алгоритма оценки — алгоритм А. П. Журавлева и алгоритм В. В. Левицкого. Для оценки фоносемантического воздействия в программе ВААЛ можно использовать либо 20 шкал, представленных такими прилагательными русского языка, как «светлый», «нежный», «возвышенный» и другими, либо 24 шкалы, представленные парами антонимичных прилагательных русского языка: «хороший-плохой», «красивый-отталкивающий» и другими. Например, слово *самолет*, оцененное по 20 шкалам, будет обладать следующим рядом характеристик: «светлый», «легкий», «хороший», «безопасный» и так далее.

Программа является достаточно популярной и широко используется в социальных сетях и как способ развлечения, и как вспомогательный инструмент для составления рекламных текстов, хотя нужно признать, что зачастую результаты комментируются с несколько обывательской точки зрения. Подобная «популяризация» фоносемантических идей привела, к сожалению, к недоверию и отрицанию принципа научности подобных исследований [Репьев, электронный ресурс; Зайцева, электронный ресурс]. В частности, указывается на то, что программа совершенно не учитывает субъективность мнения респондентов, ибо понятия «хороший» и «плохой» имеют разный смысл не только для них самих, но и для разных объектов. В качестве еще одного недостатка отмечается тот факт, что фонетическое исследование проводится не с транскрипцией слова, а с его написанием, что в итоге дает разные значения и не характеризует программу как надежный источник информации.

Автор программной разработки В. И. Шалак отвечает на критику в своих публикациях и с рядом его доводов можно согласиться, особенно в части разъяснения различия фоносемантики и семантики [Шалак 2007, с. 114]. Однако, по мнению Д. А. Казиева, несмотря на логику и эксплицитный характер представления позиций, некоторые из аргументов автора разработки

не находят подтверждения в практике применения программы [Казиев, электронный ресурс].

Исследования в сфере фоносемантических проявлений в единицах языка проводились и С. В. Ворониным. В своих работах ученый обращает внимание на то, что иконическими следует называть не только те слова, которые имеют ярко выраженную фонетическую связь между звуком и чувством, но и те, у которых в ходе исторического развития эта связь каким-то образом оказалась утраченной, но где она может быть восстановлена с помощью глубокого этимологического анализа с учетом внешних типологических сведений. В то же время, С. В. Воронин придерживается позиции, что изучение звуко-символизма невозможно без проникновения в психофизическую основу явления — синэстемию, которая, в отличие от синэстезии, охватывает не только сенсорную, но и эмоциональную сферу [Voroniin 2003, с. 3].

Для исследования звуко-символизма в языке удачной представляется классификация, предложенная А. Б. Михалевым. Автор выделяет типы звуко-символизма: эхоический (повторение звуком некой звучащей стороны отображаемого, как в случае звукоподражания; например, *rapparappa* ‘порхать’); синтетический (звук вызывает ощущения отображаемого, относящиеся к любой сенсорной модальности, кроме слуховой; например, *pushpushke* ‘мягкий’); физиогномический (звук ассоциируется с эмотивными или психофизиологическими свойствами; например, *tasaske* ‘испытывать жгучую боль’) [Михалев, электронный ресурс].

1.2.2. Звукоподражание как составляющая звукоизобразительной системы

Итак, обратимся к современному определению понятия «звукоподражание». «Звукоподражание (ономатопея) — это закономерная непроизвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом). Звукоподражание также определяют как условную имитацию звучаний

окружающей действительности фонетическими средствами данного языка («плюх», «ж-ж-ж», «мяу», «тик-так») [БЭС 1998, с. 165].

Если проследить эволюцию данного понятия, то можно отметить, что в последние два столетия менялись не только его трактовки, но и отношение лингвистов и философов к звукоподражанию как классу языковых единиц.

Сторонники звукоподражательного подхода к происхождению языка, к которым можно отнести Ж.-Ж. Руссо [1961], В. фон Гумбольдта [1984], А. А. Потебню [1993], признавали существование первоначальной связи между звуком и значением в словах языка и наличие естественного, отприродного характера этой связи. При этом, характер этой связи понимался широко: и как подражание звуком звуку (отражение в звучании слова звукового признака объекта — денотата), и как подражание звуком не-звуку (отражение в звучании слова какого-либо незвукового признака объекта). Однако звукоподражания хотя и должны обладать прямым сходством со звуками внешнего мира, тем не менее, не могут быть полностью идентичны естественным звукам, в силу того, что для их оформления используется звуковой состав одного конкретного языка. Так, еще В. фон Гумбольдт, говоря о звукоподражательном обозначении понятий, отмечает, что «звук, издаваемый предметом, изображается настолько, насколько нечленораздельный звук может быть передан членораздельным» (цит. по: [Потебня 1993, с. 74-76]). Данное мнение разделяет и русский ученый А. А. Потебня, считавший, что в каждом языке есть своя фонетическая система, звуки которой могут быть не свойственны другим языкам, подобно тому, «как не всем инструментам свойственны все тоны; в каждом языке есть своя система звуков» [там же].

К сожалению, на протяжении нескольких веков звукоподражательная лексика многие ученые выводят за пределы науки и считают слишком «сырой» и «загрязненной» для того, чтобы давать какие-либо продуктивные корни. Так, Ф. де Соссюр указывает, что подобные слова мало распространены, поэтому, никогда не будут являться органическими элементами лингвистической системы [Ahlner, Zlatev 2010, с. 304]. М. Мюллер, высказываясь в том

же ключе, называет звукоподражания «хаотической анархией» и утверждает, что система звукоподражаний причинила бы огромный ущерб всей научной этимологии и «никакое количество знаний, накопленных о ее функционировании, не способно было бы компенсировать ущерб, причиненный беззаконием, санкционированным ею». Исторические изменения в языке — это «естественный рост слов», в то время как звукоподражательная лексика является собой «искусственные цветы без корня» (цит. по: [там же]). В данном случае можно возразить М. Мюллеру и указать на то, что при исследовании процессов восприятия и порождения речи роль именно звукоподражательного класса слов весьма значительна, особенно в плане сопоставительных исследований языков не близких генетически.

До сих пор остается нерешенным вопрос и о грамматическом статусе звукоподражаний. Так, А. А. Потебня данную категорию слов называет «усеченными глагольными формами» [Потебня 1941, с. 191], а В. В. Виноградов «глагольно междометными формами внезапно-мгновенного вида» [Виноградов 1947, с. 554]. А. И. Германович выделяет данную категорию единиц в отдельный класс слов: «Как слова, имеющие своеобразную функцию в речи, специфическое значение, форму и историю, звукоподражательные слова должны быть выделены из категорий междометий» [Германович 1947, с. 188]. Существующие звукоподражания, на наш взгляд, по совокупности признаков разумно было бы выделить в самостоятельную лексико-грамматическую категорию, поскольку, будучи носителями звуковой информации, они, несмотря на свою специфическую природу, все же обладают лексическим значением и являются полноценными словами. Здесь имеет смысл согласиться с А. Н. Тихоновым, который указывал, что общепринятые звукоподражания, такие как *мяу-мяу*, *кря-кря* и другие имеют постоянный состав, а значит, одинаково воспринимаются говорящими на данном языке. Следовательно, за звукоподражанием закреплено осознанное звуковое содержание. Обладая одинаковой звуковой формой и постоянным смысловым содержанием, такие

звукоподражания выступают в языке как полноценные слова [Тихонов 1981, с. 73].

Поскольку в настоящее время достаточно актуальной областью, имеющей отношение к типологии языков, является иконизм, а звукоподражание и звуко-символизм — это, по существу, проявления иконизма в узком понимании данного термина, то эти явления постепенно начинают перемещаться из зоны периферии интересов лингвистики ближе к центру.

В последнее время наблюдается усиление интереса к изучению звукоподражательной лексики разных языков, ее форм, видов и функций. В нашей стране вопросами звукоподражания на разных временных этапах занимались А. П. Журавлев [1981], С. В. Воронин [2006], С. С. Шляхова [2013] и другие исследователи. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают экспериментальные исследования окказиональных и кодифицированных звукоподражаний, выполненные на материале разноструктурных языков под руководством профессора Е. Б. Трофимовой при «Лаборатории антропоцентрической лингвистики» АГАО им. Шукшина г. Бийска [Сергеева 2002, Филиппова 2008, Панькина 2009 и др.].

Обратимся непосредственно к самому описанию класса звукоподражаний и его особенностей.

С точки зрения классификации онома-топов по соотносимости формы звукоподражания с денотатом, С. В. Воронин предлагает разделить их на акустические и артикуляторные [Воронин 1969, с. 11]. По его мнению, проблема состоит не в том, «чтобы установить связь между звучанием онома-топа и его денотата, а в том, чтобы проследить, какими в первую очередь акустическими характеристиками звучания и денотата обуславливается выбор фонем, входящих в состав онома-топа, с учетом того, каково психоакустическое преломление этих параметров» [Воронин 2006, с. 39]. В иностранной литературе к этой классификации добавляют еще и ассоциативный класс онома-топов [Fischer 1999, с. 129].

Фонетическая мотивированность, характерная для любого звукоподражания, в зависимости от его вида проявляется по-разному: в акустическом ономатопе мотивированность, как правило, акустическая (важен акустический тип фонем ономатопа), в артикуляционном же — артикуляторная (важен артикуляторный тип фонем ономатопа). Несмотря на то, что артикуляционная и акустическая мотивированности существенно различны, они представляют собой тесно связанные разновидности ономатопии как единого целого, и между ними возможна интерференция, которая приводит к наличию у некоторых ономатопов смешанной мотивированности [Воронин 1969, с. 13].

С целью систематизировать звукоподражательный материал по соотносимости с денотатом С. В. Воронин предлагает классификацию ономатопов английского языка, которая впоследствии применяется и для других языков, как родственных, так и неродственных.

Поскольку данная классификация достаточно широко известна и ее можно найти в различных исследованиях (см., например, работу [Пруцких 2008, с. 54-55]), мы не даем ее в развернутом виде.

1.2.3. Изучение явления иконизма в японской лингвистике

Говоря о присутствии иконизма в лексике японского языка, японисты отмечают достаточно прочные фоносемантические связи между значением слов и составляющих их звуками. Так, со времен провозглашения гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа (1929), во многих языках было найдено подтверждение тому, что гласный [a] ассоциируется с чем-то большим, а гласный [i], наоборот — с маленьким. Японский язык также не стал в этом плане исключением. Более того, некоторые исследователи обращают внимание на то, что в японском языке [a] также ассоциируется с темным, мягким и скучным значениями, в то время как [i] — с ярким, твердым и острым значениями [Koriat, Levy 1977, с. 100]. Данное явление широко распространено в японских иконических словах. Например, 穴 *raku* означает ‘большой проем’, а 痙攣 *piku* — ‘судорога’. Однако нельзя не упомянуть, что

в современном японском языке все гласные имеют негативный фоносемантический ореол [Hamano 1998, с. 172].

В целом, иконические слова со звонким начальным согласным в японском языке определяют что-то большое, сильное, темное или неприятное, а с начальным глухим — маленькое, яркое или приятное. Например, *ざらざら* *zarazara* означает ‘грубая шершавая поверхность’ (например, наждачная бумага), *さらさら* *sarasara* — ‘сухая и гладкая поверхность’ (например, песок) [Akita 2011, с. 6].

Любопытная особенность относительно редупликации в японском языке была подмечена Г. Ивановой. Звукоизобразительные слова, различающиеся только в один слог и, имеющие, по данным словаря, идентичное значение, на самом деле отличаются коннотацией. Например, слово *べちゃべちゃ* *bechabecha* означает ‘болтать’, а *べちゃくちや* *bechakucha* — ‘бормотать’. Полная редупликация вызывает нейтральные ассоциации, связанные с действием, состоянием или чувством, в то время как частичная редупликация формирует ощущение злости, ненависти и даже насилия. Данное явление можно объяснить следующим образом: повтор одинаковых звуков создает ощущение гармонии и постоянства, а повтор непоследовательных звуков ассоциируется с дисбалансом и беспорядком [Ivanova 2006, с.113]. Однако здесь невольно возникает вопрос, что все-таки обуславливает значение иконического слова: согласование определенных звуков или их позиция в слове. По мнению Г. Ивановой, несмотря на разные ассоциации, свойственные каждой из фонем¹, определять значение слова будет только одна из них. При этом до настоящего момента остается открытым вопрос, как и за счет чего происходит превалирование одной фонемы над другой. Существует предположение, что это связано с семантикой звуков в слове.

В качестве особенности японского языка, с точки зрения фоносемантики, можно отметить явление звукосимволизма, которое существует и в не-

¹ Фонема — фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения и функцию. Термин введен в работе [Householder 1946, с. 83].

иконических словах, как в эксплицитной, так и в имплицитной его формах. В данных случаях, звуко-символизм выступает как неконвенциональная связь между смыслом и его фонетическим выражением в языке, определяющая тенденцию к отображению признаков, например «твердости» звуками [k] и [s], а «мягкости» [m] и [n] [田守育ひろ、スコウラップ 1999, с. 7]. С. Хамано указывает на ряд существительных, начальный согласный которых был намеренно озвончен, с целью звуко-символического выражения неприязни по отношению к предмету. Например, *ざま zama* ‘неряшливый вид’ был адаптирован из *さま sama* ‘внешность’, или *どり dori* ‘несъедобные внутренние органы курицы’ был образован из *とり tori* ‘курица’ [Hamano 1998, с. 251].

С. Макино и М. Цуцуи находят некоторые фоносемантические соответствия и в прилагательных японского языка. Например, корень прилагательного, заканчивающегося на [-shii] ассоциируется с эмоционально-психологическим состоянием человека (*悲しい kanashii* ‘печальный’, *寂しい sabishii* ‘одинокий’ *うれしい ureshii* ‘радостный’) [Makino, Tsutsui 1986, с. 56]. Кроме того, такие прилагательные японского языка, обозначающие размер, как *大きい ookii* ‘большой’ и *小さい chiisai* ‘маленький’ зачастую используются как примеры вокалического символизма в обычной лексике.

1.2.3.1. Исследование звукоподражательной лексики в японском языке

Звукоподражательную лексику японского языка мы будем рассматривать особо, так как она отличается от этого класса слов в европейских языках.

В японской лингвистике достаточно долго господствовало учение Ф. де Соссюра о произвольности знака, поэтому не проводились серьезные научные исследования звукоподражаний и звуко-символизма.

Основы современных представлений об ономастике в Японии были заложены Х. Кобаяси, который, хотя и рассматривает знак с позиций Ф. де Соссюра, тем не менее, оспаривает утверждение последнего о малой

распространенности звукоподражаний. По мотивационному признаку, считает Х. Кобаяси, «ономатопы располагаются между полностью мотивированными и полностью произвольными знаками и сочетают свойства обоих “полюсов”»: в силу мотивированности знака определенный звук отражает определённое ощущение, произвольный же характер знака проявляется в непостоянстве связей “звук-ощущение” в разных языках и диалектах одного языка» [小林英夫 1976, с. 90]. Одной из причин непостоянства этой связи Х. Кобаяси называет «ограниченность языковых средств, не позволяющих распределить по фонетическим признакам всю полноту свойств предметов» [там же].

Итак, Х. Кобаяси не соглашается с утверждением Ф. де Соссюра о малой распространенности звукоподражаний и в этом он, безусловно, прав. Однако возникают некоторые возражения относительно позиции самого Х. Кобаяси в связи с тем, что он относит звукоподражательную лексику к частично мотивированной. Напомним, что абсолютного тождества между языковыми и природными звуками быть не может ни при каких условиях, так как сами звуки языка дискретны, чем отличаются от недискретных природных звуков.

Японские звукоподражания как класс до сих пор не имеют своей «ниши» в структуре японской грамматики. Одни ученые ратуют за независимый статус японской звукоподражательной системы как класса, который имеет определенный набор своих фонологических, морфологических и семантических характеристик [Самарин 1971, Вулф 1981, Митхун 1982, Бодомо 2000 и др.]. Другие исследователи считают, что звукоподражательные и звукосимволические слова следует отнести к глаголам и наречиям [Роулэндз 1970, Ньюман 2000]. Все попытки официально выделить звукоподражательную лексику в отдельный грамматический класс до сих пор не увенчались успехом. В качестве причин можно выделить следующие факторы. Во-первых, в силу своей семантической структуры японские ономатопы слишком «ненадежные», чтобы выступать как отдельный объективный класс [Намапо 1998, с. 6-7]. Во-вторых, такие морфологические характеристики, как редупликация (とことと *tokotoko* ‘топ-топ’) и наличие эмфатического согласного (ぼんやり

boNyari ‘тусклый’), — это явления хотя и частые, но не свойственные абсолютно всем звукоподражаниям [Herlofsky 1990, с. 217]. В-третьих — это наличие такого свойства, как возможность перехода из одной грамматической категории в другую. Например, *しみじみ shimizimi* ‘сердечно’ произошло от глагола *しむ shimu* ‘растворяться в чем-то’, или *のんびり noNbirī* ‘расслабленно’ произошло от глагола *のぶ nobu* ‘растягивать, тянуть’. И наоборот, слова, которые относятся к обычному языковому страту, берут свое начало из звукоименной системы, например, второй компонент глагола *あわてふためく awate-futameku* ‘паниковать’, образован путем соединения звукоподражательного слова *ふた futa* и суффикса *めく meku* [Nanano 1986, с. 6]. В-четвертых, наличие особого фонологического и грамматического факта, который свойственен только звукоподражаниям в японском языке, а именно глаголам, начинающихся со звука [p] и употребляющихся с послелогом — *to*, которые тоже считаются звукоподражаниями. Например, *ぽたぽたと potapota to* ‘капать’, *ぴったりと pitari to* ‘сидеть вплотную (об одежде)’ [Akita 2009, с. 99]. Такие глаголы составляют одну шестую часть всех звукоподражательных слов японского языка и рассматриваются рядовыми японцами как естественные звукоподражания.

Попытаемся проанализировать возражения, которые объясняют нежелание многих лингвистов, как иностранных, так и японских, выводить звукоподражание в отдельный класс.

В первую очередь обратимся к вопросу о редупликации. С одной стороны, прибегая к примерам из других языков, где звукоподражания содержат повтор в своей форме, но могут использоваться и без него, можно было бы оспорить утверждение о том, что если звукоподражания не всегда образуются с помощью редупликации, это не выносит их за пределы группы. Например, *кря-кря* в русском языке, которое может использоваться и как *кря*. С другой стороны, в случае с японским языком, нельзя не учитывать разницу между морфологическими и фонетическими редупликатами. К первым сле-

дует отнести образования, способные либо употребляться самостоятельно, либо входить в состав иного слова. Например, такие слова как *ちらちら chirachira* ‘мелькая’, и слова примерно с тем же значением *ちらっと chitatto* и *ちらと chirato*, глагол *ちらつく chiratsuku* ‘мерцать, искрить’. Ко вторым относятся фонетические повторы, подобные морфологическим только внешне. Части их настолько слились, что превратились в одну морфему, образованную путем повтора частей, например: а) полные повторы: *あっふっあっふっ appuappu* ‘хватать ртом воздух’, б) повторы с изменением инициального звука *えっちらおっちら ecchiraocchira* ‘с трудом’, повторы с изменением двух звуков *しどろもどろ shidoromodoro* ‘запутаться, запинаться’ [Коршикова 1987, с. 94]. Части повторов выражают некое значение только в совокупности, они не употребляются самостоятельно и не входят в состав других слов, по структуре напоминая такие русские слова как *тяляля, балабол или колокол*. Таким образом, принимая во внимание ограничения, наложенные на использование компонентов слов в фонетических повторах, доводы противников выделения их в отдельный грамматический класс могут показаться не такими уж необоснованными.

Еще одно возражение относительно причисления звукоподражаний к глаголам и наречиям связано с морфологическими свойствами. Выступая в роли глагола или наречия, звукоподражание по форме с ними не совпадает, так как глагол непременно требует добавления послелога *to*.

Традиционно в японской лингвистике закрепилось следующее разделение звукоизобразительных слов на категории: звукоподражания *гионго* и звукоизобразительные слова *гутайго*. В англоязычных источниках по японской ономастике они зафиксированы, соответственно, в терминах *onomatopoeia* и *mimesis*. Японские лингвисты используют термин *オノマトペ onomatope* «ономатопея», объединяющий все типы звукоизобразительных слов. В своем исследовании мы опирались на определение, данное О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов», которое уравнива-

ет значения слов *звукоподражание* и *ономатопея* [Ахманова 2004, с. 157, 288] и использовали термин звукоподражание для называния всех типов звукоизобразительных слов японского языка¹.

Гитайго — это слова, образно или символично передающие состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления. *Гионго* — слова, имитирующие звуки природы, например, звон колокольчика, шум дождя, шорох листьев и прочее, также именуется группой «звуковой ономатопеи». Более подробная классификация предполагает выделение подкласса *гисэйго* — подражание голосам животных и людей, а также подражание звукам неживой природы. О богатстве японских ономатопов, передающих эмоционально-психологические состояния и характер человека, свидетельствует выделение еще одного класса — *гидзэ:го*. Самую полную, по нашему мнению, классификацию звукоподражаний по типу денотата можно найти у И. Тамори (цит. по: [Чиронов 2004, с. 20]):

1. Звукоподражания ぎおんご *giongo*.
 - 1.1. Звуки живой природы ぎせいご *giseigo*.
 - 1.2. Звуки неживой природы.
2. Звукоизобразительные слова ぎたいご *gitaigo*:
 - 2.1. Психические ぎじょうご *gidzyo:go*:
 - 2.1.1. Сенсорные ぎじょうかんかく *gidzyo: kankaku*.
 - 2.1.2. Эмоциональные ぎじょうかんじょう *gidzyo: kanjo:*.
 - 2.2. Физические:
 - 2.2.1. ぎょうご *giyo:go* — звуки живой природы.
 - 2.2.2. ぎたいご *gitaigo* — звуки неживой природы.

¹ В последнее время некоторыми учеными стал использоваться термин *オノマトペ* [onomatopée] (от франц.) как общий термин для всего класса звукоизобразительной лексики. Однако *onomatopée* изначально обозначала слова, которые имитировали звуки экстралингвистического характера. Термин считается не совсем удачным, т.к. в японском языке количество звукоподражательной лексики, которая выражает эмоции, чувства и т.д., огромно [Labrune 2012, с. 23].

Ввиду вышеперечисленных особенностей звукоподражаний, а также их неспособности иметь «ясное» лексическое значение и четкую грамматическую функцию (в отличие от других лексических единиц), мы согласны с теми сторонниками фоносемантики, которые выделяют их как особый, четвертый пласт лексики, наряду с *ваго*, *канго* и *гайрайго* (см. выше).

С точки зрения функционирования японских ономатопов, можно отметить неравномерность распределения сенсорных ощущений, что можно объяснить ограниченностью действующих в языке синестезии, кинестезии и культурных факторов. Так, в японской ономатопее весьма широко представлены специфические подражания голосам птиц, пресмыкающихся, насекомых, но, в отличие от стран Европы, где население активно занимается скотоводством, практически отсутствуют подражания голосам животных. Интересно отметить, что многие из звукоподражаний голосам насекомых в результате конверсии включаются в название самого насекомого: *みんみん minmin* ‘цикада’, *ころころ korokoro* ‘помпасная кошка’, *きりぎりす kirigirisu* ‘кузнечик’ [Чиронов 2004, с. 33].

Среди ономатопов, отображающих незвуковую реальность, весьма распространены изображения тактильных ощущений, что можно объяснить репутацией японцев, как «тактильной нации». Весьма ограниченно представлены ономатопы, отображающие вкусовые свойства, а также запахи.

1.3. Общая характеристика японского языка

Прежде чем приступить к рассмотрению класса звукоподражательной лексики японского языка, необходимо обратиться к общей характеристике японского языка ввиду особенностей его словарного состава.

В современном языкознании японский язык принято относить к группе Урало-Алтайских языков, хотя предполагается, что доисторический японский язык, или протоязык, произошёл в результате смешения Австронезийского и Алтайского языков, при возможном влиянии островного языка. К со-

жалению, утверждать с уверенностью, от какой именно языковой формы берет свое начало японский язык — задача не из простых, поскольку никаких достоверных источников, проливающих свет на его происхождение, не сохранилось. В качестве внешних сходств японского и австронезийского языков можно отметить двусложность лексических морфем, морфологические функции полной и частичной редупликации, простоту системы гласных, преимущественно открытые слоги и отсутствие явления сингармонизма.

1.3.1. Специфика словарного состава японского языка

Слова японского языка разделены на морфемы, принадлежащие к классам, которые, в свою очередь, относятся к разным морфо-фонологическим, семантическим и прагматическим системам. Эта структура фундаментальна и важна для описания и понимания японского языка в целом.

Японская лингвистика традиционно выделяет три лексических класса (страта):

– 和語 *wago wago* (лексемы Ямато или класс исконно японских слов, подклассом которой является звукоподражательная лексика) составляет 33,8 % всей лексики японского языка [現代国語辞典 2010]. Для древнего японского языка были характерны следующие фонетические особенности: 1) [r] и [l] не различались фонологически; 2) дифтонгов и аффрикат не было; 3) состав слога — CV, V; закрытый слог образуется только за счет использования конечного назального N; 4) в слове отсутствовало явление стечения гласных и согласных; 5) в отличие от корейского языка, звонкие согласные были особыми фонемами, хотя и не встречались в анлауте; 6) редкое употребление гласного [e], особенно в начале слов, состоящих из более чем двух мор; 7) простота лексем (длина всего 2-3 моры) [Сыромятников 2002, с. 36].

В современном японском данные особенности сохранились в остаточном варианте. Для современного языка Ямато также характерно отсутствие [r] и [h] во внутренних позициях слова, отсутствие сдвоенных звонких взрывных

и удвоенного [r], слабое распределение глухих согласных после моры с назальным [N], а также небольшое количество палатализованных согласных.

– 漢語 kango канго. Китайская лексика, заимствованная японским языком, начиная с IV в., содержит прежде всего слова абстрактного и интеллектуального характера и представляет 41,9 % лексики японского языка, характеризуется следующими фонологическими признаками [現代国語辞典 2010]:

- наличием большого количества палатализованных согласных;
- наличием назальной моры;
- присутствием удвоения;
- наличие долгих гласных;
- отсутствием не удвоенного [p];
- отсутствием удвоенных звонких взрывных;
- длиной морфемы в одну или две моры (понятие моры будет рассмотрено ниже).

Типичные морфемы класса *канго* представлены структурой закрытого слога, в центре которого находится гласный, прикрытый твердым или мягким согласным. Слова данной группы обычно оканчиваются назальной морой [N], удвоенным гласным [R], гласным переднего ряда [i], или дополнительной морой, содержащей согласные [t] или [k], сопровождаемые гласными [i] и [u]. Например: 本[hoN] *книга*, 恋う[koR] *любить*, 客[kyaku] *гость*.

– 外来語 gairaigo гайрайго — лексика, заимствованная, начиная с XVI в., из западных языков. Класс *гайрайго* составляет 8,8 % лексики японского языка [現代国語辞典 2010]. Слова данного страта содержат техническую и научную терминологию, а также используются для обозначения современных объектов и явлений западной культуры. При этом произношение слова, как правило, является близким к языку оригинала. Важно отметить, что некоторые *гайрайго* — это не более чем лексическая форма, сформированная японским языком при привлечении западных корней. В основном эти слова составлены путем соединения морфем, существующих в одном или бо-

лее иностранных языках, или же за счет сокращения (усечения) заимствованной формы. Японские лексикографы называют такие слова, составленные в Японии, 和製英語 *wasei eigo*. Например: サラリーマン *sarariiman* ‘работник компании’, или パソコン *pasokon* ‘персональный компьютер’.

Гайрайго зачастую демонстрируют фонотактические комбинации, которые не встретишь в *ваго* или *канго*.

Звукоподражательную лексику традиционно принято относить к классу *ваго*, так как она не встречается ни в *канго*, ни в *гайрайго*, хотя нельзя не отметить, что некоторые лингвисты предлагают выделить ее в качестве самостоятельного, четвертого страта японского языка (擬声語 *giseigo*).

Формальные границы между тремя основными классами лексики с течением времени ослабли и стали подвергаться гомогенизации. Поэтому такие характеристики, первоначально присущие только *канго*, как палатализация и наличие назальной моры [N], расширили свое влияние и на лексику *ваго*.

Что остается неизменным, так это строение и длина слов в каждом языковом страте лексики: в *канго* слова состоят из одной-двух мор, в то время как в *ваго* и *гайрайго* слова могут включать две и более моры.

В следующем параграфе рассмотрим фонетическую систему японского языка в сопоставлении с русским. Такой обзор необходим потому, что звуковые системы двух неродственных языков кардинально отличаются не только по составу, количеству и качеству звукотипов, но и по характеру проявления фонетических процессов. Получение предварительных сведений по данному аспекту помогут перейти к рассмотрению звукового состава звукоподражательной лексики в исследуемых языках.

1.3.2. Звуковая система японского языка

Прежде чем приступить к рассмотрению звуковой системы японского языка, следует упомянуть, что «с просодической точки зрения данный язык относится к языкам с музыкальным ударением (*pitch-accent language*), основным коррелятом которого является изменение мелодики голосового тона —

регистровые различия ударных, предударных и заударных сегментов (слов и их компонентов). Японское ударение подвижное, а фонетические слова оформляются акцентными контурами, конфигурация которых определяется распределением степеней повышения / понижения мелодики слогов и мор» (слог и мора подробно будут рассмотрены ниже) [Рыбин 2012, с. 11].

1.3.2.1. Сопоставительная характеристика гласных фонем японского и русского языков

В русском языке насчитывается пять гласных фонем. Различительными признаками русских гласных являются: 1) степень подъема языка по отношению к твердому небу, 2) степень продвижения языка вперед или назад, 3) наличие лабиализации или ее отсутствие. Данные характеристики, разве что за исключением п. 2, можно отнести и к японскому языку.

Приведем таблицу соотношения гласных фонем двух языков по месту их образования и подъема.

Таблица 1
Инвентарь гласных фонем японского и русского языков¹

ряд / подъем	Участие губ	Передний	Средний	Задний
Верхний	Лабиализованный			/y/
	Нелабиализованный	/и/ [i], [i:]	(/ы/)	[u], [u:]
Средний	Лабиализованный			/o/ [o], [o:]
	Нелабиализованный	/э/ [e], [e:]		
Нижний	Лабиализованный			
	Нелабиализованный		/a/ [a], [a:]	

¹ В таблице гласные звуки японского языка оформлены символом [], русского языка — //.

Общее: участие губ в артикуляции переднерядных гласных фонем /u/ и /э/ в русском и [i], [e] в японском языке; образование гласных среднего ряда нижнего подъема /a/ и [a] (в некоторых японских источниках звук [a] отнесен к гласным заднего ряда); образование гласных заднего ряда среднего подъема /o/ и [o], хотя в японском языке лабиализация недостаточно выражена.

Различное: наличие в японском языке нелабилизованного гласного заднего ряда верхнего подъема [u], который отсутствует в русском языке (при произношении японского [u:] губы не округлены, а наоборот, слегка растянуты в стороны, его произношение напоминает нечто среднее между /y/ и /yl/); наличие в русском языке гласного среднего ряда /yl/, отсутствующего в японском. Гласные и согласные в японском языке различаются по признаку долготы и краткости звучания, что играет смысловозначительную роль.

Что касается фонетических процессов, то в японском языке качественная и количественная редукция гласных не проявляется, но в некоторых случаях имеет место полная редукция, например, 和 watakushi [watakshi] — местоимение Я, где [u] редуцируется в позиции между [k] и [ʃ]. Аккомодация гласных не наблюдается.

1.3.2.2. Сопоставительный анализ

консонантных систем японского и русского языков

Осуществляя сопоставительный анализ согласных фонем японского и русского языков, стоит указать на то, что состав консонантной системы японского языка анализируется исследователями фонетики по-разному, в зависимости от избранного подхода. Несмотря на то, что языковое сознание самих носителей японского языка не оперирует такими единицами, как одиночные согласные, отечественные лингвисты, а также большинство японских все же приходят к членению потока речи как на гласные сегменты, так и на согласные. Чтобы сравнить консонантные системы двух языков, мы тоже придерживаемся подобного подхода, так как в русском языке система согласных представлена единичными фонемами.

Важно отметить, что сам принцип количественного выделения согласных фонем, так и определение некоторых характеристик в работах российских и зарубежных (включая японских) ученых-японистов варьируется. Это связано с тем, что, во-первых, количество фонем и определенные сочетания звуков в японском языке зависят от происхождения слова, а именно, принадлежности его тому или иному лексическому страту. Например, звук [p] не встречается в начальной позиции классов *ваго* и *канго*, а дрожащий [r] встречается в начальной позиции во всех классах, кроме *ваго* [Matsuyoshi 1990, с. 163]. Считается, что ономактопозитическая лексика и класс *гайрайго* является более богатыми на звуковые комбинации и контрасты, в то время как в *ваго* действуют существенные ограничения. Во-вторых, большинство согласных имеют аллофоны, которые, хотя и не являются особенностью японского языка, превышают по численности «норму», имеющуюся в других языках.

Часто встречающаяся в японском языке ассимиляция согласных с последующим гласным является доказательством очень тесной связи между ними. В данном случае можно полностью согласиться с мнением Ф. Дэниэлса, для которого согласные в японском языке выступают скорее в роли приставок к гласным, нежели предшествуют им, потому как речевой аппарат необходимо подготовить к произнесению именно гласного, а не предшествующего ему согласного звука [Daniels 1958, с. 58]. Данное явление встречается и в других языках, но именно в японском языке оно выражено чрезвычайно ярко [Labrune 2012, с. 60].

Как уже было отмечено выше, инвентарь японских консонантных фонем в работах японистов-фонологов не всегда совпадает. Например, у японских фонетистов Т. Камэи [1997] и И. Иори [2002] он составляет 21 и 24 фонемы, соответственно; у представительницы французской школы японистики Л. Лабруне — 21 фонему [2012]. В работах отечественных ученых В. М. Алпатова, И. Ф. Вардуля, С. А. Старостина — 33 фонемы [2000], а у В. В. Рыбина — 36 фонем [2012].

В нашем исследовании мы позволим себе обобщить несколько консонантных классификаций в одну, чтобы сделать ее наиболее полной и приемлемой для последующей работы со звуковым составом звукоподражательной лексики японского и русского языков. В силу того, что мы исходим из реальных звучаний, будем указывать те признаки, которые присутствуют непосредственно в речевых единицах.

Для наглядности отобразим данные в сводной таблице:

Таблица 2
Инвентарь согласных фонем японского и русского языков¹

			Губные				Язычные								
							переднеязычные				среднеязычн		заднеязычн		
			губно-губные		губно-зубные		зубные		небно-зубные		средне-небные		задне-небные		
			ТВ	МЯГ	ТВ	МЯГ	ТВ	МЯГ	ТВ	МЯГ	ТВ	МЯГ	ТВ	МЯГ	
шумные	смычные	глух.	/п/ [p]	/п'/ [p']			/т/ [t]	/т'/					/к/ [k]	/к'/ [k']	
		звонк.	/б/ [b]	/б'/ [b']			/д/ [d]	/д'/					/г/ [g]	/г'/ [g']	
		носов.													
	аффрикаты	глух.					/ц/ [ts]			/ч'/			[tʃ']		
		звонк.							[dʒ]				[dʒ']		
	щелевые	глух.	[Ф] [W]		/ф/ [f]	/ф'/ [f']	/с/ [s]	/с'/ [s']	/ш/ [ʃ]	/ш'/ [ʃ']			[ʃ']	/х/ [x]	/х'/ [x']
звонк.				/в/ [v]	/в'/ [v']	/з/ [z]	/з'/ [z']	/ж/ [ʒ]	/ж'/ [ʒ']						
носов.												/j/ [j]			
сонорные	смычнопрходные	носов.	/м/ [m]	/м'/ [m']			/н/ [n]	/н'/ [n']	[n]				[n'] [ŋ']	[ŋ]	
		ротов.					/л/ [l]	/л'/ [l']							

¹ В таблице согласные звуки японского языка оформлены символом [], русского языка — //.

	дрожащие							/p/ [r]	/p'/ [r']					

Очевидно, что консонантные системы двух языков заметно отличаются. Постараемся выделить основные сходства и различия, опираясь на результаты сопоставления, приведенные в таблице 2.

Общее: присутствие в обоих языках корреляции по твердости — мягкости, глухости — звонкости, а также наличие таких процессов, как ассимиляция и аккомодация. Например, в литературном японском языке наблюдается три вида ассимиляции: прогрессивная дистактная 出口 *deguchi* ‘выход’ (*de* «выход» + *kuchi* ‘рот’), регрессивная дистактная 発行 *hakko* ‘выпуск, издание’ (*hatsu* ‘выпускать’ + *ko* ‘идти’) и взаимная 八分 *happun* ‘восемь минут’ (*hachi* ‘восемь’ + *fun* ‘минута’). В литературном русском языке, как известно, ассимиляция регрессивная и контактная, например лодка [лоткъ]. Аккомодация наблюдается только по отношению к консонантам: перед [o] любые согласные лабиализуются. Аккомодация не наблюдается перед [u], поскольку в японском языке он не лабиализованный. Следующий общий признак — это то, что оба языка относятся к консонантному типу.

У следующих звуков наличествует совпадение по месту и способу образования: /n/ — [p], /n'/ — [p'], /m/ — [t], /k/ — [k], /k'/ — [k'], /b/ — [b], /b'/ — [b'], /d/ — [d], /z/ — [g], /z'/ — [g'], /t/ — [ts], /c/ — [s], /x/ — [h], /m/ — [m], /m'/ — [m'], /p/ — [r], /p'/ — [r']. При этом хотим подчеркнуть, что одинаковое наименование звуков не означает их полную тождественность в произношении.

Различное: в звуковом составе японского языка отсутствует ряд звуков, имеющих в русском языке: /m'/, /d'/, /t'/, /f/, /f'/, /c'/, /w/, /w'/, /x'/, /v/, /v'/, /z/, /z'/, /ʒ/, /ʒ'/, /n/, /n'/, /l/, /l'/. Количество пар по признаку твердый — мягкий в японском языке меньше, чем в русском. В звуковом составе русского языка отсутствуют следующие звуки, представленные в японском языке: [n], [n'], [tʃ'], [dʒ], [dʒ'], [Ф], [W], [ʃ], [η], [η'].

1.4. Фонетическая структура слова в японском языке

В процессе описания фонетической структуры слов японского языка мы невольно столкнулись с проблемой членения слова на слоги. По данному вопросу нет единого мнения ни в мировой, ни в японской лингвистике, и он до сих пор остается открытым.

Несмотря на то, что под влиянием европейской лингвистической школы японский язык долгое время причислялся к слоговым языкам, было очевидно, что фонологическая структура японского языка отличается от структуры индоевропейских языков.

Согласно разработанной в конце 1980-х — начале 1990-х годов теории сегментации [Otake, Hatano, Cutler, Mehler, 1993; Cutler, Mehler, Norris & Seguí, 1986, 1992; Cutler & Norris, 1988], было определено, что восприятие и членение речи осуществляется слушающим с опорой на ритмические характеристики его родного языка. Таким образом, при восприятии незнакомого языка англичане опирались на ритм, основанный на ударной составляющей, а французы — на слоговую сегментацию. Ритм японского языка, как выяснилось, не основан ни на слогах, ни на ударении, а базируется на морах.

Известный русский лингвист Е. Д. Поливанов высказал подобное предположение еще в начале XX века, отметив, что слово в японском языке определяется одним периодом высокого голосового тона на протяжении его звукового состава, а единицей этого количественного измерения периода является мора — один краткий слог или половина долгого [Поливанов 1928, 120]. При этом Е. Д. Поливанов также указал, что кратчайшим видом нормального слова является комплекс из двух мор [Поливанов 1991, с. 128].

1.4.1. Мора как ритмическая составляющая японского языка

«Мора (от лат. *moza* — промедление, пауза) это ритмическая единица, выделяемая в фонологии древнегреческого, латинского, санскрита, японского и ряда других языков. Мора может быть соотнесена с открытым слогом, за-

вершающимся кратким гласным и компонентами слогов более сложного состава, если эти компоненты проявляют функциональное сходство с кратким слогом: могут нести собственное ударение, учитываются при определении места ударения, закономерностей «фонологической длины» морфем и слов, стихотворных размеров» [ЛЭС 1990, с. 310]. В японском языке мора носит разные названия: 拍 *haku* [Kindaichi 1972a, Kindaichi & Akinaga 2001], モーラ *mora* [Shiro 1960] или иногда 音節 *onsetsu* [Hideyo 1940]. В современном японском языке насчитывается 103 моры, причем простые моры (直音 *chokuon*) также имеют и палатализованный вариант (拗音 *yoon*).

Например, слово 新聞 *shinbun* «газета» состоит из двух слогов, но японец будет подразделять их на 4 ритмические составляющие: *shi*, *n*, *bu*, и *n*, что соответствует четырем знакам азбуки. Это правило нашло отражение и в японской орфографии: обе фонетические азбуки японского языка *катакана* и *хирагана* основаны на морной структуре и содержат по 50 знаков. Каждый знак — это репрезентация моры в языке.

Для обычного слога обязательным является наличие гласного звука, однако на мору такое правило не распространяется. В японском языке существуют так называемые «мораические сегменты», выражающие особые фонологические характеристики и оформляющиеся в одну мору, например:

- назальная мора (撥ねる音 *haneru oto*), обозначающаяся в фонологической транскрипции как /N/. Она встречается в таких словах, как 止んだ *yaNda* [•anda] ‘останавливать’, 散歩 *saNpo* [sampo] ‘гулять’, 本 *hoN* [‘hon] ‘книга’;
- первая часть удвоенного согласного (促音 *sokuon*), обозначающаяся как /Q/. Встречается в таких словах, как 切手 *kiQte* [kitte] ‘марка’, こっそり *koQsori* [kossori] ‘секретно’, 発見 *haQkenN* [hakken] ‘открытие’;
- вторая просодическая составляющая долгого гласного (長音 *chôon*), обозначается /R/ (ср.: 空気 *kuRki* [kuuki] ‘воздух’, 方 *hoR* [hou] ‘направление’).

Моры могут быть слоговыми, вокалическими и консонантными. Слог CV равен одной слоговой море. Слог CVV разделяется на две моры: слоговую CV и вокальную V, например, お母さん *okaasan* ‘мама’; закрытый слог CVC разлагается на слоговую мору CV и консонантную C, например もっと *motto* ‘больше’; слог CCV разлагается на консонантную мору C и слоговую CV, например 汽車 *kisha* ‘поезд’.

Слоговая мора CV в японской филологии называется «бинарной», а в русской — «инициальной» [Алпатов 1998, с. 79]. В начале инициальной моры может стоять любая из 35 согласных фонем японского языка, но на дистрибуцию гласных наложены следующие ограничения:

1. Гласный [i] встречается только после палатализованных согласных, кроме [j].

2. Гласный [e] встречается только после непалатализованных согласных, исключение составляют палатализованные переднеязычные аффрикаты [f], [dz] и щелевой [ɕ], после которых (лишь в новых заимствованиях) гласный [e] допускается.

3. Гласный [ɯ] не встречается после согласных [w], [t], [d] и [h]; после остальных согласных он допустим.

4. Гласный [o] не встречается после согласных [w], [f] и [d']; после остальных согласных он допустим.

5. Гласный [a] не встречается после согласных [f] и [d']; после остальных согласных он допустим.

Удвоенный согласный и долгий гласный представляют единичный фрагмент моры, но ассоциируются с двумя позициями. Дифтонги и аффрикаты же представляют два фрагмента.

Просодемы, содержащие незаполненный (пустой) фрагмент, в трудах зарубежных лингвистов носят название «дефицитные», в русской же лингвистической школе подобные моры считаются «финальными» [Алпатов, Старостин, Вардуль 2000, с. 80].

Л. Лабруне выделяет четыре типа дефицитных просодем, содержащие:

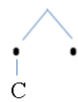
1. Только один гласный звук /V/:

貝 *kai* ‘ракушка’.

2. Назальная мора /N/:

本 *hon* ‘книга’;

консонантная мора /Q/:

バッグ *baggu* ‘сумка’;

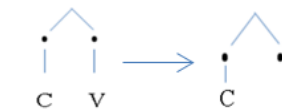
долгий гласный /R/:

お姉さん *oneesan* ‘старшая сестра’.

3. Редуцированные гласные:

深く *fukaku* ‘глубоко’.

4. Эпентетический (вставной) гласный

アムステルダム *Amusuterudamu* ‘Амстердам’ [Labrune 2012, с. 149].

На употребление согласных в финальной море накладываются следующие ограничения:

1. Плавные *w* и *j*, а также ларингалы *ʔ* и *h* никогда не образуют финальную мору.

2. В качестве финальной моры не встречается фонема \varnothing [Алпатов, Старостин, Вардуль 2000, с. 80].

В языкознании существует несколько классификаций структуры японской моры. Например, Т. Ванс выделяет пять типов:

1) **CV** в /sa/, /ko/, /ni/ и т.д.;

2) **CyV** (с палатализованным согласным) в /nya/, /kyu/, /tyu/ (chu), /sya/ (sha) и т.д.;

3) **V** в /a/, /i/, /u/, /e/, /o/;

4) /N/ в /hoN/ *hon* ‘книга’;

5) /Q/ в /moQte/ *motte* ‘держат и...’;

6) /R/ в /toR/ *to* ‘башня’ [Vance 1987, с. 114].

Представитель французской школы японистики Л. Лабруне упрощает структуру до двух типов мор:

1) **автономная** (обычная) (自立拍 *jiritsu haku*), имеющая структуру CV, CyV или V;

2) **специальная** (特殊拍), соответствующая назальной /N/, первой составляющей удвоенного согласного /Q/, второй части долгого гласного /R/ [Labrune 2012, с. 144].

Русский филолог-японец В. В. Рыбин предлагает свою классификацию моры:

1) **ядерные** (VC);

2) **маргинальные** (V, R, Q);

3) **терминальные** (N, J) [Рыбин 2011, с. 106].

Общим для всех классификаций является выделение удвоенного согласного/Q/, долгого гласного /R/ и назального /N/ в отдельные моры.

1.4.2. Слоговая организация японского языка

Современный российский японист В. М. Алпатов считает, что способ сегментации текстов в японском языке отражает влияние традиции, сложившейся до проникновения европейских идей в японскую науку. По его мнению, понятия, соответствующие фонеме и слогу, сформировались в Японии гораздо позже и уже под влиянием европеизации. В. М. Алпатов определяет это явление как привычку идти от моры к слогу, а не наоборот, отмечая при этом, что «данная традиция сохранилась даже в наши дни, несмотря на освоение европейских и американских лингвистических теорий и методов. Она, безусловно, связана со строем японского языка, где сочетаемость фонем менее свободна, а структура слога подчинена весьма жестким правилам» [Алпатов 1998, с. 32].

Определяя японский язык как слоговой, американский ученый Дж. МакКоли выделяет в нем 2 слоговых типа: короткие слоги (C)V или CyV и длинные слоги (C)VC, CyVC, (C)VV и CyVV [McCawley 1977, 58]. Автор придерживается взглядов Н. С. Трубецкого, который подразделяет языки на моросчитающие, содержащие слог и слогосчитающие, в которых мора отсутствовала [Трубецкой 2000, с. 332].

Теория, разработанная Л. Хайманом на материале африканских языков, гласит, что долгие гласные имеют трехкомпонентную структуру: инициаль, которая не является морой, ядро, весом в одну мору и финаль V или C, также весом в одну мору. Высказывалось предположение, что инициаль является приложением ядерной моры, а не слога [Human 1985, с. 20]. Другие ученые, такие как Я. Терао и Х. Кубозоно, пошли дальше, разъединив мору и слог на независимые сегменты (цит. по: [Labrune 2012, с. 149]). Скорее всего, в последнем случае была сделана попытка обойти краеугольную проблему взаимодействия моры и слога в японском языке.

В духе вышеизложенных традиций высказываются К. Тамаока и С. Макиока, полагая, что если фонологические сочетания CV считать одной морой, то структуры CVC и CVV (в состав которых включены /N/, /Q/ и /R/ можно именовать слогом, и, соответственно, мора CV будет являться «коротким слогом», а сочетания CVC / CVV — «долгими слогами» [Тамаока, Макиока 2009, с. 79]. Если подходить к описанию японской фонологии с позиции такого слогового концепта, вполне возможно считать японскую мору слогом.

С. Харагучи выдвинул предположение о том, что слог состоит из ядра и заключительной части (финали), где ядро (core), в свою очередь, подразделяется на начальный компонент (инициаль), выраженный согласным, и гласный звуки [Haraguchi 2003, с. 33].

М. Бекман, в результате исследования приходит к выводу, что абстрактная временная структура (мора) не имеет фонетической реальности, а «способность носителей японского языка определять количество мор в высказывании связана лишь с интерференцией со стороны графики, которая отражает в виде знаков азбуки морную структуру сегментных последовательностей» (цит. по: [Рыбин 2011, с. 94]).

В русской школе японистики предлагаются следующие принципы выделения слогов в японском языке [Алпатов, Вардуль, Старостин 2000, с. 82]:

- 1) любая последовательность «инициальная мора + консонантная финальная мора» есть слог;
- 2) любая последовательность «инициальная мора + вокалическая финальная мора + консонантная финальная мора» есть слог;
- 3) любая последовательность «инициальная мора + вокалическая финальная мора», если за ней не следует консонантная финальная мора, есть слог;
- 4) любая последовательность «консонантная финальная мора + инициальная мора», если ей не предшествует инициальная или вокалическая финальная мора, есть слог;
- 5) любая инициальная мора, если она не входит в последовательности, предусмотренные принципами 1-4, изоморфна слогу.

В связи с особенностью нашего исследования важно было принять решение о соотношении слога и моры. Выделение моры в качестве фонетической составляющей в организации японского языка представляется нам оправданным, однако в силу того, что данная работа включает исследование восприятия, как носителями японского языка, так и русского, есть необходимость проведения эксперимента с целью установить способы сегментации японских слов носителями русского языка и, тем самым, окончательно определить способ членения японского слова в антропоцентрическом аспекте.

1.5. Восприятие речи

В данном параграфе рассматриваются теоретические основы процесса восприятия речи, непосредственно связанные с исследуемой в диссертации проблемой проявления иконизма на материале звукоподражательной лексики. Кроме того, во второй главе исследования будет рассмотрен вопрос о роли моры в передаче информации, имеющий прямое отношение к проблеме перцептивной сегментации речи в восприятии носителей русского языка.

Отражение образов внешнего мира опирается на совместную работу органов чувств и синтез отдельных ощущений в сложные комплексные си-

стемы. Лишь в результате такого объединения изолированные ощущения превращаются в *целостное восприятие*, переходя от отражения отдельных признаков к отражению целых предметов или ситуаций. При этом процесс восприятия достаточно сложен, так как происходит выделение из всего комплекса воздействующих признаков основных признаков, с одновременным отвлечением (абстракцией) от несущественных.

Объяснить факт перехода человека от наглядного чувственного опыта к отвлеченному рациональному пытались еще античные философы, во времена которых сформировалось два основных подхода: эмпирический и рационалистический. Так, представители первого подхода делали акцент на чувственных впечатлениях от объектов окружающей действительности как главного источника познания. В частности, один из сторонников эмпиризма Дж. Локк считал, что «нет ничего в разуме, чего бы не было прежде в ощущениях» (цит. по: [Венцов, Касевич 2003, с. 48]), тогда как рационалисты отводили главную роль внутренним, ментальным процессам и представлениям.

Интересным представляется взгляд И. Канта, который пытается преодолеть противопоставление двух вышеупомянутых подходов. Он признает, что ощущения человека вызываются существующими независимо объектами внешней действительности («вещи в себе»), которые являются источником ощущений, но взаимодействие с ними органов чувств создает мир феноменального. Познание есть результат наложения на мир феноменального категорий и схем, принадлежащих человеческому рассудку, поэтому суждения человека одновременно синтетичны, ибо они дают новое знание, и априорны, так как это «знание порождается в силу» [Кант 1964, с. 95].

Существуют следующие виды восприятия: зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое и обонятельное. В силу того, что наше исследование посвящено восприятию кодифицированных звукоподражаний, остановимся более подробно на слуховом типе восприятия.

Восприятие вообще и слуховое восприятие в частности — это сложная деятельность индивида, выполнение которой основано на механизме взаимо-

действия артикуляционного, акустического и перцептивного звеньев [Артемов 1969, с. 183]. Слуховой аппарат человека сформирован таким образом, что позволяет ему улавливать и различать колебания воздуха, даже очень слабые по интенсивности, которые образуют физические свойства звука, его акустические характеристики. Ученые выяснили, что физические свойства звука и особенности перцепции звуковой стороны окружающего мира, а также сама физиология слуховой системы человека достаточно хорошо приспособлены друг к другу. Однако на сегодняшний день до сих пор не известен весь спектр возможных субъективных параметров акустических сигналов, используемый человеком при восприятии внешнего мира.

Необходимую предпосылку работы перцептивного звена составляет доперцептивный, или психоакустический, механизм. Психоакустический блок не обладает специфичностью ни по отношению к конкретному языку, ни по отношению к языку вообще. Он совпадает с анализатором, генетически предназначенным для обработки слуховой информации, то есть со слуховым анализатором — рецепторами. Механизмы психоакустического модуля измеряют частотные, временные, энергетические параметры звукового сигнала в их соотношении. На выходе психоакустического модуля формируется описание исходного сигнала в виде последовательных сегментов речевого потока, еще не имеющих размерности фонем. Выход психоакустического модуля доступен для целого ряда систем, в том числе и для перцептивной речевой системы, которая включается в работу тогда, когда принимается решение о том, что звуковой сигнал является речевым. На данном этапе принимается решение о фонемах, дискретной последовательностью которых может быть описан данный участок речевого потока

По мнению Л. Р. Зиндера, восприятие нужно рассматривать как первый этап декодирования звучания, который можно назвать фонетическим, так как он определяется звуковой системой [Зиндер 1979, с. 117]. Данное утверждение поддерживает и Е. А. Кислицина, определяющая восприятие как иерархический процесс. На начальном его этапе происходит анализ звуковых еди-

ниц, затем их фонетическая интерпретация, за которой уже следуют формологический, семантический и синтаксический анализы [Кислицина 2014, электронный ресурс].

Если обобщить существующие в настоящее время теории по характеру восприятия, то их можно разделить на две группы: *моторную* и *сенсорную*. Моторная теория, подробно изложенная в работах таких ученых, как А. Либерман, А. А. Леонтьев, Л. А. Чистович, Р. М. Фрумкина и др., постулирует, что в процессе слушания речи человек определяет значения управляющих моторных сигналов, необходимых для производства сообщения, подобно услышанному. Одной из особенностей *моторной* теории является то, что акустический компонент рассматривается в качестве второго основного аспекта речевосприятия. При этом утверждается, что моторный образ речевой единицы и предполагаемый ее сенсорный образ совпадают друг с другом. Основной же механизм восприятия — это сопоставление сигнала с эталоном (звуковым обликом слова) по акустическим признакам. Оно «предшествует возникновению соответствующих моторных образов и не зависит существенным образом от их наличия» [Леонтьев 2003, с. 128]. На *сенсорном* уровне выделяется несколько операций восприятия звука: 1) опознание фонологических признаков; 2) определение фонологического ряда как последовательности фонем; 3) опознание последовательности фонем как звуковых кодов слов [Глазерман, 1986]. Данная ситуация имеет место только в том случае, когда индивид использует только фонетическую информацию, а именно, когда слушающим воспринимается ряд незнакомых слов.

В качестве факторов, влияющих на опознание слов, по мнению Л. Р. Зиндера и А. С. Штерн, можно отметить, во-первых, различные свойства речевых сигналов — их фонетические характеристики, семантические особенности, их вероятностные характеристики. Во-вторых, в различных условиях восприятия доминирующими в опознании могут быть различные классы признаков речевого сигнала: фонетические — при хороших условиях опознания (если уровень сигнала значительно выше уровня шума), семанти-

ческие — при средних условиях, частотность сигнала — при наихудших условиях [Зиндер, Штерн 1972, с. 105].

Говоря о существующих моделях восприятия речи, отметим, что большинство из них не предусматривает специальных процедур сегментации. Кроме того, существует мнение, что сегментация выступает побочным продуктом идентификации [Лисенко 1966, Клаас 1966], однако при этом не отрицается тот факт, что в процессе освоения языка единственным способом усвоить, какие последовательности являются словами, «выступает сегментация сигнала, основанная на информации, которая содержится в нем самом» [Венцов, Касевич 2003, с. 68]. К таким типам сигналов относят и фонологические сигналы, которые, в свою очередь, делятся на просодические и сегментные. К просодическим сигналам обычно относят паузу, наличие которой демонстрирует сегментную границу. С опорой на вышеизложенный материал, во второй части нашего исследования мы попытаемся определить способы сегментации японских слов: на уровне речепорождения с помощью компьютерной программы, а на уровне восприятия — с помощью психолингвистического эксперимента с носителями русского языка.

Появление акустического сигнала приводит в действие систему принятия решений, начальным этапом которой является фонетическая интерпретация внутреннего (субъективного) представления речевого сигнала, с последующим переходом к более «сжатому» описанию сигнала в виде последовательных дискретных единиц. Однако вопрос о том, каким образом стимул, обладающий определенной физической природой, отражается посредством внутреннего ментального представления человека, до сих пор остается открытым. Задача осложняется и тем, что процесс интерпретации сигнала опосредуется культурной системой координат, присущей человеку. В следующем разделе нашего исследования рассмотрим основные особенности языковой картины мира в целом и японской системы в частности.

1.6. Языковая картина мира

Языковая картина мира связана, прежде всего, с семантикой. Может показаться, что введение в данное исследование понятия «языковая картина мира» излишне, в силу того, что звукоподражательная лексика относится к периферийным явлениям. Однако, как отмечает В. В. Морковкин, языковая картина мира «фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, то есть на этапе его первичного, наивного, донаучного познания мира» [Морковкин, Морковкина 1997, с. 39]. Именно звукоподражательная лексика относится к упоминаемому исследователями периоду формирования языка, большинство единиц которой не претерпело существенных изменений в процессе исторического развития.

В своих работах В. фон Гумбольдт отмечает: «Весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984, с. 80]. Подобный антропоцентрический подход к миропостижению разделяют такие ученые, как Э. Сепир [1931], Б. Уорф [1956], Э. Бенвенист [1974] и Х. Киндаичи [1978]. В современной лингвистике эту традицию продолжают, в частности, А. Вежбицкая [1996], Г. Гачев [2008].

По мнению Н. Н. Гончаровой, языковая картина мира есть субъективный образ объективного мира, несущий в себе черты человеческого способа миропостижения — антропоцентризма, который пронизывает весь язык. С одной стороны условия жизни людей, окружающий мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в их языковой картине мира; с другой — человек воспринимает мир через формы родного языка, его семантику и грамматику, что детерминирует структуры мышления и поведения.

[Гончарова 2012, с. 401]. «Язык есть система понимания, то есть, в конечном счете, миропонимания; язык и есть само миропонимание» [Лосев 1993, с. 822].

Существующие расхождения в языковых картинах мира не всегда представляются видимыми, но в качестве основных можно выделить три — это природа, культура и познание. Первый фактор — природа, помогающая человеку давать названия не только животным, растениям и явлениям, но и тем состояниям, которые он испытывает и ощущает. Природные условия диктуют языковому сознанию человека и особенности восприятия цвета. В разных языковых культурах закреплены собственные ассоциации, связанные с цветовыми обозначениями, которые в чем-то совпадают, а в чем-то отличаются (цит. по: [Бердникова 2012, с. 275]). Вторым фактором — культура — это результаты материальной и духовной деятельности человека, социально-исторические, моральные и другие нормы и ценности, которые воплощаются в различных представлениях о мире. Третий фактор — познание — является уникальным для каждого человека. Естественно, что способы осознания мира не идентичны у многих народов. Об этом говорят различия результатов познавательной деятельности, отраженные в специфике языковых представлений и особенностях языкового сознания разных народов [Бердникова 2012, с. 275]. Показателем влияния познания на языковые различия является то, что В. фон Гумбольдт назвал «различными способами видения предметов» [Гумбольдт 1984, с. 157].

В связи с этим, одной из центральных проблем современной лингвистики является «проблема зависимости строения и организации языка (в его генезисе, так и в его реальном синхронном состоянии и функционировании) от общих принципов восприятия мира человеческим сознанием» [Кубрякова 1992, с. 31]. Физиология и психология восприятия имеют непосредственное отношение к тому, как в языке отражается то или иное видение мира. Именно особенностями восприятия, по мнению А. В. Кравченко, объясняются явления языкового антропоцентризма, которые «вплетены в самую ткань языка» [Кравченко 2004, с. 22]. Как далее отмечает автор, познавательная деятель-

ность первичного уровня, содержательную сторону которой составляет категоризация знания языковыми средствами, своей отправной точкой имеет фигуру человека, познающего мир [там же]. Поэтому, несмотря на огромное различие языковых и культурных систем, ученые все же отмечают наличие семантических и лексических универсалий, указывающих на общий понятийный базис, на котором основывается человеческий язык, мышление и культура [Вежбицкая 1996, с. 322]. Ярким примером проявления универсальности является наличие звукоподражательного класса слов в разных языках.

В целом, языковая картина мира в любом языке обладает как сходством с другими языками, так и спецификой, характеризующей конкретный язык. Японцы, например, придают огромное значение так называемым *思わせ振り омовасэбури*, смыслам, возникающим за пределами самого высказывания. Эти значения сопровождаются определенными коннотационными дополнениями [Неверов 1982, с. 23, 29]. Характерным является и обилие некатегоричных форм высказывания. Японский язык является такой лингвосистемой, которую нельзя «разгадать извне» [Буряк 2001, с. 307]. По утверждению Т. Цуноды, уникальность японского мозга не носит врожденный характер, она детерминирована самой жизнью в японском обществе, «замкнутой неповторимостью» самой этносоциальной общности (цит. по: [Буряк 2001, с. 308]).

Следует отметить группу слов, способную передать значения ощущений. Она довольно ограничена, например, по-японски трудно обозначить разницу между «твердый» и «жесткий». Полагаем, что наличие вышерассмотренной группы «немых» звукоподражаний, нехарактерной для европейских языков, связано со специфической потребностью расширить круг слов, обозначающих ощущения. Как следствие, характерной чертой японского языка, как уже было отмечено в предыдущих частях работы, является наличие большого числа особых звукоподражательных и звукосимволических слов, которые отсутствуют в русском языке.

Еще одна из важнейших особенностей японской языковой картины мира — это присутствие во всех сферах жизни и деятельности языковой куль-

туры страны противопоставления «свой — чужой», «пространство внутри» (内 *uchi*) — «пространство вне» (外 *soto*). Проявляется оно в большей степени в вежливой речи японцев, а также в общении с иностранцами, в силу того, что иностранец всегда будет чужим для носителей японского языка. В отношении к «чужим» в Японии не принято много говорить и показывать свои чувства, а в отношении «своих» эти этикетные ограничения снимаются [Алпатов 2008, с. 138].

Если для представителя западной цивилизации характерно утверждение, что в основе поэзии лежит чувство, то в контексте японской культуры оно приобретает иное звучание, поскольку помимо естественных чувств человека 人情 *ninjo*., особое место занимает и эмоция как ситуативное чувство. Показательно то, что существует даже слова, представляющие собой контаминацию значений ‘радость’, ‘печаль’, ‘упоение’ и ‘гнев’ — きどあいらく *kidoairaku*. Возможно, присутствие такого рода контаминаций в лексике японского языка объясняется несовпадением отношения японцев и русских к таким понятиям, как «светлый» — «темный», «нежный» — «грубый», что и было обнаружено в ходе психолингвистического эксперимента на эмоциональное восприятие японских звукоподражаний, проведенного с носителями японского языка. В японской поэзии своеобразный «дуализм» мировоззрения жителей страны отразился через гармоничное сочетание, казалось бы, несовместимых жизненных установок: проповедуемой буддизмом бесстрастной созерцательности с эмоциональными переживаниями, стремлением испытать и передать тончайшие оттенки человеческих чувств и эмоций, как следствие синтоистского ощущения божественности во всем, что окружает человека. Считается, что именно эта двуплановость лежит в основе национальной стихии, через которую японцы видят мир и «фиксируют» прекрасные мгновения, исчезающие в Вечности [Герасимова 2012, с. 238].

Таким образом, можно согласиться с С. И. Драчевой, отмечающей, что «язык — отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное челове-

ком» [Драчева 1997, с. 63]. Обобщение таких данных позволит, по мнению Е. С. Кубряковой, «вывести некоторые общие положения о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей мироздания..., как в физическом аспекте человеческого бытия, так и в его социальной организации и во всей свойственной человеку системе его ценностей и нравственных, морально-этических оценок» [Кубрякова 2003, с. 336-337].

ВЫВОДЫ ГЛАВЕ I

Подведем итоги рассмотренного теоретического материала о знаковой структуре языка и проблеме языкового иконизма. Кроме того, определим основные положения, на которые будем опираться в дальнейшем при выполнении экспериментальной части исследования.

1. Существующие теории, посвященные знаковой природе языка, неоднозначно трактуют вопрос о его структуре и, как следствие, соотношении его сторон. При существующих системоцентрических положениях о том, что знак является одно- и двух- сторонней сущностью, нам близок антропоцентрический подход, предполагающий трех- и четырех- стороннюю компонентность знака связывающий мотивированность между планом выражения и планом содержания с деятельностью человеческого сознания.

2. Языковая иконичность и звукоизобразительность в работе рассматриваются как синонимы, представленные двумя составляющими: звукоименической (образоподражательной) и звукоподражательной лексикой. С развитием науки иконичность вышла за узкие рамки только фонетики и исследуется также в морфологии и в синтаксисе.

3. В звукоименической системе японского языка присутствует группа звукоподражаний, нехарактерной для индоевропейских языков, которая отображает не только физическое, но и психологическое состояние объекта (класс *гитайго*). Неоднозначно рассматривается вопрос и о месте звукоподражаний в лексической и грамматической классификации японского языка.

4. В современном японском языкознании остается открытым вопрос о способах сегментации слов. Большинство исследователей-японистов склонны считать не слог, а мору минимальной фонетической единицей порождения речи в японском языке. В работе решен вопрос о соотношении моры и слога.

5. Сопоставление фонологических систем русского и японского языков позволяет установить сходства и различия в звуковых системах двух языков.

6. Освещены вопросы, связанные с восприятием речи и теории сегментации речи, которые во второй главе рассматриваются на конкретном материале звукоподражательной лексики.

7. Языковая картина мира фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не только на современном этапе его развития, но и на этапе формирования языка.

ГЛАВА II. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ИКОНИЗМА В ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Вторая глава состоит из двух разделов. В первом представлена авторская семантическая классификация звукоподражаний в русском и японском языках в сопоставительном аспекте. Во втором разделе дается описание психолингвистических экспериментов, проведенных с носителями русского и японского языков. Эксперименты подразделяются на следующие группы: 1) диагностические, проводимые с целью определения валидности использования экспериментальной методики; 2) эксперименты по восприятию носителями каждого из языков звукоподражаний, обозначающих звуки живой-неживой природы в другом языке; 3) эксперименты по восприятию носителями русского языка японских звукоподражаний особого типа, не представленного в европейских языках (класс *гитайго*).

2.1. Сопоставительная классификация японских и русских звукоподражаний

Звукоподражательная лексика японского языка является незаменимой составляющей каждодневного неформального общения японцев. Широко применяются звукоподражания в газетах, журналах и в рекламных кампаниях. Умение и способность передавать с их помощью тонкие оттенки экспрессивных значений считается среди иностранцев показателем высокого уровня знания языка.

К сожалению, не во всех японо-русских словарях, которых и так небольшое количество, можно найти японские звукоподражания с русским эквивалентом. Связано это с тем, что зачастую возможный перевод кажется «детским» или даже маргинальным для носителей русского языка. А вот не-

достаточную представленность звукоподражаний в толковых словарях японского языка объяснить достаточно сложно, хотя можно предположить, что данные единицы не рассматриваются как «серьезная» составляющая японского стандартного языка.

На данном этапе работы была предпринята попытка систематизировать и сопоставить звукоподражания в японском и русском языках. Поставленную задачу осложняет не только обилие звукоподражательной лексики в японском языке, но и существование особой группы звукоподражаний, не имеющей аналогов ни в европейских, ни в русском языках. Речь идет о словах, обозначающих физическое и психическое состояние, характеристики предметов и прочее (см. Главу I). Рассмотрев материал, представленный в японских толковых словарях и словарях звукоподражаний (擬音語・擬声語辞典 [浅野, 1979], 擬態語・擬音語分類用法辞典 [チャン, 1990], 現代国語辞典 [2010]), а также в русских словарях («Словарь русского языка в 4-х томах» [Евгеньева 1983], «Словообразовательный словарь русского языка» [Тихонов 1990]), мы разбили все встретившиеся нам звукоподражания на четыре большие группы, с последующей градацией их на узко-тематические подгруппы:

- I. Звуки живой природы.
- II. Звуки неживой природы.
- III. Звуки, издаваемые человеком.

IV. Звукоподражания, передающие состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления (специфический подкласс звукоподражаний в японском языке).

Таблица 3

Сопоставительный анализ кодифицированных звукоподражаний японского и русского языков

Значение звукоподражания	Японские звукоподражания		Русские звукоподражания	
	Общее кол-во	Примеры	Общее кол-во	Примеры
I. Звуки живой природы				
Звуки, издаваемые птицами (включая домашними)	19	ちゅっちゅっ [tʃ'uQʃ'u] чириканье かーかー [kaRkaR] карканье こけこっこ [kokekoQko] кукареку	8	чирик кар-кар кукареку
Звуки, издаваемые насекомыми и лягушками	11	じーじー [dʒ'iR dʒ'iR] жужжание цикады りりー [r'iR'iR] писк комара けろっ [kero] кваканье лягушки	3	ж-ж-ж ква-ква дз-дз
Звуки, издаваемые домашними животными (кошка, собака, поросенок, корова и другие)	13	にゃーにゃー [n'•aR n'•aR] мяукать わんわん [waNwaN] гавкать ぶーぶー [buRbuR] хрюкать	8	мяу-мяу гав-гав хрю-хрю
Звуки, издаваемые дикими животными	4	こんこん [koNkoN] тьяканье лисы きーきー [kiRkiR] звук, издаваемый обезьяной うおーん [woRN] вой волка	2	тяв-тяв у-у-у
II. Звуки неживой природы				
а) Звуки окружающей среды				
Пламя, огонь	19	ちよろちよろ [tʃ'oro tʃ'oro] мерцание небольшого огня ぶすぶす [busubusu] о предмете, который плохо горит и только дымит じゃーじゃー [dʒ'aRdʒ'aR] поджариваться и шипеть на сковороде	0	
Воздух	6	すーすー [suRsuR] звук сквозняка ぶくっ [buku] раздуться бесформенно	0	

		ぼしやっ[boʃ'a] резко сдуться		
Вода	67	ぐらぐら[kurakura] кипеть ごぼごぼ[gobogobo] булькать だらだら [daradara] капать, не переставая	2	кап-кап буль-буль
Свет	15	ぴかぴか[p'ikap'ika] сверкать, блестеть ちかちか[tʃ'ikatʃ'iika] вспыхивать ちらちら[tʃ'iratʃ'ira] мерцать, мигать	0	
б) Искусственные звуки, порождаемые деятельностью человека				
Звуки автомобилей и поездов	6	ごーごー [goRgoR] звук поезда かたんかたん[katankataN] звук локомотива ふーふー[buRbuR] сигнал клаксона	2	тук-тук чух-чух
Звон, звонок, сигнал	7	からんからん [karankaraN] звон церковного колокола	4	динь-динь звяк трень
Звук стрельбы, свист пуль	10	かちん [katʃ'iN] срикошетить ずどん[dʒudoN] звук выстрела	1	паф
Звук часов и других механизмов	5	ちくたく [tʃ'i kutaku] ¹ звук часов こちこち[kotʃ'i kotʃ'i] звук часов がちゃんがちゃん[gaʃ'aŋgaʃ'aŋ] звук механизма	2	тик-так чик-чик
Звук шагов	5	ぺたんぺたん[petaNpetaN] шлепать こつこつ [kotsu <u>kotsu</u>] звук шагов	2	шлеп-шлеп топ-топ
Звук барабанов и фейерверка, типичных для японских фестивалей	4	でんでん [deNdeN] звук традиционного японского барабана ぽんぽん[poNpoN] звук фейерверка	1	
III. Звуки, издаваемые человеком				
Сморкаться, шмыгать носом	5	ちん chin [tʃ'iN] сморкаться	0	

¹ _ обозначение редукции гласного звука.

		くすんくすん[kusuNkusuN] шмыгать носом		
Прочищать горло, кашлять, чихать	5	えへん [eheN] прочищать горло ごほんごほん [gohoNɡohoN] громко кашлять くしゃん [kuʃaN] чихать	2	апчхи кхе-кхе
Плакать, вздыхать, причитать	12	おぎゃーおぎゃー[og'a og'a] плач младенца おいおい [oi oi] горько плакать あーんあーん [aRN aRN] громкий плач с широко открытым ртом	1	а-а-а
Звуки дыхания, зев	7	あっふあっふ [apQuarQu] дышать с трудом はーはー[haRhaR] задышаться, дышать с трудом ふあーっ [fuaR] зевать	1	
Стонать	1	うんうん [uNuN] стонать	0	
Глотать, жевать, чавкать, плевать	6	ぐいぐい [guigui] пить большими глотками ぷっ [pu] плевать	1	тьфу
Звук поцелуя	1	ちゅっ [tʃu]	1	чмок
Вскрикивать, визжать	4	きゃーきゃー [k'aRk'aR] кричать, визжать きーきー[k'iRk'iR] визжать	0	
Храпеть, сопеть	3	ぐーぐー [guRguR] храпеть ぐーすか [guRsuka] храпеть	1	хр-хр
Смеяться, резвиться	2	からから [karakara] смеяться きゃっきゃっ [k'akQ'a] звук, издаваемый ребенком, когда он резвится, играет	4	ха-ха-ха хе-хе хи-хи
Призыв к тишине	1	しーっ [ʃiR] ш-ш-ш	1	ш-ш-ш
Урчание живота	2	ぐーぐー [guRguR] урчать ごろごろ[gogogoro] рычать	0	
IV. Звукоподражания, передающие состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления				
а) Люди и работа				
Персональные качества	43	しゃーしゃー[ʃaRʃaR] наглый おっとり[otQori] быть спокойным	0	

		ねちねち[neʃ'ineʃ'i] быть настойчивым		
Взаимоотношения	18	ぎくしゃく[g'ikuʃ'aku] напряженные ちゃらちゃら[ʃ'aratʃ'ara] флиртующий, привлекающий внимание ぎすぎす[g'isug'isu] недоброжелательный	0	
Работа и деньги	45	きりきり[k'ir'ik'ir'i] быть очень занятым せっせ[sesʑe] работать как пчела ちゃっか[ʃ'akʑar'i] быть расчетливым	0	
б) Физическое состояние				
Внешность	67	ちゃらちゃら[ʃ'aratʃ'ara] одеваться вызывающе ぱりぱり[paʀ'ipaʀ'i] выглядеть свежим; с иголочки одетым のっぺり[nopʑer'i] быть бледным	0	
Выражение лица	37	ぷりぷり[puʀ'ipuʀ'i] злое выражение лица にこにこ[n'ikon'iko] улыбающийся かっか[kakʑa] покраснеть	0	
Выражение глаз / взгляд	36	きらきら[k'irak'ira] блестеть くりくり[kuʀ'ikuʀ'i] вращать глазами しょぼしょぼ[ʃ'obo ʃ'obo] прищуриться	0	
Соматические свойства	27	ぐったり[gutʑar'i] смертельно устать しゃんしゃん[ʃ'aNʃ'aN] быть бодрым, энергичным げんなり[geNnar'i] быть истощенным	0	
Функционирование тела, симптомы	48	くらくら[kurakura] головокружение ふーっ[fuʀ] терять сознание むかむか[mukamuka] тошнить	0	
Чувства, ощущения	165	ざわざわ[dʑawadʑawa] морозить さっぱり[sapʑar'i] чувствовать свежесть, облегчение いらいら[iraira] раздражать	0	
в) Эмоциональное состояние				

Сильное впечатление, всплеск эмоций	101	かんかん [kaNkaN] «кипеть» от гнева がっかり [gakQar'i] разочароваться ぽたぽた [potapota] капать о слезах	0	
Настроение	53	どきどき [dok'idok'i] нервничать いじいじ [idz'iidz'i] грустить, депрессовать むっつり [mutsQur'i] быть не в настроении	0	
г) Умственные характеристики				
Умственное состояние	74	ごちゃごちゃ [gotʃ'agotʃ'a] пребывать в смятении, не знать, что и думать がりがり [gar'igar'i] помешаться на чем-либо うんざり [undzar'i] быть «сытым по горло» чем-то	0	
Умственная деятельность	28	ありあり [ar'iar'i] отчетливо приходить на ум つらつら [tsuratsura] основательно думать あつけらかん [akQerakaN] быть безразличным	0	
д) Речь				
	67	ずばずば [zubazuba] говорить напрямик ぐずぐず [guzuguzu] ворчать つべこべ [tsubekobe] говорить «за спиной» у кого- либо	0	
е) Движения человека и животных				
Телодвижения	245	ぐいぐい [guigui] тянуть с силой むっくり [mukQur'i] неожиданно встать よぼよぼ [•obo•obo] идти переваливаясь	0	
Другие действия	268	するする [surusuru] взбираться, карабкаться すばすば [supasupa] резать (повторяющееся движе- ние) ずるずる [zuruzuru] тащить, волочить за собой	0	
Неспособность к действию	2	さっぱり [sapQari] совсем не (могу что — либо де- лать) みすみす [m'isum'isu] упустить возможность	0	
ж) Направленное движение				

Движения в воздухе и в воде	32	ちらちら [tʃ'ira tʃ'ira] кружиться на ветру ぶかぶか [bukabuka] качаться на волнах ゆさゆさ [•usa•usa] медленно качаться	0	
Круговые движения	21	ころころ [korokoro] катиться くるくる [kurukuru] вращаться без остановки きりきり [k'ir'ik'ir'i] вращаться вокруг своей оси	0	
Прямолинейное движение	18	じわじわ [dʒ'iwadʒ'iwa] двигаться медленно, но уверенно ずるずる [zuruzuru] скользить のたりのたり [notar'inotar'i] волноваться, вздыматься (о волнах)	0	
Дисперсные движения	9	ちりじり [tʃ'ir'idʒ'ir'i] рассеиваться во всех направлениях ぼろぼろ [poroporo] рассыпаться на части ばたばた [batabata] посыпаться	0	
Разъединение, поломка	26	がくん [gakun] сломаться がさがさ [gasagasa] поломка чего-то большого и толстого めりめり [mer'imer'i] звук поломки деревянного изделия	0	
Другие движения	46	ぎくぎく [g'ikug'iku] неуклюжий どしどし [doʃ'idof'i] частотные движения すらすら [surasura] плавно двигаться	0	
3) Состояния				
Климатические и природные условия	56	からから [karakara] сухой климат, погода ばらばら [barabara] звук града ほかほか [hokahoka] тепло, приятно	0	
Физическое состояние	59	どろどろ [dorodoro] грязный ぎとぎと [g'itog'ito] липкий ぐしょぐしょ [guʃ'ogu ʃ'o] мокрый (очень)	0	

Результат	37	どんぴしより [donp'iʃ'or'i] точный めきめき [mek'imek'i] знаменательный がっしり [gaʃ'Qir'i] основательный, заслуживающий доверия	0	
Форма результата	29	ぼろぼろ [boroboro] изношенный すっぱり [supQar'i] обрезанный (провод) ずたずた [zutazuta] разрезанный на куски	0	
Состояние дел	23	ばらばら [barabara] другой ちやくちやく [ʃ'akuf'aku] пошаговый прогресс (ста- бильный) どンドン [doNdoN] продвигаться стремительно (улучшаться)	0	
Изменение состояния	11	さっぱり [sapQar'i] окончательно избавиться от при- вычки ぴったり [p'itQar'i] резко прекратить делать что- либо けろり [keror'i] исчезновение (например, о головной боли)	0	
и) Остальные звукоподражания				
Количественные выражения	54	きっかり [k'ikQar'i] точно (о времени) そこそこ [sokosoko] приблизительно たっぷり [tapQur'i] большое кол-во	0	
Космос, пространство, размер	49	ぶらぶら [burabura] быть в невесомости (космос) ぎっしり [g'iʃ'Qir'i] быть забитым «до отказа», плот- но がばがば [gabagaba] быть большим	0	
Форма и структура	62	ぎくぎく [g'ikug'iku] скрученный のっぺり [nopQer'i] плоский ひよろひよろ [h'•oroh'•oro] тонкий и слабый	0	
ИТОГО	2096		47	

Как видно из данных, приведенных в таблице, класс звукоподражательной лексики в японском языке гораздо богаче, чем в русском: в указанных словарях удалось насчитать 2 096 японских и 47 русских слов данного страта лексики. Наибольшее количество соответствий наблюдается в категории *звуков живой природы*: 47 японских и 21 русских. В группах *звуки неживой природы* и *звуки, издаваемые человеком*, соотношения составили 144 / 14 и 58 / 12 соответственно. Как и предполагалось, в категории *звукоподражаний, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления* соответствий установить не удалось.

2.2. Определение специфики фонетического членения слова в японском языке

Как было отмечено в предыдущей главе, минимальной фонетической единицей естественного членения слова в японском языке, по мнению большинства японистов, является мора, а не слог. Как известно, русский язык характеризуется не морной, а слоговой членимостью. Поскольку большинство экспериментов, которые будут описаны далее в данной главе, связаны с восприятием носителями русского языка японских слов, необходимо было установить, каким образом носители русского языка делят японские слова в случаях, когда их фонетическая структура не соответствует принятым параметрам в русском языке. Для ответа на этот вопрос был проведен диагностический эксперимент, нацеленный на определение способов сегментации японских слов носителями русского языка.

Для эксперимента было отобрано 20 японских слов, часть которых имеет характерные для данного языка фонетические особенности. Сюда следует отнести наличие в слове долгих гласных и долгих согласных (お姉さん *oneesan* ‘старшая сестра’, 発見 *hakken* ‘открытие, изобретение’), которые при фонетическом членении распадаются на две моры, а также считающегося са-

мостоятельной морой назального звука [N] (本店 *honten* ‘книжная лавка’). Хотим обратить внимание, что в эксперименте использовалась именно простые слова японского языка, а не звукоподражания (которые могли быть опознаны), поскольку мы старались снизить возможное влияние семантики на восприятие. По мнению А. В. Венцова и В. Б. Касевича «семантическая чуждость воспринимаемого текста для аудиторов снижает функциональную нагрузку семантических факторов, ответственных за сегментацию, одновременно повышая нагрузку прочих факторов» [Венцов, Касевич 2003, с. 74].

Сделанная с привлечением носителя японского языка аудиозапись, была предложена для прослушивания 25 студентам Дальневосточного государственного гуманитарного университета в возрасте от 18 до 20 лет, не владеющим японским языком. Каждое слово в записи повторялось пятикратно. Предлагалась следующая инструкция: «В записи вы услышите 20 слов неизвестного вам языка, каждое слово будет повторяться пять раз. Ваша задача — прослушать и разделить слова на сегменты» [Кривошеева 2014, с. 260-266].

Таблица 4
Сегментация японских слов на фонетические составляющие носителями русского языка

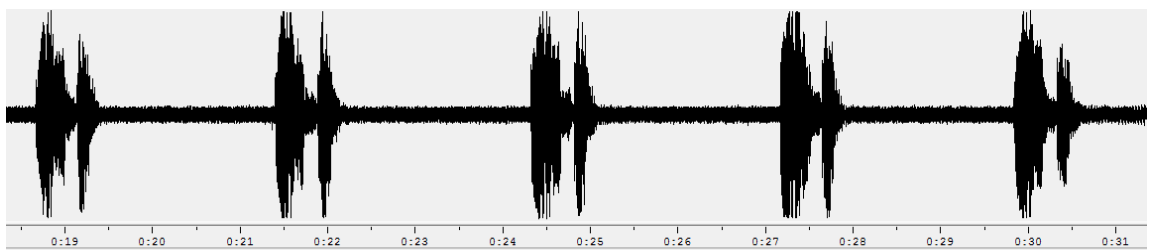
Японское слово	Японская мора	Русский слог
はっきり	ha-k-ki-ri	hak-ki-ri
お姉さん	o-ne-e-sa-n	o-ne:-san
名古屋	na-go-ya	na-go-ya
喫茶店	ki-s-sa-te-n	kis-sa-ten
とても	to-te-mo	to-te-mo
発車	ha-sh-sha	hash-sha
立志伝	ri-sh-shi-de-n	rish-shi-den
本店	ho-n-te-n	hon-ten
切手	ki-t-te	tit-te
泳いだ	o-yo-i-da	o-yoi-da
漢和	ka-n-wa	kan-wa
三年	sa-n-ne-n	san-nen
乱気流	ra-n-ki-ryu-u	ran-ki-ryu:
もっと	mo-t-to	mot-to
発見	ha-k-ke-n	hak-ken

コレクション	ko-re-ku-shyo-n	ko-rek-shyon
たくさん	ta-ku-sa-n	tak-san
散歩	sa-n-po	san-po
バッグ	ba-g-gu	bag-gu
母音	bo-i-n	bo-in

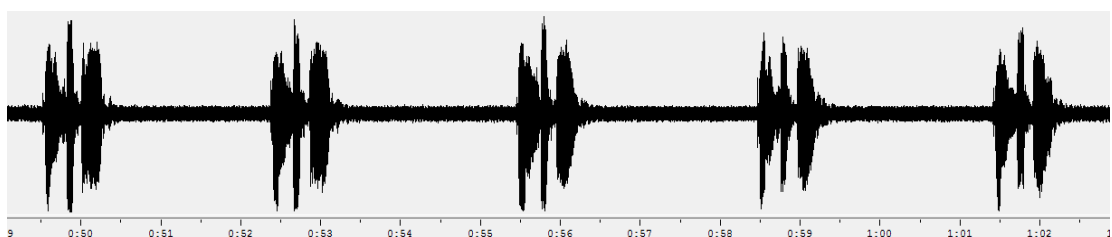
Из данных таблицы 4 следует, что все без исключения респонденты четко выделили в японских словах закрытые (CVC) и открытые слоги (V, CV). Уместно предположить, что при делении японских слов на сегменты студенты опирались на фонетические правила своего языка, так как способность к восприятию не является врожденным свойством человека, а «воспитывается системой его родного языка» [Зиндер 1979, с. 34].

Для проверки результатов эксперимента мы обратились к компьютерной программе WaveSurfer [Digital Audio Editor Cross Platform 2011], использующейся для визуализации и манипулирования звуковыми потоками. Осциллограммы подтверждают результаты эксперимента на фонетическое членение слова в японском языке, полученные от носителей русского языка. Ниже приведены некоторые из них.

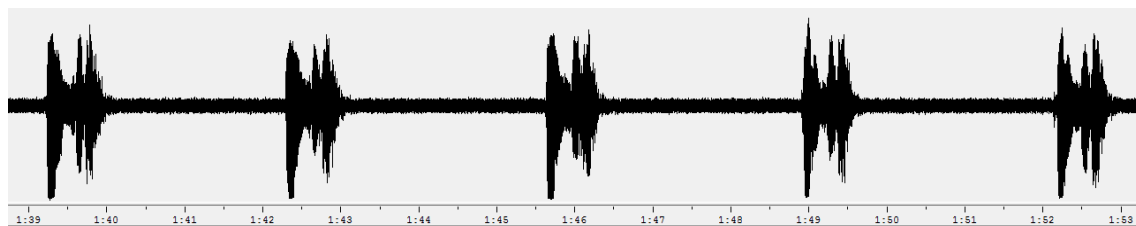
お姉さん o-ne:-san

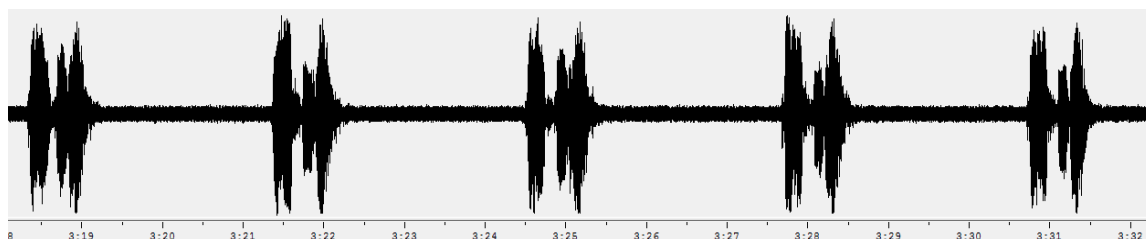
喫茶店 kis-sa-ten

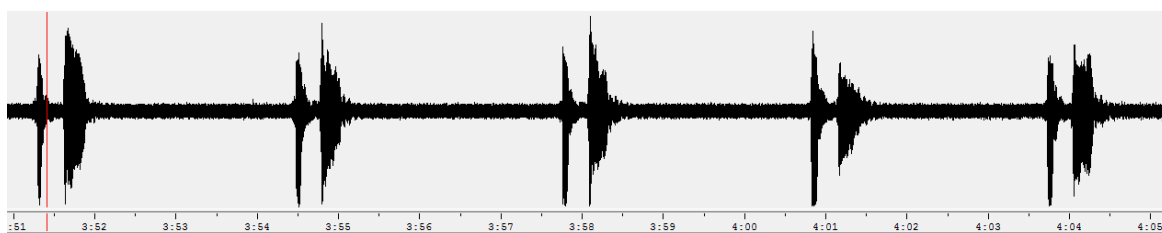
立志伝 rish-shi-den

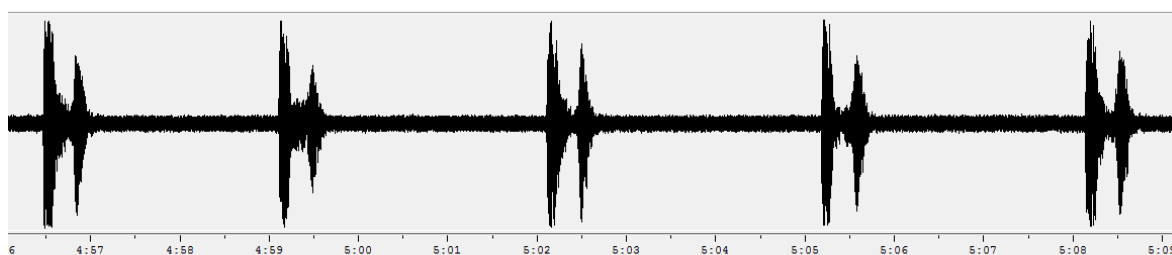
乱気流 ran-ki-ryu

発見 hak-ken

バッグ bag-gu

Таким образом, в силу того, что две моры изоморфны фонетическому слогу в восприятии слов носителями русского языка, при анализе материала основных экспериментов будем опираться на слоговое членение японских лексем.

2.3. Диагностирование уровня опознавания носителями японского и русского языков состава звуков, составляющие звукоподражания неродного языка

2.3.1. Диагностирование уровня опознавания носителями японского языка состава звуков русских звукоподражаний

Цель данного эксперимента — определение при непосредственном восприятии отдельных звукоподражаний русского языка уровня распознавания звуковых оболочек слов. В качестве материала использовалось 17 русских звукоподражаний звукам живой и неживой природы. Носители японского языка должны были в транскрипции Romaji, в которой используется латинский алфавит, обозначить то, как они слышали то, или иное слово, предъявляемое им в записи (женский голос). Инструкция предлагалась следующая: 『格言葉を五回聞いてロマジで発音を書いておいて下さい』 («Прослушайте каждое слово 5 раз и запишите услышанное в транскрипции Romaji»). В роли респондентов привлекались 40 студентов разных курсов колледжа 青森明の星短期大学 Аомори Акенохоси Танки Дайгаку, Япония в возрасте 18-22 лет.

Отобранные для эксперимента русские звукоподражания в большинстве случаев состоят из двух частей, каждая из которых представлена в транскрипции одним слогом. Ниже представлена таблица, отражающая результаты эксперимента¹.

¹ Результаты, предоставленные носителями японского языка, приведены в оригинальной версии.

Таблица 5

Транскрипция русских звукоподражаний, представленная японскими респондентами¹

№	русское звукоподражание	1-я часть (транскрипция)		2-я часть (транскрипция)	
		1й слог	2й слог	1й слог	2й слог
Звуки неживой природы					
1	чик-чик	chi - 100%	ku - 100%	chi - 100%	ku - 100%
2	динь-динь	jin - 100%		jin - 100%	
3	тук-тук	to - 67% tsu - 33%	ru - 43% ku - 57%	to - 67% tsu - 33%	ru - 43% ku - 57%
4	тик-так	chi - 100%	ku - 100%	to - 67% do - 33%	ku - 100%
5	кап-кап	ka - 100%	pu - 100%	ka - 100%	pu - 100%
6	бац	ba - 100%	tsu - 100%	ba - 100%	tsu - 100%
7	бум-бум	bon - 100%		bon - 100%	
Звуки живой природы					
8	кря-кря	ki - 27% ku - 73%	rya - 100%	ki - 27% ku - 73%	rya - 100%
9	му-му	mo: - 63% mu:n - 37%	mo: - 63% mu:n - 37%	mo: - 63% mu:n - 37%	mo: - 63% mu:n - 37%
10	ха-ха-ха	ha - 100%	ha - 100%	ha - 100%	
11	кукареку	ko - 100%	ke - 100%	ri - 100%	ko - 60% ku - 40%
12	пи-пи-пи	pi - 100%	pi - 100%	pi - 100%	
13	гав-гав	ga - 72% ra - 28%	u - 100%	ga - 72% ra - 28%	u - 100%
14	хрю-хрю	fu - 86% hi - 14%	ryu - 100%	fu - 86% hi - 14%	ryu - 100%
15	мяу-мяу	mi - 28% mya - 72%	ya (в случае mi) - 28%	u - 28%	

Опишем полученные данные.

Чик-чик. При восприятии данного звукоподражания, русский звук /ч/ был опознан японскими респондентами как [ch'], гласный /у/ как [i] в первом слоге первого компонента. Второй же слог первого компонента, который в русском языке выглядел бы как обычный, состоящий из согласного и гласного, в японском представляет собой достраивание к звуку [k] гласного [u] (см. об этом регулярном явлении в I главе).

Динь-динь. В данном случае русский звук /д'/ в восприятии носителей японского языка проявляется как [dʒ'], что можно объяснить отсутствием

¹ Здесь и в других таблицах слова представлены в порядке предъявления их респондентам.

звука [dʹ], в позиции перед [i] в японском языке. В подобных случаях он оформляется как [dʒʹ]. Мягкость на конце слова японцами не улавливается, а оформляется в транскрипции как назальный N.

Тук-тук. Слововое сочетание /*ту*/ в японском языке отсутствует, поэтому в восприятии носителей оно заменяется на [tsu], что соответствует одной из слогобукв японской азбуки. Звук /*т*/ воспринимается как [t], если за ним следует гласный [o], и как [ts], если за ним следует гласный [u]. Во втором слоге первого компонента не все информанты соотнесли звук /*к*/ с японским [k], некоторые оформляют его как [r]. Однако и в том и другом случае наблюдается тенденция к достраиванию к согласным звукам гласного [u].

Тик-так. В данном случае /*т*ʹ/ в восприятии носителей японского языка проявляется как [tʃʹ], что объясняется отсутствием аналогичного звука в данной позиции в японском языке: перед [i] начальный [t] заменяется на [tʃ]. Второй слог первого компонента представляет собой достраивание к звуку [k] гласного [u]. Первый слог второго компонента был воспринят японскими респондентами как [do] или [to], второй слог второго компонента был оформлен аналогично второму слогу первого компонента (достраивание гласного [u]).

Кап-кап. Слово воспринимается и слышится японскими носителями достаточно отчетливо. Так, согласный /*к*/ и гласный /*а*/ первого слога первого компонента точно передается в транскрипции как [k] и [a]. Во втором слоге первого компонента, как и в случаях, описанных выше, происходит «дотягивание» звуков до структуры полноценной моры путем достраивания к согласному [p] гласного звука [u].

Бац. В данном слове звук /*б*/, и следующий за ним /*а*/, легко соотносятся японскими респондентами с японскими звуками [b] и [a]. Звук *ц* в чистом виде в японском языке отсутствует, поэтому он передается в транслитерации носителями японского языка как сочетание звуков [ts] и [u].

Бум-бум. В данном слове звук /*б*/ был опознан японскими информантами как [b]. Гласный /*у*/ был услышан как звук [o]. Звук [m] был опознан как

назальный N. Видимо, в данном случае сыграло роль соотнесение звукоподражания с японским аналогом *ぼんぼん bonbon*.

Кря-кря. В данном слове звук /к/ опознается японскими информантами как [k], но оформляется в транскрипции только с последующим гласным звуком [i] или [u], т.е. с достраиванием до полноценной моры. Во втором компоненте слова звук /р'/ опознается как японский [r'], а гласный /а/ как [•а].

Му-му. Носители японского узнают звук /м/ и оформляют в транскрипции как японский аналог [m]. При восприятии звука /у/ мнения респондентов разделились: одни восприняли его как долгий звук [o:], другие — как долгий гласный [u:]. Некоторые даже опознали несуществующий в конце слова звук как назальный N.

Ха-ха-ха. В данном случае наблюдается стопроцентное опознавание русского /х/ и /а/ японскими носителями и оформление их посредством японского [h] и [a], соответственно.

Кукареку. Во всех слогах данного слова звук к опознается японцами как [k], а /р'/ как [r']. В ситуации с гласными звуками наблюдаются некоторые расхождения. Так, русский звук /у/ в первом слоге опознается как [o], гласный /а/ во втором слоге как [e], в третьем слоге /e/, как [i], а в четвертом слоге, при опознавании звука /у/ мнения информантов разделились. Так, одни слышат звук как [o], а другие как [u].

Пи-пи-пи. В данном слове все звуки опознаются японскими респондентами достаточно точно. Так, согласный /п'/ обозначен в транскрипции как [p'], а *и* как [i].

Гав-гав. Звук /г/ японцами распознается и как [g], и как [r]. Гласный /а/ оформляется в транскрипции как [a], а вот звук /в/ японцы слышат как гласный звук [u].

Хрю-хрю. Звук /ф/ японские носители воспринимают и как [F], с последующим гласным [u], и как [h], с последующим [i]. Русский /р'/ оформляется как японский [r'], а *ю* как [u].

Мяу-мяу. Согласный /м'/ японцами опознается достаточно определенно как [m'], а гласный я отождествляется с ['a]. Звук /у/ оформляется в транскрипции как японский [u].

Ко-ко-ко. В данном случае все звуки распознаются носителями японского и достаточно четко транскрибируются на письме. Так, звук /к/ оформляется как японский [k], а гласный /о/, как [o].

Ква. Информанты адекватно опознают согласный /к/, но при этом в транскрипции он оформляется только в сопровождении гласного звука [u], достраивающего структуру моры. Звук /в/ некоторыми респондентами опознается как [w], а некоторыми как гласный звук [u]. Звук /а/ опознается как японский [a].

2.3.2. Диагностирование уровня опознавания носителями русского языка состава звуков, составляющих японские звукоподражания

Цель данного эксперимента — определение уровня распознавания звуковых оболочек слов при непосредственном восприятии отдельных звукоподражаний японского языка. Носители русского языка должны были в транскрипции обозначить то, как они услышали то или иное слово. В качестве материала использовалось 17 японских звукоподражаний звукам живой и неживой природы. В роли респондентов привлекались 40 студентов разных курсов Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина в возрасте 18-22 лет. Ниже представлена таблица, отражающая результаты эксперимента¹. Опишем полученные результаты.

ちよきちよき chokichoki. Слово состоит из двух повторяющихся слогов. При восприятии данного звукоподражания все звуки слогов первого и второго компонентов были верно услышаны носителями русского языка и переданы в транскрипции как /чo/ и /кu/.

¹ Результаты, предоставленные носителями русского языка, приведены в оригинальной версии.

Таблица 6

Транскрипция японских звукоподражаний, представленная русскими респондентами

№	японское звукоподражание	транс крипция (Romaji)	1-я часть (транскрипция)		2-я часть (транскрипция)	
			1й слог	2й слог	1й слог	2й слог
Звуки неживой природы						
1	ちよきちよき	chokichoki	чо - 100%	ки - 100%	чо - 100%	ки - 100%
2	りんりん	rinrin	дин - 79%		дин - 79%	
			нин - 21%		нин - 21%	
3	とんとん	tonton	тон - 79%		тон - 79%	
			другие - 21%		другие - 21%	
4	ちくたく	chikutaku	чик - 77%			
			тик - 23%		так - 100%	
5	ぽたぽた	potapota	по - 100%	та - 100%	по - 100%	та - 100%
6	どかっと	dokatto	до - 32%	ка:- 100%	то -100%	
7	ぼんぼん	bonbon	пом - 92%		пом - 92%	
			пон - 8%		пон - 8%	
Звуки живой природы						
8	が아가あ	gaagaa	ра: - 11%		ра: - 57%	
			га: - 43%		га: - 43%	
			ка: - 44%			
9	もーもー	mo:mo:	во: - 90%		во: - 61%	
			мо:-10%		мо: -39%	
10	からから	karakara	ха - 13%	ра - 68%	ха - 13%	ра - 68%
			ла - 19%	ла - 19%	ла - 19%	ла - 19%
			ка -87%	да - 13%	ка -87%	да - 13%
11	こけこっこ	kekekoko	ко - 100%	кэ - 30%	ко: - 100%	ко - 100%
				чи - 34%		
				ку - 36%		
12	ちゅうちゅう	chu:chu:	чю: - 81%		чю: - 81%	
			чо:-19%		чо:-19%	
13	わんわん	wanwan	ван - 58%		ван - 58%	
			вау - 19%		вау - 19%	
			ран - 23%		ран - 23%	
14	ぶうぶう	bu:bu:	бу:- 34%		бу:- 34%	
			пу:- 47%		пу: - 47%	
15	にゃーにゃー	nyanya	ня: - 100%		ня: - 100%	
16	こっこ	kokko	ко - 100%	ко - 100%	ко - 100%	
17	けろっ	kero'	кэ - 23%	роп - 40%	кэ - 23%	роп - 40%
			чи - 45%	лоп - 26%	чи - 45%	лоп - 26%
			чэ - 32%	другие - 34%	чэ - 32%	другие - 34%

りんりん *rinrin*. Слово также состоит из повторяющегося закрытого слога. В обоих компонентах слова начальный звук был передан в транскрипции как /d'/ или /n'/. Японский звук [r] опознан не был, тогда как гласный [i] был опознан стопроцентно.

とんとん *tonton*. Слово состоит из повторяющегося закрытого слога, звуки которого слышали правильно и передали в транскрипции как /m/, /o/ и /n/ почти все респонденты. Гласный [o] носители русского тоже опознали.

ちくたく *chikutaku*. Это звукоподражание русские информанты разбивали на два закрытых слога, так как гласный [u] в данном звукоподражании при произнесении редуцируется. Начальный [tʃ̚] первого компонента опознается большинством русских респондентов как /ч'/, хотя некоторые слышали его и как /m'/. Начальный [t] второго компонента, гласный [i] первого компонента и звук [a] второго реципиентами были опознаны верно.

ぽたぽた *potapota*. Звуковая оболочка данного слова распознается носителями русского языка совершенно правильно.

どかっど *dokatto*. Начальный звук первого компонента [d] и сопровождающий его гласный [o], также как и согласный [k] с последующим гласным [a], достаточно четко были услышаны носителями русского языка. Удвоенный [t] во втором компоненте слова респонденты на слух не распознали.

ぼんぼん *bonbon*. Слово состоит из повторяющегося закрытого слога. Начальный звук [b] информантами был услышан как /p/, а финальный [ŋ] в большинстве случаев — как /m/. С гласным [o] у русских респондентов проблем не возникло.

があがあ *gaaga*. Звук [g] данного слова и в первом, и во втором компонентах был услышан носителями русского языка не только как /g/, но и как /p/ или /k/. Долгота гласного [a:] была передана верно.

もーもー *mo:mo:*. Слово состоит из повторяющегося слога. Начальный [m] и в первом и во втором компонентах был опознан информантами в большинстве случаев как /b/, и в меньшинстве — как /m/. Долгота гласного [o:] была передана правильно.

からから *karakara*. Начальный [k] первого и второго компонентов в большинстве случаев был передан в транскрипции как /x/, и в меньшинстве

— как /к/. Согласный [r] в обеих позициях русские реципиенты слышали в трех вариантах: /р/, /л/ и /ð/. Все гласные были опознаны правильно.

こけこっこ *kokekokko*. Начальный звук [k] с последующим гласным [o] русскоязычными носителями был услышан достаточно четко. Во втором слоге тот же согласный звук опознается респондентами и как /к/, и как /ч'/, а следующий за ним гласный [e] как /э/, /u/ или /y/. Долгий согласный [k] русскоязычные носители не улавливают, но при этом оформляют звук [o] в третьем слоге как долгий гласный.

ちゅうちゅ *chu:chu:*. Звук [tʃ'] в первом и втором компонентах слова русские респонденты слышат верно. Гласный [•u] опознается и как долгий /•y/, и как долгий /o:/.

わんわん *wanwan*. Начальный согласный [w] информантами воспринимается и как /в/, и как /р/. Звук [ŋ] опознается как /н/, но в некоторых случаях его — как гласный звук [u]. Звук [a] в обеих позициях был узнан верно.

ぶうぶう *bu:bu:*. Начальный [b] в обеих позициях респонденты распознали и как /б/, и как /н/. Гласный [u:] был передан в транскрипции как /y:/.

にゃーにゃー *nyanya*. И согласный [n'], и гласный [•a] русские респонденты опознали правильно.

こっこ *kokko*. Согласный [k] и гласный [o] во всех слоговых позициях были восприняты русскими информантами достаточно четко как /к/ и /о/.

けろっ *kerō'*. Начальный [k] слышится русским респондентам и как /к/, и как /ч', а последующий гласный [e] оформляется или как /э/, или как /u/. Звук [r] воспринимается не только как /р/, но и как /л/. Резкость и отрывистость финального [o] русскими респондентами воспринимается как закрытый слог, состоящий из /о/ и /н/.

Анализ результатов двух экспериментов на распознавание звуковых оболочек слов при непосредственном восприятии отдельных звукоподражаний японского языка носителями русского языка и русских звукоподражаний носителями японского показал, что в большинстве случаев звуковые оболоч-

ки слов неродного языка достаточно хорошо воспринимаются респондентами, которые затем правильно передают их в транскрипции. Тем не менее, в качестве особенностей восприятия можно выделить следующие моменты:

1. Ввиду специфики сегментации слов японского языка, которая не предусматривает употребление согласного звука в изоляции, восприятие закрытых слогов русского языка у японских респондентов вызывает затруднения (за исключением звука /н/). Японцы добавляют к единичному согласному звуку гласные [u] или [i], чтобы дотянуть его до структуры открытого слога, соотносимой с морой и облегчающей восприятие на слух (например, слова *тук-тук* 'tonton', *тик-так* 'chikutaku', *кан-кан* 'potapota', *ква* 'kero'). Данное явление вполне объяснимо, поскольку при восприятии звуков неродного языка человек склонен ассимилировать их со звуками родного или выделять сегменты таким образом, чтобы услышанное соответствовало типичной фонотактической структуре родного языка [Duroix, Kakehi 1999, с. 1577].

2. Русские респонденты не улавливают долготу (удвоение) согласного звука в японских звукоподражаниях, и присваивают ее предшествующему гласному звуку, например, в таких словах, как *dokatto* 'бац' и *kakko* 'ку-ку'. Кроме того, японский звук [ɾ], независимо от позиции в слове, воспринимается русскими респондентами по-разному: как /p/, /л/ или /д/. На наш взгляд, это связано с произносительной особенностью данного звука в японском языке, так как он представляет собой нечто среднее между /p/ и /л/. При произнесении, у некоторых японцев он похож на русский звук /д/, например, в таких словах, как *rinrin* 'динь-динь' и *karakara* 'ха-ха-ха'.

2.4. Выявление эмотивных характеристик

русских и японских звукоподражаний

методом модифицированного семантического дифференциала

Ввиду того, что наше исследование связано с изучением иконизма именно в процессе восприятия звукоподражаний, мы обратимся к гипотезе,

согласно которой первичный механизм языкотворчества, возникший в глубокой древности, полностью не утрачен, а сохраняется на уровне подсознания в генетической памяти [Трофимова 2011]. В то же время, считается, что процесс номинирования невозможен без присутствия эмоций. По мнению В. И. Шаховского, в «основе первичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека, что ни одного слова не родилось без эмоций человека — самого решающего психологического фактора биологического и социологизированного индивида» [Шаховский, электронный ресурс].

Таким образом, мы выдвигаем предположение, что однонаправленная эмотивность является своеобразным подспорьем при определении значений однозначных звукоподражаний неродного языка носителями родного языка.

Данный блок экспериментов посвящен выявлению эмотивности в японских и русских звукоподражаниях.

2.4.1. Выявление эмоциональных характеристик русских звукоподражаний носителями родного языка

С целью выявления эмоциональной оценки звукоподражаний своего языка носителями каждого из языков, был проведен психолингвистический эксперимент, в котором были использованы отобранные методом сплошной выборки 23 звукоподражания русского языка, соотносимые по плану содержания с японскими.

Русским информантам было предложено заполнить форму, состоящую из пяти колонок, опираясь на следующую инструкцию: «В первой колонке указаны звукоподражания, в остальных — требуемая оценка данных слов в форме антонимов-прилагательных. Оцените слова по указанным критериям, но при этом постарайтесь опираться на звучание. Для этого, прочитав слово, проговорите его. Затем заполните все пять колонок, указав впечатления от данного звукоподражания. Например, если слово вызывает положительные эмоции, то ставьте знак “+”, если нейтральные, то “0”, а если отрицательные, тогда ставьте знак “-”».

Для участия в эксперименте было привлечено 54 носителя русского языка: студенты разных курсов АГАО им. Шукшина (г. Бийск) и студенты 3 курса Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Статистическая обработка эксперимента основана на использовании математической формулы. В качестве показателя основной тенденции распределения ответов информантов был принят показатель оценок, выраженный в процентном отношении. Нейтральное поле можно выбрать, если следовать следующему алгоритму: 1) среди двух конкурирующих параметров (численные показатели, разница между которыми составляет не более 6 %) найти среднее значение (c) по формуле: $c = (A+B) / 2$; 2) принимая полученное среднее значение c за 100 %, определяем коэффициент (k) верхней и нижней границы коридора в 10 % через составление простой пропорции $k = 5 \% * c / 100 \%$; 3) полученный k вычитаем из c , а также суммируем k с c и получаем коридор нейтрального значения; 4) если конкурирующие значения попали в коридор, то их можно отнести к нейтральным, если значения выходят за рамки коридора, то их следует принять за положительное или отрицательное значение, в зависимости от того, какое превалирует [Кривошеев, Иванов 1998, с. 77].

Прежде чем приступить к описанию результатов эксперимента, обратим внимание на то, что шкалы, отражающие характеристики эмотивности, не равноценны по проявлению уровня интенсивности разных признаков. Общеизвестно, что оценка в паре антонимичных признаков «светлый» — «темный» варьируется в зависимости от культуры реципиента, тогда как понятия «хороший», «плохой», «добрый», «злой» являются универсальными для представителей всех языковых культур. Подчеркнем, что удельный вес противопоставленности звукоподражания по признаку «хороший» — «плохой» будет превалировать над всеми остальными характеристиками слова.

Результаты эксперимента.

Таблица 7
Оценка эмоциональных характеристик русских звукоподражаний
носителями русского языка

№	Звукоподражания		хороший (+) нейтральный(0) плохой (-)			добрый (+) нейтральный(0) злой (-)			светлый (+) нейтральный(0) темный (-)			нежный (+) нейтральный(0) грубый (-)			веселый (+) нейтральный(0) грустный (-)		
			кол чел	%		кол чел	%		кол чел	%		кол чел	%		кол чел	%	
1	кря-кря	кол чел	37	15	2	39	15		27	26	1	12	30	12	45	9	
		%	68,5	27,8	3,7	72,2	27,8		50	48,2	1,8	22,2	55,6	22,2	83,3	16,7	
2	чик-чик	кол чел	27	20	7	26	22	6	25	23	6	18	27	9	35	18	1
		%	50	37	13	48,2	40,7	11,1	46,3	42,6	11,1	33,3	50	16,7	64,8	33,3	1,9
3	му-му	кол чел	24	21	9	30	17	7	22	22	10	10	32	12	14	27	13
		%	44,4	38,9	16,7	55,5	31,5	13	40,7	40,8	18,5	18,5	59,3	22,2	25,9	50	24,1
4	динь-динь	кол чел	45	8	1	43	8	3	45	9		30	24		35	15	4
		%	83,3	14,8	1,9	79,6	14,8	5,6	83,3	16,7		55,6	44,4		64,8	27,8	7,4
5	ш-ш-ш	кол чел	7	28	19	4	35	15	9	22	23	6	37	11	6	34	14
		%	13	51,9	35,1	7,4	64,8	27,8	16,7	40,7	42,6	11,1	68,5	20,4	11,1	62,9	26
6	фить-фить	кол чел	23	23	8	20	28	6	20	30	4	17	30	7	23	22	9
		%	42,6	42,6	14,8	37	51,9	11,1	37	55,6	7,4	31,5	55,6	12,9	42,6	40,7	16,7
7	кар-кар	кол чел	14	18	22	12	22	20	7	25	22	7	23	24	12	26	16
		%	26	33,3	40,7	22,2	40,8	37	13	46,3	40,7	13	42,6	44,4	22,2	48,2	29,6
8	тук-тук	кол чел	20	32	2	20	32	2	17	34	3	13	29	12	24	28	2
		%	37	59,3	3,7	37	59,3	3,7	31,5	63	5,5	24,1	53,7	22,2	44,5	51,8	3,7
9	ква-ква	кол чел	35	17	2	36	16	2	25	23	6	15	23	16	33	17	4
		%	64,8	31,5	3,7	66,7	29,6	3,7	46,3	42,6	11,1	27,8	42,6	29,6	61,1	31,5	7,4
10	тик-так	кол чел	32	20	2	28	25	1	27	23	4	14	33	7	26	26	2
		%	59,3	37	3,7	51,8	46,3	1,9	50	42,6	7,4	26	61,1	12,9	48,2	48,1	3,7
11	кукареку	кол чел	31	14	9	32	21	1	30	21	3	11	33	10	31	14	9
		%	57,4	26	16,6	59,2	38,9	1,9	55,6	38,9	5,5	20,4	61,1	18,5	57,4	26	16,6
12	ха-ха-ха	кол чел	44	6	4	39	11	4	40	12	2	18	28	8	49	3	2
		%	81,5	11,1	7,4	72,2	20,4	7,4	74,1	22,2	3,7	33,3	51,9	14,8	90,7	5,6	3,7
13	пи-пи-пи	кол чел	33	11	10	39	9	6	31	16	7	29	22	3	25	21	8
		%	61,1	20,4	18,5	72,2	16,7	11,1	57,4	29,6	13	53,7	40,7	5,6	46,3	38,9	14,8
14	кап-кап	кол чел	23	24	7	21	26	7	20	25	9	18	28	8	16	24	14
		%	42,6	44,4	13	38,9	48,1	13	37	46,3	16,7	33,3	51,9	14,8	29,6	44,5	25,9
15	бац	кол чел	6	16	32	6	19	29	7	26	21	4	19	31	10	28	16
		%	11,1	29,6	59,3	11,1	35,2	53,7	13	48,1	38,9	7,4	35,2	57,4	18,5	51,9	29,6
16	гав-гав	кол чел	29	14	11	21	19	14	18	27	9	8	25	21	22	23	9
		%	53,7	25,9	20,4	38,9	35,2	25,9	33,3	50	16,7	14,8	46,3	38,9	40,7	42,6	16,7
17	хлоп	кол чел	12	25	17	9	32	13	13	28	13	7	22	25	12	27	15
		%	22,2	46,3	31,5	16,7	59,3	24	24,1	51,8	24,1	13	40,7	46,3	22,2	50	27,8
18	хрю-хрю	кол чел	38	10	6	36	12	6	25	24	5	13	23	18	37	11	6
		%	70,4	18,5	11,1	66,7	22,2	11,1	46,3	44,5	9,2	24,1	42,6	33,3	68,5	20,4	11,1
19	бум-бум	кол чел	18	24	12	12	29	13	9	31	14	6	24	24	15	29	10
		%	33,3	44,5	22,2	22,2	53,7	24,1	16,7	57,4	25,9	11	44,5	44,5	27,8	53,7	18,5
20	ж-ж-ж	кол чел	17	22	15	14	22	18	15	28	11	8	27	19	11	31	12
		%	31,5	40,7	27,8	25,9	40,8	33,3	27,8	51,8	20,4	14,8	50	35,2	20,4	57,4	22,2
21	дин-дон	кол чел	39	11	4	39	12	3	37	15	2	22	23	9	38	13	3
		%	72,2	20,4	7,4	72,2	22,2	5,6	68,5	27,8	3,7	40,7	42,6	16,7	70,4	24	5,6
22	ко-ко-ко	кол чел	27	21	6	28	23	3	22	24	8	11	31	12	29	21	4
		%	50	38,9	11,1	51,8	42,6	5,6	40,7	44,5	14,8	20,4	57,4	22,2	53,7	38,9	7,4
23	мяу-мяу	кол чел	52		2	47	5	2	47	5	2	46	5	3	39	8	7
		%	96,3		3,7	87	9,3	3,7	87	9,3	3,7	85,2	9,3	5,5	72,2	14,8	13

Восприятие звукоподражания *кря-кря* было оценено как положительное в таких парах качественных характеристик, как «хороший — плохой», «добрый — злой» и «веселый — грустный». С помощью вычислений устанавливаем границы нейтральности для антонимической пары «светлый — темный», где показатели «светлый» (50 %) и «нейтральный» (48,2 %) являются конкурирующими. Коридор нейтральности составляет от 46,6 % до 51,6 %, куда попадают оба показателя, поэтому звукоподражание попадает в

нейтральную зону. В паре признаков «нежный — грубый» явного предпочтения не отдается ни одной из категорий, поэтому оно является нейтральным по эмоциональной окраске.

В слове *чик-чик* в признаковых парах «хороший — плохой», «добрый — злой» и «веселый — грустный» респонденты выделяют положительные качества. Для пары «светлый — темный» был вычислен коридор нейтральности для конкурирующих качеств «светлый» (46,3 %) и «нейтральный» (42,6 %), диапазон которого составил от 42,2 % до 46,6 %, куда и вошли оба показателя. Таким образом, слово имеет нейтральную эмоциональную окраску. Из двух антонимов «нежный — грубый» явно не выделен ни один, поэтому слово имеет нейтральную характеристику.

Оценка эмоционального восприятия звукоподражания *му-му* складывается следующим образом: по шкале «добрый — злой» слово имеет положительную окраску, а по таким параметрам, как «нежный — грубый» и «веселый — грустный», респонденты обнаруживают нейтральность значения. В паре «хороший — плохой» конкурирующими являются такие качества как «хороший» (44,4 %) и «нейтральный» (38,9 %). Применив формулу, мы вычисляем нейтральный коридор, который составляет 39,6 % — 43,7 %. Очевидно, что восприятие звукоподражания по данной шкале можно оценить как положительное, так как процентный показатель качества «хороший» выходит за границу нейтрального коридора. Для пары «светлый — темный», где конкуренция была между оценками «светлый» (40,7 %) и «нейтральный» (40,8 %), коридор составляет 38,7 % — 42,8 %, что определяет данное звукоподражание как эмоционально нейтральное в рамках данной шкалы.

Звукоподражанию *динь-динь* информанты по всем пяти шкалам дают только положительные характеристики.

Восприятие слова *ш-ш-ш* было четко оценено носителями русского языка как нейтральное по таким шкалам, как «хороший — плохой», «добрый — злой», «нежный — грубый» и «веселый — грустный». В антонимичной паре «светлый — темный» при конкуренции показателей «нейтральный» (40,7 %) и

«темный» (42,6 %), с помощью вычислений характер восприятия определен как нейтральный (коридор нейтральности 39,6 % — 43,7 %).

Звукоподражание *фить-фить* было охарактеризовано информантами как нейтральное в следующих парных категориях: «добрый — злой», «светлый — темный» и «нежный — грубый». В остальных двух шкалах, с помощью вычислений было определено, что эмоциональная характеристика так же является нейтральной. Так, в паре «хороший — плохой» при конкуренции качеств «хороший» (42,6 %) и «нейтральный» (42,6 %), коридор нейтральности составляет 40,5 % — 44,7 %, а в паре «веселый — грустный», при конкуренции характеристик «веселый» (42,6 %) и «нейтральный» (40,7 %), коридор нейтральности составляет 39,6 % — 43,7 %.

Эмоциональные характеристики слова *кар-кар* были четко определены информантами как нейтральные по следующим категориям прилагательных-антонимов: «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В паре «нежный — грубый», при конкуренции двух параметров «нейтральный» (42,6 %) и «грубый» (44,4 %), путем математического вычисления эмоциональная характеристика выделена как нейтральная (коридор 41,3 % - 45,7 %). В категории «хороший — плохой» звукоподражание было определено информантами как вызывающее негативные («плохие») эмоции.

Звукоподражание *тук-тук* демонстрирует явные нейтральные характеристики во всех пяти парах эмоциональных качеств.

Слово *ква-ква* информанты оценили как имеющее положительный эмоциональный фон в таких парах, как «хороший — плохой», «добрый — злой» и «веселый — грустный». По шкале «нежный — грубый» оценка определена как нейтральная. В тандеме «светлый — темный» конкуренцию составили характеристики «светлый» (46,3 %) и «нейтральный» (42,6 %). Вычисления показали, что эмоциональная окраска в данной шкале нейтральна, так как оба численных показателя характеристик попали в коридор нейтральности 42,2 % — 46,7 %.

В слове *тик-так* оценки информантов распределились следующим образом: в парах «хороший — плохой» и «светлый — темный» предпочтение отдается положительным качествам звукоподражания, а по шкале «нежный — грубый» выделяется его нейтральная характеристика. В антонимичной паре «добрый — злой», при конкуренции качеств «добрый» (51,8 %) и «нейтральный» (46,3 %), первое превалирует, так как его численный показатель не входит в нейтральную зону 46,6 % — 51,5 %. В паре «веселый — грустный» при конкурирующих характеристиках «веселый» (48,2 %) и «нейтральный» (48,1 %), превалирует нейтральная эмоциональная окраска, так как оба численных показателя находятся в нейтральной зоне 45,7 % — 50,0 %.

Слово *кукареку* имеет положительную эмоциональную окраску в следующих парах прилагательных: «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В случае с антонимической парой «нежный — грубый» респонденты выделили нейтральность эмотивности.

В звукоподражании *ха-ха-ха* положительные оценки были даны по таким шкалам, как «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». По шкале категорий «нежный — грубый» информанты дали слову нейтральную оценку.

В случае с эмоциональным восприятием звукоподражания *пи-пи-пи* наблюдается четкая характеристика его как положительного по всем качествам слова по каждой из пяти шкал парных прилагательных.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания *кан-кан* респонденты четко выделили нейтральные характеристики по четырем антонимичным парам оценочных прилагательных. По шкале «хороший — плохой» нейтральность оценки пришлось подтверждать с помощью расчетов. Конкуренцию составили качества «хороший» (42,6 %) и «нейтральный» (44,4 %), численные показатели которых оказались в нейтральной зоне 41,3 % — 45,7 %.

Информанты указали на отрицательные характеристики звукоподражания *бац* в следующих категориях: «хороший — плохой», «добрый — злой» и «нежный — грубый». В парах антонимичных прилагательных «светлый — темный» и «веселый — грустный» информанты определяют нейтральность как основную характеристику при эмоциональном восприятии слова.

Неоднозначны информанты и в эмоциональной оценке звукоподражания *гав-гав*. Так, определяя данное слово как вызывающее положительные эмоции по шкале «хороший — плохой», респонденты указывают на эмотивную нейтральность в таких парах, как «светлый — темный» и «нежный — грубый». В оппозиции «добрый — злой» конкурируют качественные характеристики «добрый» (38,9 %) и «нейтральный» (35,2 %). Вычислив коридор нейтральности для данных показателей 35,1 % — 38,9 %, определяем, что в паре превалирует нейтральная эмотивная окраска. В паре «веселый — грустный», также превалирует нейтральная характеристика, так как в нейтральную зону 39,6 % — 43,7 % входят оба процентных показателя конкурирующих качеств «веселый» (40,7 %) и «нейтральный» (42,6 %).

Слово *хлоп* характеризуется русскими респондентами как имеющее негативную окраску в категории «нежный — грубый». Однако по всем остальным четырем шкалам выделяются нейтральные характеристики.

Звукоподражание *хрю-хрю* характеризуется информантами как положительное в таких антонимичных парах оценочных прилагательных как «хороший — плохой», «добрый — злой» и «веселый — грустный». По шкале «нежный — грубый» слово является нейтральным. В случае «светлый — темный», при конкурирующих характеристиках «светлый» (46,3 %) и «нейтральный» (44,5 %), нейтральность эмоциональной окраски слова уточнялась с помощью математических вычислений (коридор 43,1 % — 47,7 %).

Оценивая восприятие звукоподражания *бум-бум*, респонденты выделили нейтральные характеристики по четырем шкалам. В пятой паре «нежный — грубый» оценка нейтральности подтверждалась математическим путем,

при конкурирующих параметрах «нейтральный» (44,5 %) и «грубый» (44,5 %). Нейтральный коридор 40,1 % — 48,9 %.

В случае с эмоциональным восприятием слова *ж-ж-ж* наблюдается четкая характеристика его как нейтрального звукоподражания относительно каждой из пяти шкал парных прилагательных.

Слово *дин-дон* респонденты наделили положительным эмоциональным окрасом в следующих категориях: «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В оппозиции «нежный — грубый» математическим путем выделяется нейтральность качества восприятия (нейтральный коридор 37,5 % — 45,9 %) при конкурирующих параметрах «нежный» (40,7 %) и «нейтральный» (42,6 %).

Положительность эмоциональных ачеств в категориях «хороший — плохой», «добрый — злой», «веселый — грустный» респонденты определили для звукоподражания *ко-ко-ко*. Нейтральность по эмоциональному восприятию получили качества в следующих шкалах: «нежный — грубый» и «светлый — темный». Из-за наличия соперничающих характеристик «светлый» (40,7 %) и «нейтральный» (44,5 %), для последней пары вычисления были сделаны по формуле; коридор нейтральности составил 38,3 % — 46,9 %.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания *мяу-мяу* респонденты четко выделили положительные характеристики по всем пяти антонимичным парам оценочных прилагательных.

2.4.2. Выявление эмоциональных характеристик

японских звукоподражаний носителями родного языка

Для проведения данного эксперимента мы подготовили 23 японских аналога русским звукоподражаниям, которые использованы в предыдущем эксперименте с носителями русского языка. Японским информантам предлагалось заполнить форму, состоящую из пяти колонок, придерживаясь следующей инструкции: 『一番左の欄に擬音語と擬声語があります。右側の五つの欄に色んな感情を表す反対形容詞が書いてあります。その形容詞を使っ

て各言葉を評価して下さい。それぞれの言葉から感じた印象を選んで用紙に記入して下さい。積極的な感想なら«+»はとる。否定的な感想なら«-»はとる。どちらでもなければ«0»を記入して下さい。評価をする時には言葉の響きに特別な注目をするのは必要です』 «В первой колонке указаны звукоподражания, в остальных — требуемая оценка данных слов в форме антонимов-прилагательных. Оцените слова по указанным критериям, но при этом постарайтесь опираться на звучание. Затем заполните все пять колонок, указав впечатления от данного звукоподражания. Например, если слово вызывает положительные эмоции, то ставьте знак “+”, если нейтральные, то “0”, а если отрицательные, тогда ставьте знак “-”».

Для участия в эксперименте было привлечено 54 носителя японского языка, являющихся в основном сотрудниками различных компаний в возрасте от 22 до 30 лет.

Восприятие звукоподражания がーがー *ga:ga:* японскими респондентами было оценено как нейтральное в таких парах характеристик, как «хороший — плохой», «добрый — злой» и «нежный — грубый». По шкале признаков «светлый — темный» и «веселый — грустный» предпочтение отдается отрицательному качеству эмоциональной окраски.

Впечатление от звукоподражания ちよきちよき *chokichoki* респонденты определили как положительное по всем пяти парам характеристик.

Неоднозначно японцы оценили звукоподражание もーもー *to:to:*. По таким шкалам, как «хороший — плохой», «светлый — темный» и «веселый — грустный» слово получило отрицательную оценку эмотивности, а в категориях «добрый — злой» и «нежный — грубый» — положительную.

Таблица 8
Оценка эмоциональных характеристик японских звукоподражаний
носителями японского языка

№	Звукоподражание		хороший (+) нейтральный(0) плохой (-)			добрый (+) нейтральный(0) злой (-)			светлый (+) нейтральный(0) темный (-)			нежный (+) нейтральный(0) грубый (-)			веселый (+) нейтральный(0) грустный (-)		
			кол	чел													
1	がーがー	кол чел	4	23	9	1	23	12	4	13	19	2	24	10	9	9	18
	ga:ga:	%	11,1	63,9	25	2,8	63,9	33,3	11,1	36,1	52,8	5,5	66,7	27,8	25	25	50
2	ちよきちよき	кол чел	18	4	14	17	3	16	27	1	8	16	7	13	26	2	8
	chokichoki	%	50	11,1	38,9	47,2	8,3	44,5	75	2,8	22,2	44,5	19,4	36,1	72,2	5,6	22,2
3	もーもー	кол чел	13	5	18	18	5	13	11	10	15	24	1	11	14	3	19
	mo:mo:	%	36,1	13,9	50	50	13,9	36,1	30,5	27,8	41,7	66,7	2,8	30,5	38,9	8,3	52,8
4	りんりん	кол чел	31		5	24	3	9	35	1		19	3	14	29	3	4
	rinrin	%	86,1		13,9	66,7	8,3	25	97,2	2,8		52,8	8,3	38,9	80,6	8,3	11,1
5	しーっ	кол чел	6	8	22	13	13	10	4	10	22	14	10	12	3	13	20
	shi:	%	16,7	22,2	61,1	36,1	36,1	27,8	11,1	27,8	61,1	38,9	27,8	33,3	8,3	36,1	55,6
6	ひゅーひゅー	кол чел	13	8	15	15	2	19	17	5	14	10	8	18	13	8	15
	hyu:hyu:	%	36,1	22,2	41,7	41,7	5,6	52,7	47,2	13,9	38,9	27,8	22,2	50	36,1	22,2	41,7
7	かーかー	кол чел	8	10	18	5	10	21	9	5	22	5	10	21	5	5	26
	ka:ka:	%	22,2	27,8	50	13,9	27,8	58,3	25	13,9	61,1	13,9	27,8	58,3	13,9	13,9	72,2
8	とんとん	кол чел	24	2	10	18	5	13	22	2	12	20	2	14	23	2	11
	tonton	%	66,7	5,5	27,8	50	13,9	36,1	61,1	5,6	33,3	55,6	5,5	38,9	63,9	5,5	30,6
9	けろっ	кол чел	20	3	13	17	2	17	25	2	9	11	5	20	18	3	15
	kerō	%	55,6	8,3	36,1	47,2	5,6	47,2	69,4	5,6	25	30,5	13,9	55,6	50	8,3	41,7
10	ちくたく	кол чел	21	3	12	19	5	12	19	2	15	20	7	9	18	7	11
	chikutaku	%	58,4	8,3	33,3	52,8	13,9	33,3	52,8	5,5	41,7	55,6	19,4	25	50	19,4	30,6
11	こけっこ	кол чел	17	5	14	7	10	19	26	3	7	8	13	15	17	3	16
	kokekoko	%	47,2	13,9	38,9	19,4	27,8	52,8	72,2	8,3	19,5	22,2	36,1	41,7	47,2	8,3	44,5
12	からから	кол чел	14	6	16	11	4	21	17	4	15	16	5	15	14	4	18
	karakara	%	38,9	16,7	44,4	30,6	11,1	58,3	47,2	11,1	41,7	44,5	13,9	41,6	38,9	11,1	50
13	ちゅーちゅー	кол чел	20	5	11	14	4	18	18	2	16	13	8	15	17	4	15
	chu:chu:	%	55,6	13,9	30,5	38,9	11,1	50	50	5,5	44,5	36,1	22,2	41,7	47,2	11,1	41,7
14	ぼたぼた	кол чел	17	5	14	23	4	9	11	10	15	21	6	9	11	12	13
	potapota	%	47,2	13,9	38,9	63,9	11,1	25	30,6	27,8	41,6	58,3	16,7	25	30,6	33,3	36,1
15	どかっと	кол чел	4	18	14	3	27	6	8	13	15	4	19	13	7	13	16
	dokatto	%	11,1	50	38,9	8,3	75	16,7	22,2	36,1	41,7	11,1	52,8	36,1	19,5	36,1	44,4
16	わんわん	кол чел	22	3	11	10	11	15	23	4	9	11	9	16	19	1	16
	wanwan	%	61,1	8,3	30,6	27,7	30,6	41,7	63,9	11,1	25	30,6	25	44,4	52,8	2,8	44,4
17	ばたっ	кол чел	4	19	13	5	14	17	6	17	13	2	14	20	5	20	11
	bata	%	11,1	52,8	36,1	13,9	38,9	47,2	16,7	47,2	36,1	5,5	38,9	55,6	13,9	55,6	30,5
18	ぶーぶー	кол чел	10	12	14	3	16	17	6	12	18	2	13	21	9	12	15
	bu:bu:	%	27,8	33,3	38,9	8,3	44,5	47,2	16,7	33,3	50	5,6	36,1	58,3	25	33,3	41,7
19	ぼんぼん	кол чел	11	10	15	9	10	17	7	14	15	11	11	14	9	12	15
	bonbon	%	30,6	27,7	41,7	25	27,8	47,2	19,4	38,9	41,7	30,6	30,6	38,8	25	33,3	41,7
20	じりじり	кол чел	5	21	10	3	19	14	6	14	16		16	20	4	11	21
	jirijiri	%	13,9	58,3	27,8	8,3	52,8	38,9	16,6	38,9	44,5		44,5	55,5	11,1	30,6	58,3
21	ちりんちりん	кол чел	25	3	8	26	4	6	30	2	4	26	3	7	28	2	6
	chirinchirin	%	69,5	8,3	22,2	72,2	11,1	16,7	83,3	5,6	11,1	72,2	8,3	19,5	77,8	5,5	16,7
22	こっこ	кол чел	10	5	21	12	8	16	16	2	18	11	8	17	14	2	20
	kokko	%	27,8	13,9	58,3	33,3	22,2	44,5	44,4	5,6	50	30,6	22,2	47,2	38,9	5,6	55,5
23	にゃーにゃー	кол чел	24	2	10	22	2	12	25	5	6	20	3	13	20	3	13
	nya:nya:	%	66,7	5,6	27,7	61,1	5,6	33,3	69,5	13,9	16,6	55,6	8,3	36,1	55,6	8,3	36,1

При определении эмоциональной окраски звукоподражания りんりん *rinrin* японские респонденты выделили положительные характеристики по всем пяти антонимичным парам прилагательных.

Звукоподражание しーっ *shi:* в парах характеристик «хороший» — «плохой», «светлый» — «темный» и «веселый» — «грустный» было доста-

точно четко определено респондентами как имеющее отрицательную эмоциональную окраску. В шкале «нежный» — «грубый» превалирует положительная оценка эмотивности. В случае пары антонимичных прилагательных «добрый» — «злой» результат высчитывался с помощью формулы, ввиду наличия конкуренции между нейтральной (36,1 %) и положительной (36,1 %) оценками. Коридор нейтральности составил 34,3 % — 37,9 %, куда попали оба показателя, поэтому оценка будет являться нейтральной.

Слово ひゆーひゆー *hyu:hyu:* в признаковых парах «хороший — плохой», «светлый — темный», «нежный — грубый» и «веселый — грустный» показывает на формирование отрицательного впечатления у респондентов, а в паре «добрый — злой» — положительного.

Звукоподражанию かーかー *ka:ka:* информанты по всем пяти шкалам дают отрицательную характеристику.

При определении эмоциональной оценки звукоподражания とんとん *tonton* носители японского языка выделили положительные характеристики для всех пяти пар антонимичных прилагательных.

Восприятие звукоподражания けろっ *kerō* носителями японского языка по эмоциональному восприятию было определено как положительное по следующим шкалам: «хороший — плохой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В паре прилагательных «нежный — грубый» слово имеет негативную окраску. В категории «добрый — злой» использовался математический подход для определения ведущего параметра из двух конкурирующих «грубый» (47,2 %) и «злой» (47,2 %). Поскольку оба показателя попадают в коридор нейтральности 44,8 % — 50,0 %, показатель эмотивности по данной шкале является нейтральным.

Впечатление от звукоподражания こけこっこ *kokekokko* японские респонденты определили как положительное в паре антонимичных прилагательных «хороший — плохой», «светлый — темный» и «веселый — груст-

ный». В категориях «добрый — злой» и «нежный — грубый» оценка эмотивности является отрицательной.

Слово *からから* *karakara* респонденты оценили как отрицательное в таких парах качественных характеристик, как «хороший — плохой», «добрый — злой» и «веселый — грустный». Оценка по шкале «светлый — темный» является положительной, а по паре признаков «нежный — грубый» применяем формулу для вычисления точного показателя при двух полярных оценках: «нежный» (44,5 %) и «грубый» (41,6 %). Нейтральный коридор составляет 40,9 % — 45,3 %, и в него попадают оба показателя, следовательно, оценка является нейтральной.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания *ちゅーちゅー* *chu:chu:* реципиенты наделили его положительной характеристикой в шкалах «хороший — плохой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В парах оценочных прилагательных «добрый — злой» и «нежный — грубый» оценка эмотивности является отрицательной.

Оценивая звукоподражание *ぽたぽた* *potapota*, носители японского языка посчитали, что оно вызывает положительные эмоции в парах признаков «хороший — плохой», «добрый — злой» и «нежный — грубый». Оценка эмотивности в шкалах «светлый — темный» и «веселый — грустный» является отрицательной.

Слово *どかつと* *dokatto* имеет нейтральную эмотивную окраску в парах оценочных прилагательных «хороший — плохой», «добрый — злой» и «нежный — грубый». В категориях «светлый — темный» и «веселый — грустный» слово определено как имеющее отрицательную характеристику.

Звукоподражание *わんわん* *wanwan* в парах оценочных прилагательных «хороший — плохой», «светлый — темный» и «веселый — грустный» было довольно четко определено респондентами как имеющее положительную эмоциональную окраску. В шкалах «добрый — злой» и «нежный — грубый» оценка является отрицательной.

Впечатление от звукоподражания ばたっ *bata* японские респонденты определили как нейтральное в парах антонимичных прилагательных «хороший — плохой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В категориях «добрый — злой» и «нежный — грубый» оценка эмотивности является отрицательной.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания ぶーぶー *bu:bu:* японские реципиенты наделили его отрицательной характеристикой в шкалах «хороший — плохой», «светлый — темный», «нежный — грубый» и «веселый — грустный». В паре «добрый — злой» оценка эмотивности определялась с помощью формулы при конкурирующих показателях: «нейтральный» (44,5 %) и «злой» (47,2 %). В нейтральный коридор 43,6 % — 48,2 % попадают оба показателя, поэтому оценка считается нейтральной.

Звукоподражанию ぼんぼん *bonbon* информанты по всем пяти шкалам присваивают отрицательную характеристику.

Восприятие звукоподражания じりじり *jirijiri* носителями японского языка по эмоциональному восприятию было определено как нейтральная по следующим шкалам: «хороший — плохой» и «добрый — злой». В парах прилагательных «светлый — темный», «нежный — грубый» и «веселый — грустный» слово имеет негативную окраску.

Звукоподражанию ちりんちりん *chirin* информанты по всем пяти шкалам дают только положительные характеристики.

Звукоподражание こっこ *kokko* японскими респондентами по всем пяти шкалам определяется как негативное по эмоциональной окраске.

Оценка слова にゃーにゃー *nya:nya:* является положительной во всех антонимичных парах оценочных прилагательных.

Сопоставительная таблица с результатами экспериментов на эмоциональное восприятие звукоподражаний японского и русского языков носителями родного языка приведена в п. 2.7. данной работы.

2.4.3. Выявление эмоциональных характеристик русских звукоподражаний носителями японского языка

С целью выявления эмоциональных качеств русских звукоподражаний был проведен психолингвистический эксперимент с привлечением носителей японского языка. В качестве материала были предъявлены 23 русских звукоподражания, соответствующие по значению тем японским словам, которые были использованы в вышеописанных экспериментах. Звукоподражания, записанные на звуковой носитель (женский голос), предъявлялись респондентам пятикратно вместе со следующей инструкцией: 『一番左の欄に外国語の擬音語と擬声語が書いてあります。同じ言葉が録音したMP3ファイルをよく聞き、左側の五つの欄にある形容詞を使って各言葉を評価して下さい。それぞれの言葉から感じた印象を選んで用紙に記入して下さい。積極的な感想なら「+」はとる。否定的な感想なら「-」はとる。どちらでもなければ「0」を記入して下さい。評価をする時に言葉の響きに特別な注目をするのは必要です』 «В первой колонке указаны звукоподражания, в остальных — требуемая оценка данных слов в форме антонимов-прилагательных. Заполните все пять колонок, указав впечатления от услышанного слова. Например, если слово вызывает положительные эмоции, то ставьте знак “+”, если нейтральные, то “0”, а если отрицательные, тогда ставьте знак “-”».

Для участия в эксперименте было привлечено 54 носителя японского языка в возрасте 18-20 лет, являвшихся студентами 青森明の星短期大学 Аомори Акэнохоси Танки Дайгаку, Япония. Полученные результаты представлены в Таблице 9.

Таблица 9
Оценка эмоциональных характеристик русских звукоподражаний
носителями японского языка

№	Звукоподражание	хороший (+) нейтральный(0) плохой (-)			добрый (+) нейтральный(0) злой (-)			светлый (+) нейтральный(0) темный (-)			нежный (+) нейтральный(0) грубый (-)			веселый (+) нейтральный(0) грустный (-)			
		кол чел			кол чел			кол чел			кол чел			кол чел			
1	кря-кря	кол чел	4	24	26	4	20	30	7	13	34	5	15	34	6	22	26
		%	7,4	44,4	48,2	7,4	37	55,6	13	24	63	9,3	27,7	63	11,1	40,7	48,2
2	чик-чик	кол чел	17	29	8	23	23	8	24	23	7	16	26	12	24	25	5
		%	31,5	53,7	14,8	42,6	42,6	14,8	44,4	42,6	13	29,6	48,2	22,2	44,4	46,3	9,3
3	му-му	кол чел	12	24	18	14	15	25	9	15	30	21	28	5	15	18	21
		%	22,2	44,5	33,3	25,9	27,8	46,3	16,7	27,8	55,5	38,9	51,9	9,2	27,8	33,3	38,9
4	динь-динь	кол чел	17	25	12	11	26	17	17	22	15	14	30	10	19	22	13
		%	31,5	46,3	22,2	20,4	48,1	31,5	31,5	40,8	27,7	25,9	55,6	18,5	35,2	40,8	24
5	ш-ш-ш	кол чел	5	21	28	3	22	29	2	32	20	6	25	23	1	34	19
		%	9,2	38,9	51,9	5,6	40,7	53,7	3,7	59,3	37	11,1	46,3	42,6	1,9	62,9	35,2
6	фить-фить	кол чел	19	23	12	12	31	11	22	29	3	14	30	10	19	29	6
		%	35,2	42,6	22,2	22,2	57,4	20,4	40,7	53,7	5,6	25,9	55,6	18,5	35,2	53,7	11,1
7	кар-кар	кол чел	23	20	11	17	24	13	33	14	7	8	24	22	18	28	8
		%	42,6	37	20,4	31,5	44,5	24	61,1	25,9	13	14,8	44,5	40,7	33,3	51,9	14,8
8	тук-тук	кол чел	33	17	4	25	20	9	27	17	10	31	21	2	20	24	10
		%	61,1	31,5	7,4	46,3	37	16,7	50	31,5	18,5	57,4	38,9	3,7	37	44,5	18,5
9	ква-ква	кол чел	18	18	18	12	26	16	24	19	11	10	26	18	17	23	14
		%	33,3	33,3	33,4	22,2	48,2	29,6	44,5	35,2	20,3	18,5	48,2	33,3	31,5	42,6	25,9
10	тик-так	кол чел	40	12	2	40	12	2	43	10	1	30	22	2	38	12	4
		%	74,1	22,2	3,7	74,1	22,2	3,7	79,6	18,5	1,9	55,6	40,7	3,7	70,4	22,2	7,4
11	кукареку	кол чел	24	24	6	21	26	7	26	18	10	24	26	4	23	25	6
		%	44,5	44,5	11	38,9	48,2	12,9	48,2	33,3	18,5	44,4	48,2	7,4	42,6	46,3	11,1
12	ха-ха-ха	кол чел	31	19	4	28	14	12	33	16	5	25	26	3	35	12	7
		%	57,4	35,2	7,4	51,8	26	22,2	61,1	29,6	9,3	46,3	48,2	5,5	64,8	22,2	13
13	пи-пи-пи	кол чел	27	20	7	27	21	6	40	12	2	19	27	8	38	15	1
		%	50	37	13	50	38,9	11,1	74,1	22,2	3,7	35,2	50	14,8	70,4	27,8	1,8
14	кап-кап	кол чел	22	22	10	18	28	8	26	21	7	13	28	13	19	26	9
		%	40,7	40,8	18,5	33,3	51,9	14,8	48,1	38,9	13	24,1	51,8	24,1	35,2	48,1	16,7
15	бац	кол чел	7	15	32	7	15	32	6	12	36	5	27	22	4	24	26
		%	13	27,8	59,2	13	27,8	59,2	11,1	22,2	66,7	9,3	50	40,7	7,4	44,4	48,2
16	гав-гав	кол чел	11	23	20	9	21	24	8	20	26	5	25	24	11	25	18
		%	20,4	42,6	37	16,7	38,9	44,4	14,8	37	48,2	9,3	46,3	44,4	20,4	46,3	33,3
17	хлоп	кол чел	18	26	10	19	24	11	10	34	10	28	22	4	10	30	14
		%	33,3	48,2	18,5	35,2	44,5	20,3	18,5	63	18,5	51,9	40,7	7,4	18,5	55,6	25,9
18	хрю-хрю	кол чел	28	20	6	27	16	11	22	22	10	33	19	2	16	28	10
		%	51,9	37	11,1	50	29,6	20,4	40,7	40,8	18,5	61,1	35,2	3,7	29,6	51,9	18,5
19	бум-бум	кол чел	25	19	10	20	25	9	27	22	5	17	31	6	24	26	4
		%	46,3	35,2	18,5	37	46,3	16,7	50	40,7	9,3	31,5	57,4	11,1	44,5	48,1	7,4
20	ж-ж-ж	кол чел	1	10	43	1	9	44	2	16	36	2	19	33	2	20	32
		%	1,9	18,5	79,6	1,9	16,7	81,4	3,7	29,6	66,7	3,7	35,2	61,1	3,7	37	59,3
21	дин-дон	кол чел	39	14	1	28	23	3	34	18	2	16	32	6	35	14	5
		%	72,2	25,9	1,9	51,8	42,6	5,6	63	33,3	3,7	29,6	59,3	11,1	64,8	25,9	9,3
22	ко-ко-ко	кол чел	13	29	12	11	29	14	17	28	9	4	28	22	12	32	10
		%	24,1	53,7	22,2	20,4	53,7	25,9	31,5	51,8	16,7	7,4	51,8	40,8	22,2	59,3	18,5
23	мяу-мяу	кол чел	32	17	5	32	19	3	37	11	6	33	17	4	33	17	4
		%	59,3	31,5	9,2	59,3	35,1	5,6	68,5	20,4	11,1	61,1	31,5	7,4	61,1	31,5	7,4

Эмоциональное восприятие звукоподражательного слова *кря-кря* было определено японскими информантами как отрицательное в таких качественных парах как «добрый — злой», «светлый — темный» и «нежный — грубый». По шкале «веселый — грустный» явной преобладающей качественной характеристикой является нейтральность. Для определения ведущей характеристики у конкурирующих показателей «нейтральный» (44,4 %) и «плохой» (48,2 %) в шкале «хороший — плохой» был вычислен коридор нейтральности,

который составил от 43,9 % до 48,6 % и в который вошли оба показателя, что и подтвердило нейтральность качества восприятия.

Звукоподражание *чик-чик* в первой паре характеристик «хороший — плохой» было достаточно четко определено респондентами как имеющее нейтральную эмоциональную окраску. В паре характеристик «нежный — грубый» превалирует положительная оценка. В позициях «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный» точная оценка восприятия высчитывалась с помощью формулы, так как показатель нейтральности конкурировал с положительным значением во всех трех случаях. В паре «добрый — злой», у конкурирующих качеств «добрый» (42,6 %) и «нейтральный» (42,6 %) коридор нейтральности составил 40,5 % — 44,7 %. Во второй паре диапазон нейтральности составил 41,3 % — 45,7 %, у конкурирующих качеств «светлый» (44,4 %) и «нейтральный» (42,6 %). В третьей паре коридор находится между 43,1 % и 47,6 %, при значении «веселый» 44,4 % и «нейтральный» — 46,3 %. Во всех трех случаях конкурирующие показатели находятся в зоне нейтральности, поэтому по каждой из трех шкал основным качеством восприятия будет являться нейтральность.

Восприятие звукоподражательного слова *му-му* информантами было охарактеризовано как отрицательное по следующим шкалам: «добрый — злой» и «светлый — темный». В таких парах, как «хороший — плохой» и «нежный — грубый», превалирует нейтральность эмоциональной окраски. В случае «веселый — грустный» конкурировали отрицательная и нейтральная характеристики, но при вычислении было обнаружено, что, в отличие от показателя «нейтральный» (33,3 %), характеристика «грустный» (38,9 %) не попадает в коридор нейтральности 34,3 % — 37,9 %, поэтому оно и является доминирующим при восприятии звукоподражания по данной шкале.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания *день-день* респонденты выделили нейтральные характеристики по всем пяти антонимичным-прилагательным. Правда, в паре «веселый — грустный» при конкурирующих качествах «веселый» (3,2 %) и «нейтральный» (40,8 %), ведущая

характеристика восприятия вычислялась с помощью формулы. Коридор нейтральности для этой пары составил 36,1 % — 39, %, куда вошли оба показателя, поэтому восприятие звукоподражания по этой шкале нейтрально.

Слово *ш-ш-ш*, по мнению японских респондентов, обеспечивает отрицательное впечатление по таким шкалам как «хороший — плохой», «добрый — злой». В случаях антонимичных пар «светлый — темный» и «веселый — грустный» эмоциональное восприятие определено как нейтральное. В шкале «нежный — грубый» наблюдается конкуренция нейтральной оценки (46,3 %) с отрицательной (42,6 %), поэтому пришлось прибегнуть к математическим вычислениям и определить, что оба показателя входят в нейтральный коридор 40,0 % — 48,9 %, что говорит о нейтральной характеристике данного звукоподражания в данной шкале.

Впечатление от звукоподражания *фить-фить* японские респонденты определили как нейтральное по всем пяти парам характеристик.

Весьма разнообразны впечатления японцев от слова *кар-кар*. Так, положительную характеристику звукоподражание получило по шкале «светлый — темный». В парах прилагательных «добрый — злой» и «веселый — грустный» основной качественной характеристикой восприятия является «нейтральность». В остальных антонимичных парах эмоциональная окраска определялась с помощью математических вычислений. Так, по шкале «хороший — плохой», при конкурирующих качествах «хороший» (42,6 %) и «нейтральный» (37,0 %), основной является положительная характеристика, так как ее показатель выходит за пределы коридора нейтральности (37,8 % до 41,8 %). В паре «нежный — грубый», при конкурирующих показателях «нейтральный» (44,5 %) и «грубый» (40,7 %), основной является нейтральная характеристика, так как оба показателя входят в диапазон нейтральности (40,5 % — 44,7 %).

Слово *тук-тук* в признаковых парах «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «нежный — грубый» показывает на формирование положительного впечатления у респондентов, а в паре «веселый — грустный» — на нейтральное впечатление.

Звукоподражание *ква-ква* характеризуется информантами как имеющее положительную оценку по шкале «светлый — темный», во всех остальных четырех антонимичных парах оценочное восприятие респондентами зафиксировано как нейтральное. Интересно отметить, что в позиции «хороший — плохой» мнения информантов по качественным характеристикам разделились на три равноценные группы: «хороший» (33,3 %), «плохой» (33,3 %) и «нейтральный» (33,4 %), соответственно. С помощью подсчетов удалось выделить коридор нейтральности 31,7 % — 35,0 %, в который и вошли все три показателя, следовательно, «нейтральность» будет являться доминирующим показателем по данной шкале.

Звукоподражанию *тик-так* информанты по всем пяти шкалам дают только положительные характеристики.

Впечатление от звукоподражания *кукареку* японские респонденты определили как положительное в шкале «светлый — темный» и нейтральное по таким параметрам как «добрый — злой». В остальных антонимичных парах пришлось прибегнуть к формуле для установления качественной оценки. Так, математически нейтральность подтверждается в оппозиции «хороший — плохой», при конкурирующих показателях «хороший» (44,5 %) и «нейтральный» (44,5 %), которые вошли в нейтральный коридор 42,3 % — 46,7 %. Аналогичная ситуация наблюдается в паре «нежный — грубый», где показатель качества «нежный» (44,4 %) и показатель качества «нейтральный» (48,2 %) попадают в коридор нейтральности 44,0 % — 48,6 %. В антонимичной паре «веселый — грустный» конкурируют такие качества как «веселый» (42,6 %) и «нейтральный» (46,3 %). Оба вошли в коридор нейтральности 42,2 % — 46,7 %, поэтому звукоподражание по данной шкале также имеет нейтральную оценку восприятия.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания *ха-ха-ха* японские респонденты выделили положительные характеристики по следующим четырем шкалам: «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». С помощью формулы определяем, что ве-

душую характеристику в паре «нежный — грубый» при конкурирующих качествах «нежный» (46,3 %) и «нейтральный» (48,2 %) составляет нейтральная оценка, так как оба показателя попадают в нейтральную зону 44,9 % — 49,6 %.

Звукоподражание *ни-ни-ни* было отмечено японскими информантами как производящее положительное впечатление по всем шкалам, за исключением пары «веселый — грустный», где реципиенты выделили нейтральную характеристику.

В слове *кан-кан* в паре «добрый — злой» респонденты выделяют положительную эмоциональную окраску. По шкале «хороший — плохой», при конкурирующих качествах «хороший» (40,7 %) и «нейтральный» (40,8 %), определяющим показателем является нейтральность, так как оба показателя входят в зону коридора нейтральности 38,7 % — 42,8 %. В остальных трех парах антонимичных прилагательных при восприятии слова в качестве основной респонденты выделяют нейтральную характеристику.

Восприятие звукоподражания *бац* носителями японского языка по эмоциональному восприятию было определено как отрицательное в следующих антонимических парах: «хороший — плохой», «добрый — злой» и «светлый — темный». По шкалам «нежный — грубый» и «веселый — грустный» слово имеет нейтральную окраску, правда, в последнем случае использовался математический подход для определения ведущего параметра из двух конкурирующих «нейтральный» (44,4 %) и «грустный» (48,2 %). Поскольку оба показателя попадают в нейтральную зону 44,0 % — 48,6 % считаем, что в данной шкале в качестве эмоциональной характеристики превалирует нейтральность.

Звукоподражание *гав-гав* характеризуется отрицательной оценкой восприятия по шкале «светлый — темный». В паре «веселый — грустный» нейтральность выражается достаточно явственно. В шкале «хороший — плохой» конкурируют две характеристики «нейтральный» (42,6 %) и «плохой» (37,0 %). За пределы коридора нейтральности 37,8 % — 41,8 % выходит отрицательная характеристика, определяя тем самым ведущее качество при восприятии звукоподражания по данной шкале. В антонимичной паре «доб-

рый — злой» конкурирующими являются такие показатели как «нейтральный» (38,9 %) и «злой» (44,4 %). Вычисление дает нейтральный коридор 39,6 % — 43,7 %, в который не попадает ни один из двух показателей, поэтому мы используем правило большинства и определяем, что эмоциональная окраска звукоподражания в указанной шкале будет характеризоваться как негативная. При определении ведущей характеристики для пары «нежный — грубый», при конкурирующих качествах «нейтральный» (46,3 %) и «грубый» (44,4 %) в нейтральном коридоре 43,1 % — 47,6 % оказываются оба показателя, поэтому оценка восприятия данным случае считается нейтральной.

При восприятии и оценке звукоподражания *хлоп* информанты выделили его четкие нейтральные характеристики, за исключением шкалы «нежный — грубый», где превалирует положительная оценка.

Звукоподражание *хрю-хрю* респондентами было оценено как имеющее положительные характеристики по таким шкалам как «хороший — плохой», «добрый — злой» и «нежный — грубый». Из двух антонимов «веселый — грустный» предпочтение было отдано нейтральной характеристике звукоподражания. В паре «светлый — темный» нейтральную эмоциональную окраску определяем с помощью формулы, так как «нейтральный» (40,8 %) критерий конкурирует с характеристикой «светлый» (40,7 %). В полученный нейтральный коридор 38,7 % — 42,8 % входят оба процентных отношения, поэтому по данной шкале звукоподражание имеет нейтральную оценку.

Положительно воспринимают респонденты звукоподражание *бум-бум* по таким шкалам, как «хороший — плохой» и «светлый — темный». В парах «добрый — злой», «нежный — грубый» и «веселый — грустный» оценка нейтральная, но если в первых двух случаях качественная характеристика нейтральности ярко выражена, то в последнем случае мы получаем ее с помощью вычислений, так как «нейтральность» (48,1 %) конкурирует с критерием «светлый» (44,5 %). Оба показателя входят в нейтральный коридор 44,0 % — 48,6 %, поэтому слово имеет нейтральную оценку по данной шкале.

При восприятии и оценке звукоподражания *ж-ж-ж* респонденты выделили его четкие отрицательные характеристики по всем качественным шкалам.

Звукоподражание *дин-дон* воспринимается информантами как слово, имеющее положительную эмоциональную окраску в таких парах антонимичных прилагательных, как «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». По шкале «нежный — грубый» звукоподражание формирует нейтральное по эмотивности впечатление.

Слово *ко-ко-ко* по всем пяти шкалам дает нейтральную оценку.

Звукоподражание *мяу-мяу* во всех парах антонимичных прилагательных формирует у респондентов положительное впечатление.

2.4.4. Выявление эмоциональных характеристик японских звукоподражаний носителями русского языка

С целью выявления эмоциональных качеств японских звукоподражаний нами был проведен психолингвистический эксперимент с привлечением носителей русского языка. В качестве материала предъявлялись 23 японских звукоподражания, соответствующие по значению тем русским словам, которые были использованы в вышеописанных экспериментах. Звукоподражания, записанные на звуковой носитель (женский голос), предъявлялись русскоговорящим респондентам пятикратно. Информантам, предлагалась следующая инструкция: «В первой колонке указаны звукоподражания, в остальных — требуемая оценка данных слов в форме антонимов-прилагательных. Заполните все пять колонок, указав впечатления от данного звукоподражания. Например, если слово вызывает положительные эмоции, то ставьте знак “+”, если нейтральные, то “0”, а если отрицательные, тогда ставьте знак “-”».

Для участия в эксперименте было привлечено 54 носителя русского языка в возрасте 18-20 лет, являвшихся студентами АГАО им. В. М. Шукшина [Кривошеева 2011, с. 301-303].

Таблица 10

Оценка эмоциональных характеристик японских звукоподражаний носителями русского языка

№	Звукоподражание		хороший (+) нейтральный(0) плохой (-)			добрый (+) нейтральный(0) злой (-)			светлый (+) нейтральный(0) темный (-)			нежный (+) нейтральный(0) грубый (-)			веселый (+) нейтральный(0) грустный (-)		
	кол.чел	%															
1	がーがー	кол.чел	29	15	10	17	21	16	22	17	15	8	18	28	17	17	20
	ga:ga:	%	53,7	27,8	18,5	31,5	38,9	29,6	40,7	31,5	27,8	14,8	33,3	51,9	31,5	31,5	37
2	ちよきちよき	кол.чел	44	4	6	40	8	6	35	13	6	31	18	5	34	11	9
	chokichoki	%	81,5	7,4	11	74,1	14,8	11,1	64,8	24,1	11,1	57,4	33,3	9,3	63	20,4	16,6
3	もーもー	кол.чел	13	17	24	10	18	26	10	12	32	10	21	23	4	24	26
	mo:mo:	%	24,1	31,5	44,4	18,5	33,3	48,2	18,5	22,2	59,3	18,5	38,9	42,6	7,4	44,4	48,2
4	りんりん	кол.чел	42	7	5	42	10	2	41	7	6	28	19	7	35	8	11
	ririn	%	77,8	13	9,2	77,8	18,5	3,7	76	13	11	51,9	35,1	13	64,8	14,8	20,4
5	しーっ	кол.чел	13	14	27	15	10	29	17	17	20	10	16	28	11	17	26
	shi:	%	24,1	25,9	50	27,8	18,5	53,7	31,5	31,5	37	18,5	29,6	51,9	20,4	31,5	48,1
6	ひゅーひゅー	кол.чел	16	17	21	18	26	10	16	21	17	13	20	21	16	13	25
	hyu:hyu:	%	29,7	31,5	38,8	33,3	48,2	18,5	29,7	38,8	31,5	24,1	37	38,9	29,7	24,1	46,2
7	かーかー	кол.чел	19	23	12	20	29	5	29	10	15	17	21	16	12	15	27
	ka:ka:	%	35,2	42,6	22,2	37	53,7	9,3	53,7	18,5	27,8	31,5	38,9	29,6	22,2	27,8	50
8	とんとん	кол.чел	39	12	3	44	9	1	38	12	4	30	10	14	32	15	7
	tonton	%	72,2	22,2	5,6	81,5	16,7	1,9	70,4	22,2	7,4	55,6	18,5	28,7	59,3	27,8	13
9	けろっ	кол.чел	18	19	17	20	11	23	20	17	17	18	19	17	20	17	17
	kero	%	33,3	35,2	31,5	37	20,4	42,6	37	31,5	31,5	33,3	35,2	31,5	37	31,5	31,5
10	ちくたく	кол.чел	32	15	7	29	15	10	24	15	15	21	17	16	22	17	15
	chikutaku	%	59,3	27,8	13	53,7	27,8	18,5	44,5	27,8	27,8	38,9	31,5	29,6	43,1	31,5	27,8
11	こけこっこ	кол.чел	35	13	6	31	15	8	33	11	10	18	20	16	29	12	13
	kekekoko	%	66,7	24,1	11,1	57,4	27,7	14,8	61,1	20,4	18,5	33,3	37	29,6	53,7	22,2	24,1
12	からから	кол.чел	28	15	11	29	10	15	24	17	13	14	20	20	17	20	17
	karakara	%	51,9	27,7	20,4	53,7	18,5	27,7	44,5	31,5	24,1	25,9	37	37	31,5	37	31,5
13	ちゅーちゅー	кол.чел	31	13	10	29	9	16	30	10	14	19	17	18	15	16	23
	chu:chu:	%	57,4	24,1	18,5	53,7	16,7	29,6	55,6	18,5	25,9	35,2	31,5	33,3	27,7	29,6	46,2
14	ぽたぽた	кол.чел	28	8	18	29	12	13	30	14	10	16	20	18	29	14	11
	potapota	%	51,9	14,8	33,3	53,7	22,2	24,1	55,6	25,9	18,5	29,6	37,1	33,3	53,7	25,9	20,4
15	どかっと	кол.чел	10	18	26	14	10	30	12	15	27	14	16	24	12	25	17
	dokatto	%	18,5	33,3	48,2	25,9	18,5	55,6	22,2	27,8	50	25,9	29,6	44,5	22,2	46,3	31,5
16	わんわん	кол.чел	28	14	12	23	15	16	21	16	17	18	21	15	17	19	18
	wanwan	%	51,9	25,9	22,2	42,6	27,8	29,6	38,9	29,6	31,5	33,3	38,9	27,8	31,5	35,2	33,3
17	ばたっ	кол.чел	20	15	19	18	14	22	16	13	25	20	13	21	17	21	16
	bata	%	37	27,8	35,2	33,3	25,9	40,8	29,6	24,1	46,3	37	24,1	38,9	31,5	38,9	29,6
18	ぶーぶー	кол.чел	19	13	22	25	13	16	11	9	34	10	12	32	16	14	24
	bu:bu:	%	35,2	24,1	40,7	46,3	24,1	29,6	20,4	16,7	62,9	18,5	22,2	59,3	29,6	25,9	44,5
19	ぼんぼん	кол.чел	25	19	10	18	11	25	13	15	26	18	17	19	15	18	21
	bonbon	%	46,3	35,2	18,5	33,3	20,4	46,3	24,1	27,8	48,1	33,3	31,5	35,2	27,8	33,3	38,9
20	じりじり	кол.чел	34	11	9	34	10	10	25	17	12	18	10	26	32	15	7
	jirijin	%	63	20,4	16,6	63	18,5	18,5	46,3	31,5	22,2	33,3	18,5	48,2	59,3	27,8	12,9
21	ちりんちりん	кол.чел	49	4	1	45	9	0	44	9	1	30	15	9	47	5	2
	chirin chirin	%	90,7	7,4	1,9	83,3	16,7	0	81,4	16,7	1,9	55,6	27,7	16,7	87	9,3	3,7
22	こっこ	кол.чел	26	18	10	29	16	9	27	12	15	18	19	17	21	15	18
	kokko	%	48,2	33,3	18,5	53,7	29,6	16,7	50	22,3	27,7	33,3	35,2	31,5	38,9	27,7	33,4
23	にゃーにゃー	кол.чел	42	6	6	42	5	7	42	5	7	32	11	11	34	8	12
	nya:nya:	%	77,8	11,1	11,1	77,8	9,3	12,9	77,8	9,3	12,9	59,2	20,4	20,4	62,9	14,8	22,3

Звукоподражание がーがー ga:ga: было оценено как положительное в парах качественных характеристик «хороший — плохой», «светлый — темный» и как нейтральное в шкалах «добрый — злой», «веселый» — «грустный». В последнем случае нейтральность подтвердилась с помощью вычислений (в коридор нейтральности составляет от 28,4 % до 34,7 % попадают

оба показателя). В паре признаков «нежный — грубый» оценка носит негативный характер.

Звукоподражанию *ちよきちよき chokichoki* информанты по всем пяти шкалам дают только положительные характеристики.

Оценка эмоционального восприятия звукоподражания *も — も — to:to:* по шкалам «хороший — плохой», «добрый — злой» и «светлый — темный» является положительной. В категориях «нежный — грубый» и «веселый — грустный» конкурирующими являются нейтральные и негативные качества. Применяв формулу, мы вычисляем нейтральный коридор, который составляет для пары «нежный — грубый» 36,7 % — 44,9 %, а для пары «веселый — грустный» 41,7 % — 50,9 %. Конкурирующие показатели в обоих случаях входят в нейтральную зону, поэтому эмоциональная окраска по данным шкалам будет тоже являться нейтральной.

Звукоподражание *りんりん rinrin* демонстрирует явные положительные характеристики во всех пяти парах эмоциональных качеств.

Слово *しーっ shi:* информантами оценивается как *негативное* по всем пяти параметрам.

Восприятие звукоподражания *ひゅーひゅー hyu:hyu:* по оценке русскоязычных респондентов является негативным в категориях «хороший — плохой» и «веселый — грустный». В антонимичных парах «добрый — злой» и «светлый — темный» эмоциональная оценка является нейтральной. По шкале «нежный — грубый» конкурирующими показателями являются негативная и нейтральная оценки. Математические вычисления дают нейтральный коридор 34,1 % — 41,8 %, в него входят оба показателя. Таким образом, эмоциональная оценка по данной шкале является тоже нейтральной.

Звукоподражание *かーかー ka:ka:* было охарактеризовано информантами как положительное в категории «светлый — темный», и как нейтральное в парах «хороший — плохой», «добрый — злой» и «нежный — грубый». По шкале «веселый — грустный» слово имеет отрицательную оценку восприятия.

Звукоподражание とんとん *tonton* демонстрирует положительные характеристики по всем пяти параметрам эмоциональных качеств.

Эмоциональные характеристики слова けろっ *kerō* были определены информантами как положительные по следующим категориям прилагательных-антонимов: «светлый — темный» и «веселый — грустный». В паре «добрый — злой» оценка является негативной. В каждой из оставшихся двух шкал три показателя являются конкурирующими. Применяв формулу, определяем, что коридор нейтральности для обеих шкал «хороший — плохой» и «нежный — грубый» является одинаковым и составляет 30 % — 36,6 %, куда входят все три показателя, что говорит о нейтральной оценке в данных категориях.

Звукоподражание ちくたく *chikutaku* демонстрирует положительные характеристики во всех пяти парах эмоциональных качеств.

Слово こけこっこ *kokekokko* информанты оценили как имеющее положительный эмотивный фон в категориях «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». По шкале «нежный — грубый» оценка является нейтральной.

В слове からから *karakara* ответы информаторов распределились следующим образом: в парах «хороший — плохой», «добрый — злой» и «светлый — темный» предпочтение отдается положительным качествам звукоподражания, а по шкале «веселый — грустный» — нейтральной оценке. В категории «нежный — грубый» конкурирующими являются нейтральное и отрицательное качества, поэтому, применив формулу, выявляем нейтральный коридор 33,3 % — 40,7 %, куда и входят оба показателя. Таким образом, определяем, что оценка по данной шкале является нейтральной.

Слово ちゅーちゅー *chu:chu:* информанты оценили как имеющее положительный эмотивный фон в парах прилагательных «хороший — плохой», «добрый — злой» и «светлый — темный». По шкале «веселый — грустный» слово имеет негативную оценку. В категории «светлый — темный» конкури-

рующими являются все три показателя, которые входят в коридор нейтральности 30 % — 36,6 %, что и обеспечивает нейтральную оценку в этой категории.

Слово *ぽたぽた potapota* имеет положительную эмоциональную окраску в парах прилагательных: «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В случае с антонимической парой «нежный — грубый» респонденты выделили нейтральность оценки.

Звукоподражанию *どかつと dokatto* негативные оценки были даны русскоговорящими респондентами в категориях «хороший — плохой», «добрый — злой», «светлый — темный» и «нежный — грубый». По шкале «веселый — грустный» информанты дали слову нейтральную оценку.

При определении эмоциональной окраски звукоподражания *わんわん wanwan* респонденты выделили положительные характеристики по следующим антонимичным парам оценочных прилагательных: «хороший — плохой», «добрый — злой» и «светлый — темный». В категориях «нежный — грубый» и «веселый — грустный» оценка является нейтральной. В последнем случае нейтральность оценки пришлось подтвердить с помощью расчетов. Конкуренцию составили все три качества, численные показатели которых оказались в нейтральной зоне 30,2 % — 36,9 %.

Звукоподражание *ばたつ bata* русскими респондентами с точки зрения эмоциональной характеристики было оценено как негативное в шкалах «добрый — злой», «светлый — темный» и как нейтральное — в паре «веселый — грустный». В категории «хороший — плохой» оба качества являются конкурирующими с процентными показателями 37 % и 35,2 % соответственно. В нейтральный коридор 34,3 % — 37,9 % попадают оба показателя, поэтому по данной шкале оценка будет являться нейтральной. В категории «нежный — грубый» также конкурируют оба полярных качества с процентными показателями 37 % и 38,9 %. Вычисляем коридор нейтральности 36,1 % — 39,9 %, в него попадают оба показателя, следовательно, и в этой паре характеристик оценка эмотивности будет нейтральной.

Носители русского языка указали на отрицательные характеристики звукоподражания ふーふー *bu:bu:* в следующих категориях: «хороший — плохой», «нежный — грубый», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В паре антонимичных прилагательных «добрый — злой» информанты выделяют положительную оценку.

Неоднозначные данные получены и в эмоциональной оценке звукоподражания ぼんぼん *bonbon*. Так, определяя данное слово как вызывающее положительные эмоции в категории «хороший — плохой», респонденты, тем не менее, указывают на его негативную характеристику в шкалах «добрый — злой», «светлый — темный» и «веселый — грустный». В категориях «нежный — грубый» конкурируют все три качественные характеристики. Вычислив коридор нейтральности 30,2 % — 36,9 %, определяем, что в паре оценочных прилагательных превалирует нейтральная эмотивная окраска.

В случае с эмоциональным восприятием звукоподражания じりじり *jirijiri* респонденты выделяют положительную оценку по 4-м шкалам, кроме «нежный — грубый», где превалирует нейтральность оценки.

В эмоциональном восприятии слова ちりんちりん *chirin* наблюдается четкая характеристика его как положительного звукоподражания относительно каждой из пяти шкал оценочных прилагательных.

Слово こっこ *kokko* характеризуется русскими респондентами как имеющее положительную окраску по всем категориям, кроме «нежный — грубый», где конкурирующими являются все три показателя. Находим коридор нейтральности от 30,2 % до 36,9 % и определяем, что по данной шкале слово не маркировано, так как все показатели входят в нейтральную зону.

Звукоподражание にゃーにゃー *nya:nya:* оценивается информантами как положительное по всем пяти парам признаков.

2.4.5. Сопоставление результатов фоносемантических оценок русских и японских звукоподражаний

Попытаемся сопоставить общие результаты эмоциональных оценок, присвоенных каждому из звукоподражательных слов носителями русского и японского языков.

Прежде чем перейти к анализу звуковой оболочки звукоподражаний русского и японского языков, проведем сопоставление семантики звуков двух языков. Анализ теоретических и экспериментальных работ таких авторов, как В. В. Левицкий [1973], А. П. Журавлев [1976], Дж. Брач [1986], С. Хамано [1986, 1998], Х. Кубозоно [1999], С. Кавахара, К. Синохара, Ю. Утимото [2008], а также использование метода интроспекции позволило сопоставить эмотивные характеристики отдельных звуков в исследуемых языках. В данном случае, во внимание принималось не абсолютное соответствие, а общность в направленности качественно-оценочных ассоциаций.

Что касается оценки слов, то сама вероятность ошибки может быть достаточно высокой, так как звуки при взаимодействии друг с другом меняют свои качества за счет позиционного и комбинаторного влияния. Исключение составляют те случаи, когда в звуковом комплексе слова (в данном случае, звукоподражания) отсутствуют фонетическое влияние звуков друг на друга.

Таблица 12
Сопоставительный анализ семантики звуков японского и русского языков

Японский звук	Эмотивное значение Данные исследования Дж. Брача, С. Хамано и др.	Русский звук	Эмотивное значение Данные исследования эмотивности звуков (В. П. Журавлев)	Соответствие / несоответствие в характеристике звуков между языками
[a]	яркий, необычный, большой, скучный	<i>a</i>	хороший, яркий, простой, круглый	-/+
[i]	маленький, быстрый, твердый, острый, легкий, интенсивный	<i>и</i>	милый, легкий, маленький, медленный	- / +
[u]	круглый, темный, скучный	<i>у</i>	большой, храбрый, тусклый, печальный	- / 0
[e]	нежелательный, не острый	<i>e</i>	светлый, округлый, легкий, нежный	- / +

		э	хороший, большой, светлый	+
[o]	круглый, большой, скучный	о	округлый, большой, легкий, медленный	- / +
[p]	легкий, маленький, прерывистый	п	шероховатый, темный, тихий, быстрый, маленький	+ / -
[t]	твердый, тугой, прерывистый	т	шероховатый, темный, грубый	+
[k]	твердый, тугой, прерывистый	к	грубый, шероховатый, тихий	0 / -
[b]	тяжелый, грязный, большой, прерывистый	б	грубый, большой, шероховатый	-
[d]	тяжелый, грязный, большой, прерывистый, длинный	д	угловатый, большой, шероховатый	- / +
[g]	тяжелый, грязный, большой, твердый, прерывистый	г	мужественный, могучий, шероховатый, холодный	-
[n]	мокрый, гибкий, мягкий, тонкий, липкий, медленный	-		0
[ts]	гладкий, прерывистый	ц	шероховатый, слабый, тихий	-
[tʃ]	прерывистый	ч'	шероховатый, тихий, маленький, быстрый	0 / +
[dʒ]	беспокойный, грубый	-		0
[w]	гибкий, мягкий, медленный	-		0
[Ф]	<i>характеристика не представлена</i>	ф	отгалкивающий, тяжелый, грубый	-
[s]	гладкий, но с помехами, сухой, тихий, продолжительный	с	шероховатый, тихий, медлительный, печальный	+
-		ш	шероховатый, темный, тихий, пассивный	-
[ʃ]	тихий	щ	темный, слабый, страшный	-
[h]	воздушный, легкий, движение в воде или в воздухе	х	темный, тихий, тяжелый, грубый	+ / -
-		в	сильный, большой, громкий	0
-		з	шероховатый, самый светлый, яр-	+

			кий	
–		<i>ж</i>	шероховатый, тяжелый, большой, страшный	–
[m]	большой, многочис- ленный, мягкий, не- желательный, мед- ленный	<i>м</i>	большой, тяжелый, отгалкивающий	–
–		<i>н</i>	большой, гладкий, тяжелый	+
[ŋ]	завершенный, твердый, большой, многочисленный, шумный, прерыви- стый	–		0
–		<i>л</i>	большой, яркий, медленный	+
[r]	гладкий, мягкий, бесконечное движе- ние	<i>р</i>	шероховатый, тяжелый, подвиж- ный, грубый	+ / –

Ниже представлен анализ полученных оценок при проведении пере-
крестных экспериментов на эмоциональное восприятие звукоподражаний
японского и русского языков. (Напомним, что «+» обозначает положительную
эмотивность, «–» — отрицательную, а «0» — отсутствие выраженной эмотив-
ности).

Ga:ga:. Русские респонденты оценивают звуковой состав слова как
эмотивно нейтральный. С одной стороны, это может быть связано со звуко-
вым составом звукоподражания, поскольку /z/ оценивается негативно, а глас-
ный — /a/ положительно. Известно, что разнонаправленная значимость кон-
трастных звуков в слове взаимоуничтожается, следовательно, слово имеет
нейтральную окраску [Журавлев 1991, с. 90]. При этом важно отметить, что в
слове не происходит ни комбинаторных, ни позиционных процессов. С другой
стороны, можно предположить, что нейтральность обусловлена тем, что слово

Таблица 13

*Сопоставление результатов оценки эмотивности японских звукоподражаний
носителями русского языка и русских звукоподражаний носителями японского языка*

	Звукоподражания японского и русского языков	Общая оценка эмотивности слова
1	<i>ga:ga:</i>	0
	кря-кря	–
2	chokichoki	+

	чик-чик	0
3	мо:мо:	–
	му-му	–
4	rinrin	+
	динь-динь	0
5	shi:	–
	ш-ш-ш	–
6	hyu:hyu:	0
	фить-фить	0
7	ka:ka:	0
	кар-кар	0
8	tonton	+
	тук-тук	+
9	kero'	0
	ква-ква	0
10	chikutaku	+
	тик-так	+
11	kokekoko	+
	кукареку	0
12	karakara	+
	ха-ха-ха	+
13	chu:chu:	+
	пи-пи-пи	+
14	potapota	+
	кап-кап	0
15	dokatto	–
	бац	–
16	wanwan	+
	гав-гав	–
17	bata'	0
	хлоп	0
18	bu:bu:	–
	хрю-хрю	+
19	bonbon	0
	бум-бум	0
20	jirijiri	+
	ж-ж-ж	–
21	chirinchirin	+
	дин-дон	+
22	kokko	+
	ко-ко-ко	0
23	nya:nya:	+
	мяу-мяу	+

воспринимается носителями русского языка как русское звукоподражание *га-га*, эмотивная оценка которого и была соотнесена с японским вариантом.

Кря-кря. Японские респонденты данное звукоподражание оценили как отрицательное. Прежде всего, отметим, что для японцев звуковой комплекс

кря не является типичным, поскольку содержит стечение согласных. В результате, первый согласный достраивается до слога /кy/, совпадающего по составу с японской морой. Предположительно, на отрицательную оценку этого звукоподражания повлияла негативная характеристика согласного [к] и гласных звуков [a] и [u], перевесившая положительный ореол согласного [r].

Chokichoki. Носители русского языка оценили звукоподражание как эмотивно положительное. Уместно предположить, что подобный позитивный ореол слова создается за счет положительной характеристики согласного звука /ч/ и гласного /o/, относительно глухого согласного /к/, являющегося фоносемантически нейтральным. Кроме того, в слове не замечены фонетические процессы, способные изменить оценку восприятия или как-то повлиять на нее.

Чик-чик. Данное звукоподражание получило у японских респондентов нейтральную оценку при восприятии. В японском языке звуки [ch] и [k] не несут какой-либо существенной семантической нагрузки и являются нейтральными по своим характеристикам, а вот звук [i] считается негативным. Кроме того, происходит «дотягивание» звука [к] до структуры моры через добавление гласного [u], который также имеет отрицательную коннотацию у японцев. В результате данное звукоподражание в восприятии японских респондентов получает форму *chikuchiku*. Очевидно, превалирование звуков с нейтральной характеристикой над звуками с отрицательной семантикой, в большей степени благодаря начальной позиции согласного [ch], обеспечивает, в конечном итоге, восприятие слова как эмотивно нейтрального.

Мо:то:. Русские информанты определили данное звукоподражание как отрицательное по эмоциональной окраске. Полученную оценку можно объяснить следующим образом: в слове не наблюдается никаких фонетических процессов, которые бы влияли на форму звукоподражания, поэтому уместно предположить, что негативный ореол слова достигается за счет семантики составляющих его звуков. Хотя гласный /o/ в русском языке и имеет положительный ореол, фоносемантический окрас согласного /м/ является негативным.

Му-му. Японские респонденты оценивают звукоподражание как эмотивно отрицательное, что, по-видимому, можно объяснить негативными характеристиками звуков [m] и [u] в японском языке.

Rinrin. Данное звукоподражание воспринимается на слух русскими респондентами, как правило, как [д'ин'д'ин'] (см. Таблицу 4) и оценивается как эмотивно положительное. Как уже упоминалось ранее в нашей работе, произношение японского звука [r'] напоминает русский согласный /d'/, поэтому можно предположить, что на восприятие слова повлияла положительная характеристика данного звука, усиленная палатализацией. Кроме того, гласный /u/ в русском языке также имеет положительную семантику.

Динь-динь. Японские информанты воспринимают на слух это звукоподражание как [dʒ'ɪŋ'dʒ'ɪŋ'] (см. эксперимент, описанный выше) и указывают на его нейтральную эмотивную окраску. Согласные [dʒ] и [ŋ] в японском языке по фоносемантической характеристике нейтральны, а присутствие палатализации еще более снижает отрицательное влияние гласного [i].

Shi-. В этом случае необходимо пояснить, что японском языке sh перед переднерядным гласным получает палатализацию и воспринимается носителями русского языка как /ш:'. Русские респонденты определили данное звукоподражание, как негативное, что соответствует отрицательной характеристике /ш:'. в русском языке.

Ш-ш-ш. Носители японского языка оценили данное слово как *негативное* с позиций эмотивности, очевидно, опираясь на отрицательный фоносемантический ореол, ассоциирующийся со звуком [sh] в японском языке.

Нуи:хуи:. Русские информанты оценили слово как *нейтральное*. Звук /x/ в русском языке является негативным по семантике, а гласный /y/ — нейтральным. Скорее всего, смягчение отрицательного впечатления произошло за счет палатализации начального /x/.

Фить-фить. Японские реципиенты присвоили данному звукоподражанию нейтральную оценку. Сложно предположить, как был воспринят японскими респондентами согласный русского языка /f/ с последующим гласным

/ul/, поскольку подобное сочетание отсутствует в японской слоговой азбуке (но есть [hi]). По причине отсутствия в составе японского языка палатализованного /m'/, этот согласный был «достроен» до моры с помощью гласного [i] и воспринимался на слух как [tʃi]. Известно, что гласный [i] имеет негативную коннотацию в японском языке, а звук [tʃ] — нейтральную. Кроме того, очевидно, что палатализация согласных звуков была распознана и воспринята японскими информантами, что и сгладило отрицательное влияние звука [i].

Ka:ka:. Данное звукоподражание носителями русского языка получило нейтральную эмоциональную оценку. Звук /k/ в русском языке имеет отрицательную характеристику, а гласный /a/ — положительную. В данном случае нейтральность обусловлена тем, что разнонаправленная значимость контрастных звуков в слове взаимоуничтожается.

Kar-kar. Японскими респондентами данное звукоподражание было оценено как *нейтральное*. Исходя из правил морооформления, восприятие звука [r] сопровождается добавлением гласного [u], который имеет негативную характеристику. Возможно, нейтральность оценки достигается благодаря балансу положительных согласных и отрицательных гласных: в японском языке звук [r] имеет положительную семантическую окраску, а [k] — нейтральную. Другого объяснения мы в данном случае предложить не можем.

Tonton. Данное звукоподражание с точки зрения эмотивности носителями русского языка было оценено как положительное, что, на наш взгляд, достигается за счет положительной семантики звуков /m/ и /o/ в русском языке и отсутствием фонетических процессов.

Tuk-tuk. Японские респонденты на слух воспринимают данное слово в большинстве случаев как *tokutoku* (см. Таблицу 4) и оценивают его как положительно окрашенное. Подобной оценке слово, по нашему мнению, обязано звуку [t], имеющему в японском языке позитивные характеристики, в отличие от негативных [o] и [u] и нейтрального [k] (см пример с *kar-kar*).

Kero. Русскоязычные респонденты указывают на нейтральную окраску слова. Снова воспользуемся утверждением А. П. Журавлева и предположим,

что нейтральность достигается за счет противовеса негативных /к/ и /р/ положительным по семантике гласным /э/ и /о/.

Ква-ква. Носители японского языка оценивают эмотивность звукоподражания как нейтральную. Во-первых, при восприятии на слух данного слова, японцы, пытаясь избавиться от непринятого для их языка сочетания согласных, добавляют к звуку [к] гласный [у], обеспечивая тем самым структурный состав моры. Гласные [у] и [а] по семантическим характеристикам являются негативными, значит, уместно предположить, что нейтральность слова достигается за счет нейтральности характеристик начального [к] и согласного [w].

Chikutaku. Данное звукоподражание носителями русского языка оценивается как положительное. При произнесении слова японцами гласный [у] в обеих позициях редуцируется (что и наблюдается в записи, предъявляемой носителям русского языка), до краткого звука /y/, поэтому русские реципиенты слышат слово как [ч'иктак] (см. Таблицу 4). За счет гласных полного образования /а/ и /у/, а также согласных /ч'/ и /м/, имеющих положительную характеристику в русском языке, негативная характеристика согласного /к/ перекрывается. Кроме того, в восприятии русских реципиентов, данное звукоподражание может соотноситься с русским вариантом *тик-так*, которое сами носители определили как положительно окрашенное (см. Таблицу 6).

Тик-так. Звукоподражание получило положительную эмоциональную оценку у японских респондентов. Такой результат, предположительно, объясняется тем, что японские информанты узнали звукоподражание, так как слышали в нем [tʃ'ikutaku] (см. Таблицу 3), что соотносится с японским вариантом. По фоносемантическим характеристикам согласные звуки [tʃ'] и [к] являются нейтральными, а гласные [i] и [у] — отрицательными, поэтому, очевидно, что при восприятии звукоподражания они не могли сформировать положительную эмотивность слова.

Кокекокко. Русские респонденты оценили звукоподражание как положительное по эмотивности. Данная оценка, очевидно, достигается за счет

гласных /o/ и /э/, имеющих в русском языке положительные характеристики в отличие от негативного согласного /к/.

Кукареку. Слово воспринимается на слух японскими респондентами как [kokeriko] и отражает нейтральную эмоциональную окраску. Скорее всего, нейтральность достигается за счет противовеса гласным [o], [e] и [i], имеющим отрицательную характеристику в японском языке, положительного звука [r'] и повторяющегося нейтрального звука [k]. Уместно также предположить, что при восприятии имеет место соотнесение русского слова с японским аналогом, о чем свидетельствуют данные Таблицы 14.

Karakara. Данное звукоподражание оценивается как положительное при восприятии носителями русского языка. В силу того, согласные /к/ и /р/ являются негативными, попробуем допустить, что положительная характеристика достигается за счет позитивного ореола гласного /а/. Другого объяснения, к сожалению, мы в данном случае привести не можем.

Ха-ха-ха. Носители японского языка оценивают данное слово как положительное с точки зрения эмотивности. В японском языке согласный звук [h] имеет позитивную характеристику, в отличие от звука [a], который является негативным по семантической окраске. Мы предполагали, что данное звукоподражание должно восприниматься как нейтральное за счет разной эмотивной направленности согласного и гласного, однако носители японского языка восприняли его как положительное.

Chu:chu:. Русские респонденты определяют слово как положительное по эмоциональной окраске. Подобная оценка достигается за счет положительной характеристики гласного /у/ и согласного /ч'/.

Пи-ни-ни. Эмотивная оценка звукоподражания японскими реципиентами определяется как положительная. Возможно, имеет место превалирование положительных характеристик звука [p] в японском языке над гласным [i], имеющего негативный ореол. Однако такое обоснование имеет недостаточно высокий уровень валидности.

Potapota. Данное звукоподражание оценивается как положительное русскими респондентами, что, на наш взгляд, вполне оправдано, так как в слове три звука из четырех (*/o/*, */m/* и */a/*) имеют положительные семантические значения в русском языке.

Kan-kan. Звукоподражание воспринимается японцами как [карикари] и наделяется нейтральной оценкой. Если обратиться к звуковому составу, то очевидно, что отрицательная характеристика гласных [a] и [u] нивелируется положительным по семантике согласным [p]. Звук [k] является нейтральным.

Dokatto. Звукоподражание оценивается с точки зрения эмотивности как отрицательное при положительной характеристике почти всех звуков в русском варианте (кроме согласного */k/*). Возможно, присутствует соотнесенность звукового комплекса с какой-то отрицательной семантикой, которую, к сожалению, не удалось выявить.

Bau. Японские информанты слышат данное слово как [batsu] и оценивают его как негативное по эмоциональному фону. Подобная оценка может быть обоснована отрицательной семантической характеристикой, которой отличаются все звуки данного звукоподражания.

Wanwan. Звукоподражание русскими респондентами оценивается как положительное, что можно объяснить преобладанием положительной семантики в слове за счет гласного */a/* и согласного */n/*. Звук [w], воспринимаемый русскими респондентами как */v/* (см. Таблицу 4), является нейтральными.

Gav-gav. Японцы воспринимают на слух данное звукоподражание как [gau gau] и наделяют его негативной оценкой, что объясняется отрицательным семантическим ореолом, свойственным всем составляющим слово звукам.

Bata. Русские информанты оценивают слово как нейтральное с точки зрения эмотивности. Начальный */b/* имеет негативную характеристику в русской фоносемантике, а звуки */a/* и */m/* — положительную. Уместно предположить, что нейтральность достигается за счет противовеса положительных и отрицательных по эмотивным качествам звуков. Более того, манера произне-

сения данного слова, выражающаяся в как бы прерванном финальном слоге, также, на наш взгляд, обусловила его нейтральное восприятие.

Хлоп. Японские реципиенты охарактеризовали данное звукоподражание, как имеющее нейтральную оценку. Скорее всего, при восприятии слово было реализовано формой [fɨgɔɾɨ], а отсутствующий в японском языке согласный [l], был стандартно заменен на [r]. Кроме того, происходит дотраивание финальной моры с использованием гласного [u]. Нейтральность слова, возможно, достигается балансом между отрицательными гласными [u] и [o] и положительными согласными [r] и [p].

Ви:бу:. Звукоподражание получило негативную оценку у русских респондентов, что можно объяснить отрицательной характеристикой звука /b/ и эмотивной амбивалентностью звука /y/ в русском языке.

Хрю-хрю. У японцев слово воспринимается на слух в большинстве случаев как [fɨɾ•ufɨɾ•u] и оценивается положительно. Негативная характеристика звука [u], скорее всего, нивелируется позитивными семантическими качествами сонорного [r'], который, к тому же, является палатализованным.

Bonbon. Русские респонденты определили слово как *нейтральное*. Звуки в данном слове представляют полярную семантику: /b/ — негативный, а гласный /o/ и согласный /n/ — положительные. В качестве объяснения оценки мы можем привести два варианта: во-первых, нейтральность может достигаться за счет противостояния положительных и отрицательных по эмотивным качествам, а во-вторых, уместно предположить, что слово было опознано и соотнесено с русским вариантом *бум-бум*, которое носители русского языка оценили как нейтральное (см. Таблицу 6).

Бум-бум. Данное звукоподражание воспринимается на слух японскими респондентами как [bɔnbɔn] и является нейтральным. Звуки [b] и [o] негативны по семантическим характеристикам, а назальный [ŋ] — нейтрален. Данное звукоподражание опознается и соотносится респондентами с японским аналогом *bonbon*, которое по их собственной оценке имеет нейтральную эмотивную характеристику (см. Таблицу 7).

Jirijiri. Данное звукоподражание является положительным по эмоциональной характеристике в оценке русских информантов. Звук [dʒ'] отсутствует в русском языке, поэтому, скорее всего, носители русского языка при восприятии дотягивали его до русского /ж'/, который имеет негативную оценку эмотивности. Отрицательной характеристикой обладает и согласный звук /p'/. Скорее всего, это связано с влиянием положительной семантики звука *и* в русском языке или с соотнесенностью звукового комплекса с какой-то положительной семантикой, которую, к сожалению, мы не смогли выявить.

Ж-ж-ж. У японских респондентов слово вызывает *негативные* эмоции, по-видимому, в силу того, что звук /ж/ в чистом виде отсутствует в фонетической системе японского языка.

Chirin chirin. Русскими респондентами слово было определено как положительное по эмоциональной оценке. Данную характеристику можно объяснить влиянием «позитивных» звуков /u/ и /n/, а также палатализованностью двух согласных: нейтрального /ч'/ и отрицательного /p'.

Дин-дон. Данное звукоподражание японские респонденты оценили как положительное с точки зрения эмотивности. В виду отсутствия звука [d'] в японском языке, скорее всего, слово было услышано как [jindon]. В данном случае, мы не можем объяснить реакцию информантов, так как все звуки данного слова содержат отрицательную и нейтральную характеристики.

Kokko. Носители русского языка определили слово как положительное по эмоциональной окраске. Несмотря на разнополярную характеристику составляющих слово звуков (гласный /o/ имеет положительную семантику, а согласный /к/ отрицательную), подобная оценка, на наш взгляд, вызвана соотнесением услышанного звукоподражания с русским словом *ко-ко-ко*, которое сами русские респонденты оценили как положительное (см. Таблицу 6).

Ко-ко-ко. Японские респонденты оценили данное звукоподражание как нейтральное по эмоциональной окраске. Вероятно, слово было опознано как японское *kokko*, имеющее отрицательный ореол у носителей японского языка (см. Таблицу 7). К тому же, в данном звукоподражании сочетаются неполо-

жительные по фоносемантическим характеристикам звуки: нейтральный [k] и отрицательный [o].

Нуа:нуа:. Носители русского языка оценили слово как эмотивно положительное, что можно объяснить положительной семантикой звуков: согласного /н/, усиленного палатализацией, и гласного /'а/.

Мяу-мяу. Японские респонденты оценили эмотивность данного звукоподражания положительно. Несмотря на то, что все его звуки имеют негативную фоносемантику у носителей японского языка, позитивный ореол, возможно, достигался за счет палатализации согласного /м'/. С другой стороны, можно предположить, что опознаваемость значения данного звукоподражания в 45 % случаях также повлияла на оценку эмотивности (см. Таблицу 17).

2.5. Психолингвистические эксперименты на определение соотнесенности звукоподражания с обозначаемым объектом

С целью выявления уровня межъязыкового иконизма, был проведен ряд психолингвистических экспериментов по перекрестному восприятию звукоподражательных слов в японском и русском языках. Мы исходим из предположения, что узнавание носителями языка иноязычных звукоподражаний будет осуществляться за счет опоры на иконические свойства предложенных лексических единиц, что позволит сделать вывод о представленности этих свойств в звукоподражаниях указанных языков.

В качестве материала были выбраны 17 русских и японских звукоподражаний, соотносимых по плану содержания. Слова входили в группу из 23-х звукоподражаний, ранее предъявленных японским и русским респондентам для оценки эмотивности. Ввиду объемности материала было принято решение уменьшить количество звукоподражаний для использования в экспериментах, направленных на опознаваемость (отбор носил случайный характер).

Каждое звукоподражание для эксперимента было озвучено носителем русского языка (женщина) и носителем японского языка (женщина). Каждый

стимул воспроизводился пятикратно с внутренним интервалом в 3 сек и с внешним — в 5 сек. В качестве русских респондентов привлекались студенты АГАО им В. М. Шукшина г. Бийска. С японской стороны респондентами выступили студенты колледжа Аомори Акенохоси Танки Дайгаку (青森明の星短期大) и Киотского Университета Досися Дайгаку (京都同志社大学). С обеих сторон участвовало по 54 человека в возрасте 18-22 лет. Информантам предлагалась следующая инструкция. 『外国語の17擬声語と擬音を五回聞いて横のリストから日本語の意味の同じ言葉を選んで下さい。格言葉は五回繰り返されています』 «В записи вы услышите 17 звукоподражательных слов неизвестного вам языка, каждое слово будет повторяться 5 раз. Ваша задача — прослушать и подобрать для каждого звукоподражания аналог в родном языке из предложенного списка». Опираясь на звуковой состав и слоговую структуру каждого из звукоподражаний, попытаемся выяснить, какие из факторов определяют уровень опознавания звукоподражаний носителями другого языка.

Звукоподражание *чик-чик* по структуре и количеству слогов не совпадает с *ちよきちよき chokichoki*, так как состоит из двух закрытых слогов, а не из четырех открытых, как японский аналог. Начальный консонант [tʃ] с учетом особенностей произношения японского звука достаточно близок к русскому консонанту /ч/. Конечный элемент русского слога /к/ полностью совпадает с интервокальным [k'] по всем признакам, кроме палатализованности. Русский гласный /и/ соотносится с японским [i], но находится в другой позиции, а фонетический аналог [o] в данном русском звукоподражании отсутствует. Слово узнали 81 % русских и 41 % японских респондентов. Такое различие в опознавании звукоподражаний носителями другого языка, предположительно, обусловлено тем, что русские респонденты воспринимают слоги не как открытые.

Таблица 14
 Результаты эксперимента по опознаванию русских
 звукоподражаний носителями японского языка

Русские звукоподражания	Аналог в японском языке	Транскрипция	Кол-во случаев узнавания
Звуки неживой природы			
чик-чик	ちよきちよき	chokichoki	41 %
динь-динь	りんりん	rinrin	61 %
тук-тук	とんとん	tonton	5 %
тик-так	ちくたく	chikutaku	79 %
кап-кап	ぽたぽた	potapota	21 %
бац	どかっと	dokatto	20 %
бум-бум	ぼんぼん	bonbon	63 %
Звуки живой природы			
кря-кря	があがあ	gaagaa	0 %
му-му	もーもー	mo:mo:	82 %
ха-ха-ха	からから	karakara	14 %
кукареку	こけこっこ	kokekokko	79 %
пи-пи-пи	ちゅうちゅう	chu:chu:	13 %
гав-гав	わんわん	wanwan	38 %
хрю-хрю	ぶうぶう	bu:bu:	30 %
мяу-мяу	にゃーにゃ	nya:nya:	45 %
ко-ко-ко	かっこ	kakko	90 %
ква-ква	けろっ	kero'	45 %

Таблица 15
 Результаты эксперимент по опознаванию японских
 звукоподражаний носителями русского языка

Японские звукоподражания	Транскрипция	Аналог в русском языке	Кол-во случаев узнавания
Звуки неживой природы			
ちよきちよき	chokichoki	чик-чик	81 %
りんりん	rinrin	дзинь-дзинь	98 %
とんとん	tonton	тук-тук	70 %
ちくたく	chikutaku	тик-так	83 %
ぽたぽた	potapota	кап-кап	25 %
どかっと	dokatto	бац	13 %
ぼんぼん	bonbon	бум-бум	19 %
Звуки живой природы			
があがあ	gaagaa	кря-кря	40 %
もーもー	mo:mo:	му-му	43 %
からから	karakara	ха-ха-ха	19 %
こけこっこ	kokekokko	кукареку	91 %
ちゅうちゅう	chu:chu:	пи-пи-пи	8 %
わんわん	wanwan	гав-гав	47 %
ぶうぶう	bu:bu:	хрю-хрю	9 %
にゃーにゃ	nyanya	мяу-мяу	45 %
かっこ	kakko	ко-ко-ко	96 %
けろっ	kero'	ква	21 %

Звукоподражание *динь-динь* соответствует японскому аналогу りんりん *rinrin* по структуре: оба представлены двумя закрытыми слогами. Соотнесение по консонантному составу следующее: /d'/ и [r] (слышится как dʒi) не совпадают, а /n'/ и [ŋ] совпадают по способу образования, так как оба являются смычно-проходными носовыми звуками. Совпадение отмечается и у гласных /u/ и [i]. Данное звукоподражание опознали 61 % японских и 98 % русских респондентов.

Тук-тук совпадает с японским とんとん по закрытости слогов и их количеству (2). Согласный *t* по месту и способу образования идентичен [t], а /k/ совпадает с [ŋ] только по месту образования. Гласные /y/ и [o] не совпадают. Слово узнало всего 5 % носителей японского и 70 % носителей русского языка.

Слово *тик-так* имеет закрытую структуру слога и совпадает с японским аналогом ちくたく *chikutaku*, у которого слоги также считаются закрытыми из-за редукции гласного [u] во второй и четвертой позициях. Совпадение согласных по способу и месту образования можно отметить у звуков /k/ — [k] и /m/ — [t], а у начальных /m'/ и [tʃ'] — только по месту образования. У гласных звуков /u/ и [i], *a* и [a] также наблюдается совпадение. Звукоподражание опознано 79 % японских и 83 % русских респондентов.

Звукоподражание *кан-кан*, в отличие от японского аналога ぽたぽた *potapota*, насчитывает два закрытых слога. Звуки /k/ и [p], а также /n/ и [t] совпадают по способу образования и признаку звонкости / глухости. По вокальному составу наблюдаются несоответствия между /a/ и [o]. Более того, японский вариант насчитывает на один гласный звук больше — [a]. Слово узнали 21 % носителей японского и 25 % носителей русского языка.

Слово *бац* состоит из одного закрытого слога, в отличие от どかつと *tokatto*, где есть закрытый и открытые слоги. Звук /b/ совпадает с [d] по способу образования, а /y/ не соответствует ни [k], ни [t]. В японском аналоге имеются гласные звуки [o] и [a], а в русском только /a/. Слово опознали 20 % японских и 13 % русских респондентов.

Звукоподражание *бум-бум* по слоговому составу идентично японскому аналогу *ぼんぼん bonbon*: оба имеют по два закрытых слога. В данных словах можно отметить совпадение согласных звуков /b/ и [b], одинаковых по месту и способу образования. Финальные /m/ и [ŋ] совпадают только по способу — оба являются смычнопроходными носовыми. Гласные /y/ и [o] — звуки одного ряда, которые различаются подъемом. Звукоподражание узнали 63 % японских и 19 % русских респондентов.

Слово *кря-кря* состоит из двух открытых слогов, как и *があがあ gaaga*. Согласный /k/ совпадает с [g] по всем признакам, кроме звонкости / глухости, а звук /p/ в японском слове отсутствует. Гласные звуки представлены /a/ и [a], но японский вариант является долгим гласным. Слово опознали 40 % русских респондентов и ни один из носителей японского языка.

Звукоподражание *му-му* и его японский аналог *もーもー to:to*: имеют структуру открытого слога. По консонантному составу отмечается совпадение русского /m/ и японского [m], схожих по способу и месту образования. Гласный /y/ в русском варианте и [o] в японском — звуки одного ряда, отличающиеся подъемом. Слово узнало 82 % японских и 43 % русских респондентов.

В звукоподражании *ха-ха-ха*, так же как и у японского аналога *からから karakara* все слоги открытые, но по количеству слогов японский вариант насчитывает 4, а русский 3 слога. Звук /x/ совпадает с [k] по месту образования, по звонкости / глухости, но отличается по месту. В русском звукоподражании отсутствует аналог звуку [r]. Вокальный состав, представленный /a/ и [a], совпадает. Слово узнали 14 % японских и 14 % русских респондентов.

Звукоподражание *кукареку* по количественному слоговому составу совпадает с японским *こけこっこ kokekokko* (оба имеют 4 слога), а по качественным характеристикам слова демонстрируют различия: в русском варианте все слоги открытые, а в японском три слога открытых, а один (третий) — закрытый. По консонантному составу можно указать на совпадение согласных звуков двух языков /k/ и [k] в первом, третьем и четвертом слогах. В

русском звукоподражании в третьем слоге присутствует согласный /p'/, а в японском — удвоение согласного [k]. По составу гласных в звукоподражаниях единства тоже не наблюдается: в первом и четвертом слогах русский /y/ не соответствует японскому [o], во втором и в третьем слогах /a/ — [e] и /u/ (/э/ как результат редукции до /u/) — [o] различны не только по способу, но и по месту образования. Слово узнали 79 % японских и 91 % русских реципиентов.

Звукоподражания *ни-ни-ни* и ちゅうちゅちゅ *chu:chu* состоят из открытых слогов, но отличаются их количеством. Согласные /n'/ и [tʃ'] не совпадают ни по месту, ни по способу образования, как и гласные /u/ и [u]. Слово узнали 13 % японских и 8 % русских респондентов.

Структура русского *гав-гав* и японского わんわん *wanwan* совпадает: оба аналога насчитывают по два закрытых слога. Согласный /z/ отличается по месту и способу образования от [w], что также можно отметить для /v/ и [ŋ]. Совпадение наблюдается только в отношении гласных /a/ и [a]. Слово узнали 38 % японских и 47 % русских респондентов.

Звукоподражание *хрю-хрю* совпадает с ぶーぶー *bu:bu:* по количеству слогов и их открытости. Звуки /x/ и [b] не совпадают ни по месту, ни по способу образования, а звук /p'/ в японском варианте отсутствует. Частичное совпадение можно отметить у /'y/ и [u]. Слово узнали 30 % японских и 9 % русских респондентов.

Звукоподражание *мяу-мяу* не совпадает с японским аналогом にゃーにゃ *nya:nya:* по количеству слогов (4 и 2) соответственно, но в обоих случаях слоги открытые, поэтому можно считать, что они соотносятся по структуре. В консонантном составе наблюдаются различия, так как /m'/ и [n'] не совпадают по месту и способу образования. Гласные же /'a/ и ['a] можно назвать идентичными в данном случае. Слово узнало 45 % японских и 45 % русских респондентов.

Слово *ко-ко-ко* насчитывает три открытых слога, в японском же аналоге こっこ *kokko* первый из двух слогов является закрытым. Гласный /k/ соот-

носится с [k] по способу и месту образования. Позиция гласных /o/ и [o] в фонетической таблице совпадает. Слово узнали 90 % японских и 96 % русских респондентов.

Очевидно, что *ква-ква* и его японский вариант けろっ *kero'* имеют разную структуру: в русском языке, в отличие от японского, слово представлено в виде повторяющихся слогов. В обоих звукоподражаниях слоги открытые. Начальный согласный /к/ совпадает по месту и способу образования с [k], а /в/ и [r], соответственно, нет. Присутствующие в японском слове гласные [e] и [o] не соотносятся с /a/ единственным гласным в данном русском слове. Слово узнали 45 % японских и 21 % русских респондентов.

Проинтерпретируем результаты эксперимента. Отметим, что не во всех 100 % случаев мы можем дать обоснование полученным данным. Обобщение материала позволило выявить следующие факторы, влияющие на уровень опознавания звукоподражаний по исследуемым языкам.

1. Звукоподражания, в которых соотнесенность по значению поддерживается высокой степенью корреляции по звучанию:

а) высокий уровень опознавания иноязычных звукоподражаний носителями японского и русского языков (*rinrin* / *динь-динь* — 98 % и 61 %, *kokko* / *ко-ко-ко* — 96 % и 90 %, *potapota* / *кан-кан* — 83 % и 79 %, *kokekoko* / *ку-кареку* — 91 % и 79 %), возможно, обусловлен, во-первых, близостью звуковых оболочек слов, во-вторых, ассоциациями с какими-либо лексическими единицами родного языка, выступающими в качестве подсказки (ко-ко-ко);

б) достаточно низкий уровень опознавания некоторых русских звукоподражаний японскими респондентами при значительно более высоком опознавании соответствующих русских звукоподражаний японцами (*tonton* / *тук-тук* 70 % и 5 %, *chokichoki* / *чик-чик* 81 % и 41 %) обусловлен, по-видимому, тем, структура закрытого слога с конечным согласным [k], не характерна для японского языка;

в) достаточно высокий уровень опознания русских звукоподражаний японскими респондентами при более низком опознавании японских звуко-

подражаний русскими (*бум-бум / bonbon* и *му-му / to:to:*) связан с тем, что противопоставленность русских звуков /y/ и /o/ оказывается не значимой для носителей японского языка (см. результаты диагностического эксперимента с носителями японского языка на восприятие фонетической оболочки слов).

2. Слабая корреляция или ее отсутствие между русскими и японскими звукоподражаниями по звучанию: *бац / dokatto*, *ни-ни-ни / chu:chu:*, *мяу-мяу / нуа:нуа:*, *хрю-хрю / bi:bi:*, *гав-гав / wanwan*, *ква-ква / kero'*, *кря-кря / gaaga:*

а) низкий уровень опознавания звуковой оболочки звукоподражаний неродного языка при несоответствии звуковому проявлению в собственном языке: *хрю-хрю / bi:bi:*, *ни-ни-ни / chu:chu:*;

б) низкий уровень опознавания звукоподражания из-за структурного несоответствия единиц: *ква-ква / kero'*;

в) высокий уровень опознавания звуковой оболочки звукоподражаний неродного языка при частичной корреляции звуковых оболочек слов: *мяу-мяу / нуа:нуа:*. Эксперимент на опознавание показал, что респондентам неизвестно значение данного звукоподражания в русском языке.

2.6. Сопоставление и анализ результатов психолингвистических экспериментов на определение оценки эмотивности и соотнесенности звукоподражания со значением в неродном языке

Как уже отмечено выше, оценки эмотивности, возможно, способны повлиять на уровень опознаваемости иноязычных звукоподражаний. С этой целью мы свели результаты по эмотивности и узнаваемости в общую таблицу.

Обобщим данные, полученные в ходе экспериментальных исследований. В приведенной ниже сводной Таблице 16 представлены результаты следующих экспериментов:

1. Выявление эмоциональных характеристик, присутствующих в русских и японских звукоподражаниях, носителями родного языка (модифицированный метод семантического дифференциала).

2. Выявление эмоциональной составляющей а) в русских звукоподражаниях носителями японского языка б) в японских звукоподражаниях носителями русского языка (модифицированный метод семантического дифференциала).

3. Психолингвистический эксперимент на определение соотнесенности звукоподражания с обозначаемым объектом в неродном языке.

4. Общая оценка результатов основных экспериментов, позволяющая определить уровень внутриязыкового и межъязыкового иконизма в японском и русском языках.

Как было отмечено в первой главе, явление иконизма можно рассматривать с двух точек зрения: системно-структурной и антропоцентрической. Наше исследование опирается на оба подхода. Системно-структурный анализ заключается в описании акустико-артикуляционных свойств звуков и их соотнесенности с эмотивностью. На материале русского языка такие исследования проведены в работах А. П. Журавлева, на материале японского — в работах Дж. Брача, С. Хамано, Х. Кубозоно, С. Кавахары, К. Синохары, Ю. Утимото. Антропоцентрический подход реализуется через анализ материала проведенных экспериментов, результаты которых представлены ниже. Анализ проводится по каждому из звукоподражаний с учетом как степени эмотивности, так и уровня опознавания носителями неродного языка (эксперимент на опознавание был проведен для 17 звукоподражаний из 23). Напоминаем, в процессе проведения экспериментов носители японского и русского языков определяют эмотивность и опознаваемость в иностранном языке, опираясь на звуковой облик слова, а не на его значение.

Таблица 16

Сводная таблица, объединяющая результаты психолингвистических экспериментов

	Звукоподражания японского и русского языков	Оценка эмотивности (родной язык)	Оценка эмотивности (неродной язык)	Совпадение направления эмотивности	Узнавание
1	ga:ga:	0	0	да	40 %
	кря-кря	+	–	нет	0 %

2	chokichoki	+	+	да	81 %
	чик-чик	+	0	нет	41 %
3	мо:мо:	-	-	да	43 %
	му-му	+	-	нет	82 %
4	rinrin	+	+	да	98 %
	динь-динь	+	0	нет	61 %
5	kokko	-	+	нет	96 %
	ко-ко-ко	+	0	нет	90 %
6	bu:bu:	-	-	да	9 %
	хрю-хрю	+	+	да	30 %
7	bonbon	-	-	да	19 %
	бум-бум	0	0	да	63 %
8	tonton	+	+	да	70 %
	тук-тук	0	+	нет	5 %
9	kero'	+	0	нет	21 %
	ква-ква	+	0	нет	45 %
10	chikutaku	+	+	да	83 %
	тик-так	+	+	да	79 %
11	kokekoko	0	+	нет	91 %
	кукареку	+	0	нет	79 %
12	karakara	-	+	нет	19 %
	ха-ха-ха	+	+	да	14 %
13	chu:chu:	+	+	да	8 %
	пи-пи-пи	+	+	да	13 %
14	potapota	+	+	да	25 %
	кап-кап	0	0	да	21 %
15	dokatto	0	-	нет	13 %
	бац	-	-	да	20 %
16	wanwan	+	+	да	47 %
	гав-гав	+	-	нет	38 %
17	nya:nya:	+	+	да	45 %
	мяу-мяу	+	+	да	45 %
18	shi:	-	-	да	
	ш-ш-ш	0	-	нет	
19	hyu:hyu:	-	0	нет	
	фить-фить	0	0	да	
20	jirijiri	-	+	нет	
	ж-ж-ж	0	-	нет	
21	chirinchirin	+	+	да	
	дин-дон	+	+	да	
22	ka:ka:	-	0	нет	
	кар-кар	0	0	да	
23	bata'	0	0	да	
	хлоп	0	0	да	

Полученные результаты мы объединили в две основные группы относительно параметра совпадения / несовпадения оценки эмотивности. Дальней-

ший анализ данных показал, что по степени опознаваемости носителями неродного языка звукоподражания можно разделить на три группы: с низким, средним и высоким уровнем (см. Таблицу 17). Сразу хотим отметить, что такие звукоподражания, как *чик-чик*, *ква-ква*, *кукареку*, *динь-динь* и *кокекокко*, мы отнесли к группе слов с совпавшей эмотивной направленностью, хотя одна из двух составляющих оценок по каждому слову является нулевой (см. Таблицы 7 и 8). Поясним: по результатам эксперимента между нейтральным и положительным показателями не наблюдалось выраженной противопоставленности.

Таблица 17

Соотнесение уровня опознавания с направлением эмотивности

Процент узнаваемости	Совпадение эмотивности		Несовпадение эмотивности	
	японские звукоподражания	русские звукоподражания	японские звукоподражания	русские звукоподражания
низкий уровень 0-35 %	chu:chu: (8 %) potapota (25 %) bu:bu: (9 %) bonbon (19 %)	пи-пи-пи (13 %) кап-кап (21 %) хрю-хрю (30 %) бац (20 %) ха-ха-ха (14 %)	dokatto (13 %) kero' (21 %) karakara (19 %)	кря-кря (0 %) тук-тук (5 %)
средний уровень 35-70 %	ga:ga: (40 %) mo:mo: (43 %) wanwan (47 %) nya:nya: (45 %)	чик-чик (41 %) ква-ква (45 %) бум-бум (63 %) мяу-мяу (45 %) динь-динь (61 %)		гав-гав (38 %)
высокий уровень 70-100 %	chikutaku (83 %) кокекокко (91 %) rinrin (98 %) tonton (70 %) chokichoki (81 %)	тик-так (79 %) кукареку (79 %)	kokko (96 %)	му-му (82 %) ко-ко-ко (90 %)

Опишем каждую из полученных групп.

Совпадение направления эмотивности.

Низкий уровень узнаваемости. Из девяти звукоподражаний все были опознаны, но с разным процентным показателем. Общий признак, который характеризует слова данной группы, — это отсутствие одинакового фонетического оформления одного и того же явления в двух языках, например, *chu:chu:* (8 %) и *пи-пи-пи* (13 %), *potapota* (25 %) и *кап-кап* (21 %), *bu:bu:*

(9 %) и *хрю-хрю* (30 %). Исключение может составлять слово *bonbon* (19 %), которое, на первый взгляд, близко по звучанию русскому *бум-бум* (63 %), однако японский звук [o] носителями русского языка при восприятии не соотносится с русским гласным /y/, поэтому процент опознавания невысокий — всего 19 % (очевидно, что по той же причине слово *то:то:* получило всего 43 % узнавания, но уже в следующей категории). В данной группе звукоподражаний мы можем отметить низкий уровень межъязыкового иконизма, однако осмелимся предположить, что узнаванию способствует одинаковая эмотивная направленность.

Средний уровень узнаваемости. Для всех звукоподражаний этой группы характерно некоторое фонетическое сходство однозначных звукоподражаний и процент узнавания гораздо выше, чем в предыдущей группе. В данном случае есть все основания предположить, что узнаванию способствовала одинаковая эмотивная окрашенность звукоподражаний, создающая средний уровень проявления межъязыкового иконизма.

Высокий уровень узнаваемости. Очевидно, что для таких слов, как *rinrin* (98 %) и *chokichoki* (81 %), а также двух пар звукоподражаний: *chikutaku* (83 %) и *тик-так* (79 %), *kokokokko* (91 %) и *кукареку* (79 %) высокий процент опознавания обусловлен близким фонетическим оформлением в обоих языках. Исключение составляет звукоподражание *tonton* (70 %), которое, по мнению японских респондентов, не соотносится с русским *тук-тук*. Таким образом, можно говорить о высоком уровне межъязыкового иконизма в данной группе звукоподражаний и о влиянии эмотивности на опознавание слов, хотя и в меньшей степени, чем в предыдущей группе. Следовательно, основным фактором проявления межъязыкового иконизма является фонетическое сходство.

Несовпадение направления эмотивности:

Низкий уровень узнаваемости. Данная категория представлена следующими звукоподражаниями: *тук-тук* — с самым низким уровнем узнаваемости в 5 %, а также *dokatto* (13 %), *karakara* (19 %) и *kerō'* (21 %) с более высоким уровнем. Звукоподражание *кря-кря* опознано не было. Хотя в данной

группе слов явление межъязыкового иконизма не наблюдается, мы можем отметить присутствие внутриязыкового иконизма. На наш взгляд, у русского звукоподражания *тук-тук* и японского *kerō* оно выражено наиболее явно.

Средний уровень узнаваемости. Звукоподражание *гав-гав*, попавшее в эту категорию с 38 %, как мы уже знаем, было услышано носителями японского как [gau-gau], что не соотносится с японским wanwan (см. Таблицу 5). Скорее всего, реципиентов «оттолкнул» отрицательный ореол составляющих его звуков (см. Таблицу 12). Однако узнаваемость осуществляется за счет близости природного стимула и реакции в форме звукоподражания.

Высокий уровень узнаваемости. В данной категории всего три звукоподражания: *му-му* (82 %) и соотносимая пара *kokko* (96 %) и *ко-ко-ко* (90 %). Все слова были опознаны с достаточно высоким процентом, но несовпадение оценки эмотивности можно объяснить различием языковых картин мира русских и японцев. Так, *му-му* было оценено положительно носителями родного языка, что вполне закономерно, так как у русских респондентов с коровой связаны приятные ассоциации, а у японских, судя по результатам эксперимента, наоборот, неприятные. То же самое можно отметить и у звукоподражаний *kokko* и *ко-ко-ко*, опознать которые не составило труда для носителей неродного языка. В данном случае опознавание базируется на ярковыраженной близости звуковых оболочек при разной эмотивности.

Таким образом, можно заключить, что на опознавание звукоподражаний неродного языка влияет прежде всего высокая степень соотнесенности по фонетическому составу. Одинаковый характер эмотивности хотя и влияет на опознавание, но в гораздо меньшей степени. Отсутствие или низкий уровень опознавания свидетельствует об отсутствии или незначительном уровне межъязыкового иконизма при наличии внутриязыкового, если исходить из предположения, что изначально данный класс слов иконичен.

2.7. Психолингвистический эксперимент на соотнесенность звукоподражаний японского языка с обозначаемым объектом

С целью проведения данного эксперимента были отобраны 20 звукоподражаний японского языка, представляющих класс *гитайго*. Слова данной категории образно или символично передают состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, а также психологические состояния и физические явления (см. Главу I). Все отобранные звукоподражания представляют различные тематические группы и не имеют фонетической пары в русском языке.

В качестве информантов выступили студенты 3 курса Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск в количестве 82 человека. Предлагалась следующая инструкция: «В записи вы услышите 20 звукоподражательных слов неизвестного вам языка, каждое слово будет предъявлено пятикратно. Ваша задача — подобрать для данных звукоподражаний аналоги в русском языке из предложенного списка и объяснить, почему выбрали именно этот вариант». Результаты эксперимента представлены в таблице ниже [Кривошеева, Трофимова 2014, с. 56-62].

Как видно из таблицы, процент опознания японских звукоподражаний носителями русского языка не очень высок. В некоторых случаях респонденты не смогли объяснить, чем вызвано узнавание того или иного звукоподражания. В данном случае, нужно учитывать специфику самого материала эксперимента, так как незвуковой характер данного класса звукоподражаний в японском языке затрудняет их восприятие. Проинтерпретируем полученные результаты.

Наиболее узнаваемым (23 %) оказалось звукоподражание *そよそよ* *soyosoyo* (рус. *с шелестом*), которое у информантов вызвало ассоциации с

Таблица 18

Результаты психолингвистического эксперимента по опознаванию японских «незвучащих» звукоподражаний носителями русского языка

Японское звукоподражание	Транскрипция	Аналог в русском языке	Кол-во случаев узнавания	Вызываемые ассоциации
かさかさ	kasakasa	шелест сухих листьев	1,2 %	шорох
ねばねば	nebaneba	липкий	3,7 %	
ゆんゆん	yunyun	передача радиосигнала	1,2 %	звук датчиков
はあはあ	ha:ha:	пыхтеть, задышаться	18,3 %	звук дыхания (сбитого), одышка, дыхание после пробежки
いらいら	iraira	нервничать, беспокоиться	6,1 %	
すべすべ	subesube	скользкий, гладкий	6 %	
ぶらぶら	burabura	лениво, праздно шататься	2 %	
がしゃん	gashan	звук разбивающегося стекла	20,7 %	неприятный холодный звук, звонкий звук, вдребезги, звон стекла, цзынь
ひやひや	hiyahiya	холодеть от страха	3 %	
ぐうぐう	gu:gu:	урчание живота от голода	9 %	
もじゃもじゃ	mojamoja	косматый	8,5 %	беспорядок в волосах, звук ходьбы снежного человека, утренняя неопрятность
ごろごろ	gorogoro	грохотать (о громае)	8,5 %	гром гремит, грохочет
ふわふわ	fuwafuwa	мягкий, легкий, пушистый	9 %	мягкость, воздушность
ばさばさ	basabasa	быть сухим, крошиться	18,3 %	засуха
ちゃちゃくちゃ	chachakucha	быть в беспорядке	6 %	
あかあか	akaaka	ярко	7,3 %	утреннее солнце светит в окно, радость
わくわく	wakuwaku	трепетать	8 %	
ぴりぴり	piripiri	пощипывать, покалывать	5 %	
そよそよ	soyosoyo	с шелестом	23 %	шуршать
うるうる	uruuru	плакать	6 %	нюни распусить

«шуршанием». Можно было предположить, что наряду с *そよそよ soyosoyo*, респонденты опознают и звукоподражание *かさかさ kasakasa* (рус. *шелест сухих листьев*), так как оба обозначают шелест. Однако этого не произошло, а показатель в 1,2 % в случае звукоподражания *かさかさ kasakasa* говорит о том, что, скорее всего, опознать слово помешал конкретизирующий значение компонент — листья. Еще одно звукоподражание получило достаточно высокую степень опознания — *がしやん gashan* — 20,7 % (рус. *звук, разбивающегося стекла*). В данном случае узнавание, на наш взгляд, происходит за счет ассоциаций с резкостью движения, особенно выделенной тонизацией второго слога, что может соответствовать действию разбивания стекла. Респонденты отметили, что звук [ʃ̄] является «холодным» и «неприятным», а некоторые из них проассоциировали японский звук его с русским словом *цзынь*, который вызывает ассоциации с шумом разбивающегося стекла.

Такие слова, как *はあはあ ha:ha:* (рус. *ныхтеть, задыхаться*) и *ばさばさ basabasa* (рус. *быть сухим, крошиться*) опознали 18,3 % респондентов. Рассматривая первое слово, стоит упомянуть о том, что в японском языке одним из установленных значений звука [h] является ‘дыхание’. Кроме того, звук [h] в сочетании с последующим гласным [a] дает четкое звуковое воспроизведение тяжелого дыхания, что и было подмечено носителями русского языка, которые привели ассоциации с «тяжёлым дыханием после пробежки» и «одышкой». Интересно отметить, что при произнесении слова *ばさばさ basabasa* звук [s] явно превалирует по резкости звучания над начальным [b], а в японском употребление звука [s] во второй позиции закреплено за значением ‘трение, мягкий контакт’. Таким образом, можно предположить, что и русские реципиенты смогли уловить данные признаки значения, отражающие внеязыковые явления, что и породило ассоциации, связанные с крошением, трением.

Следующая группа опознанных звукоподражаний представлена лексемами *ぐうぐう gu:gu:* (рус. *урчание живота от голода*) — 9 %, *ふわふわ fuwafuwa* (рус. *мягкий, легкий, пушистый*) — 9 %, *もじやもじや tojatoja*

(рус. *косматый*) — 8,5 %, *ごろごろ gorogoro* (рус. *грохотать (о громе)*) — 8,5 % и *わくわく wakuwaku* (рус. *трепетать*) — 8 %. К сожалению, для первого звукоподражания русские респонденты не дали удовлетворительного объяснения о том, что помогло им опознать слово, поэтому попробуем составить собственное предположение. Вероятно, узнаванию первого звукоподражания способствовало наличие звонкого начального согласного [g], что соответствует громкости любого явления (в данном случае урчанию живота), а также не полностью совпадающая, но соотносимая семантика самого данного звука в обоих языках. Так, в японском языке звуку приписывается значение ‘грубый’, а в русском — ‘быстрый’, ‘отрывистый’. Уместно предположить, что в данном случае носителями русского языка было уловлено и японское значение звука, что нашло свое отражение в ассоциации с урчанием живота, которое, как правило, хотя и протекает быстро, но звучит при этом грубо и резко. Звукоподражание *ふわふわ fuwafuwa* у русских респондентов ассоциируется с чем-то «мягким» и «воздушным». Японский звук [Ф], хотя и схож с русским /ф/ по способу образования, очевидно не вызывает у русских респондентов свойственные ему ассоциации с чем-то «плохим» и «страшным». Звук [w], не имеющий аналога в русском языке, как правило, соотносится у японцев с «мягкостью». А если следовать теории Г. Ивановой, которая гласит, что в звукоподражании каждая из фонем несет свое значение, но только одно из значений превалирует в слове [Ivanova 2006, 114], можно предположить, что звуковое сочетание *わ wa* оказалось сильнее, обусловив правильное восприятие слова русскими носителями.

もじゃもじゃ tojatoja у русских респондентов вызывает ассоциации с чем-то неопрятным, косматым и мохнатым, что вполне соответствует значению данного японского звукоподражания. Звук [dʒ] в русском языке отсутствует, однако фоносемантическое значение «отталкивающий» закреплено в русском языке за согласным /м/.

Звукоподражание *ごろごろ gorogoro* по звучанию напоминает русским респондентам о громе и его раскатах. Оно является типичным представителем данного класса в европейских языках, поскольку передает озвученное явление и имитирует резкие звуки, вполне соотносимые с раскатами грома.

Звукоподражание *わくわく wakuwaku* было также опознано русскими респондентами. В данном слове тонизацией выделяется первый слог, а второй сокращается до одного глухого согласного [k], так как гласный [u] при произнесении слова редуцируется. В данном случае мы затрудняемся выделить факторы, способствовавшие узнаванию.

Такие звукоподражания, как *すべすべ subesube* (рус. *скользящий, гладкий*), *いらいら iraira* (рус. *нервничать, беспокоиться*), *ちゃちゃくちゃ chachakucha* (рус. *быть в беспорядке*), *あかあか akaaka* (рус. *ярко*), *うるうる uuruuru* (рус. *плакать*) имеют всего 6-7 % опознавания, а *ぴりぴり piripiri* (рус. *пощипывать, покалывать*) — всего лишь 5 %.

Остальные звукоподражания получили низкий процент опознавания в силу того, что отсутствует звуковое соответствие, как в наименовании явления, так и в звуковом оформлении. Скорее всего, в данном случае, при определении значения звукоподражания носители русского языка производили выбор «по остаточному принципу».

Встает вопрос, насколько данный класс слов, относимый рядом японистов к звукоподражаниям, обладает иконическими свойствами. В европейских языках, как известно, звукоподражания относятся к ядру звуко-символических явлений, поскольку имитируют в той или иной степени реальные звучания. Рассмотренные выше «незвуковые» единицы японского языка, безусловно, подражают не звуку, а определённым качествам обозначаемого объекта действия, психического или физического состояния. Не являясь звукоподражаниями, они, тем не менее, представляют особый класс иконических единиц. Возникает вопрос, можно ли при таких условиях говорить о проявлении не только внутриязыкового, но и межъязыкового иконизма? Мы склонны считать, что

результаты эксперимента позволяют, правда, пока с некоторой осторожностью, связанной с недостаточным количеством как материала, так и респондентов, оценивать данное явление как проявление межъязыкового иконизма.

ВЫВОДЫ ГЛАВЕ II

Во второй главе исследования представлены результаты ряда психолингвистических экспериментов, направленных на выявление уровня иконизма в звукоподражательной лексике японского и русского языков.

1. В ходе сопоставительного анализа японских и русских звукоподражаний было выявлено, что класс звукоподражательной лексики японского языка отличается более богатым составом, по сравнению с аналогичной лексикой русского языка. Кроме того, наблюдаются соответствия в категориях звуков живой и неживой природы, а в категории звукоподражаний, передающих состояния или характеристики одушевленных или неодушевленных предметов, психологические или физические явления, соответствий между языками не обнаружено.

2. При восприятии слов японского языка носители русского языка опираются на слоговую организацию, которая свойственна родному языку. Результаты компьютерного анализа с помощью специальной программы подтвердили, что системная сегментация японских слов совпадает с сегментацией на уровне восприятия, осуществляемой носителями русского языка.

3. По результатам экспериментов на определение уровня распознавания звуковых оболочек слов при непосредственном восприятии отдельных звукоподражаний неродного языка было установлено, что в целом звуковые оболочки слов неродного языка достаточно хорошо воспринимаются респондентами, хотя и с определенными нюансами и особенностями, обусловленными отличием фонетических систем двух языков.

4. Высокая степень «опознаваемости» звукоподражаний неродного языка, имеющих аналог в родном языке, обусловлена наличием внешнего

фонетического сходства между звукоподражаниями разносистемных языков, поддержанного соотносительностью по значению, что свидетельствует о проявлении межъязыкового иконизма при восприятии данного класса лексики.

5. Отсутствие фонетических соответствий между звукоподражаниями исследуемых языков, как правило, приводит к низкому уровню опознавания иноязычных звукоподражаний носителями и русского, и японского языков.

6. В том случае, если фонетическая структура одного языка накладывает ограничения на восприятие носителей другого языка, то они не опознают звукоподражания первого языка (например, пи-пи-пи и chu:chu:).

7. Направление эмотивности влияет на опознавание звукоподражаний, следовательно, является составляющей частью иконизма. В данном классе слов сами звуки не только формируют значение, но и обуславливают характер эмотивности.

8. Результаты эксперимента на восприятие японских звукоподражаний, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, а также обозначающих психические и физические явления, выявили проявление универсального признака — межъязыкового иконизма, что, по-видимому, обусловлено наличием непосредственной связи звука и значения и соответствует второму типу иконизма по В. фон Гумбольдту: «подражание ни звуку, и ни предмету, а некоторому внутреннему свойству, присущему им обоим».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремление человека находить гармонию между словом и означаемым им предметом распространено повсюду, и повседневная жизнь часто позволяет это наблюдать. Любопытно, что любой говорящий и мыслящий человек подмечает тот факт, что слово окрашивает своими фонетическими свойствами обозначаемый им предмет, и зачастую достаточно минимальных звуковых средств для того, чтобы донести до слушающего содержание, богатое в семантическом и эмоциональном плане. В настоящее время в лингвистике придается огромное значение выявлению скрытых, нерелексируемых компонентов смысла, рационально не характеризуемых, но устойчиво ассоциируемых на уровне подсознания с определенным словом.

Современные исследования иконизма фокусируют свое внимание на ведущей роли данного явления в вопросах познания процессов эволюции и освоения языка. В работах подобного рода на первый план выходит определенная точка зрения о сущности языкового знака, которая в течение долгого времени находилась в тени соссюровского положения об условности знака. Речь идет о мотивированности плана выражения планом содержания. Теории знаковости, предложенные Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, рассматривают «похожесть» между формой и значением не просто как отражение объекта как такового, но и то, как он воспринимается человеком и в каком контексте, тем самым вводя в науку понятия *интерпретанты* и *интерпретатора*. Именно то, как человек видит мир, способствует в конечном итоге формированию образа, который при восприятии будет необходимым условием для опознавания похожести.

В данной работе с опорой на теоретические положения о четырехсторонней сущности языкового знака и отношениях его сторон, отраженные в работах В. фон Гумбольдта, Ч. Пирса, Ч. Морриса и Р. О. Якобсона, была исследована проблема проявления иконизма в звукоподражаниях на материале японского и русского языков.

Проведенное сопоставление класса звукоподражаний в двух языках выявило не только несоответствия их по составу, но и по значению, поскольку в японском языке существуют лексические единицы, которые обозначают и «незвучащие» явления, однако воспринимаемые как звукоподражания носителями как японского, так и русского языков.

Изучение класса звукоподражаний неразрывно связано с анализом их фонетических систем. Результаты сопоставительного анализа фонемного инвентаря японского и русского языков показали, что исследуемые разносистемные языки имеют как сходства (прежде всего, в системе гласных), так и различия (прежде всего, в системе согласных). В ходе экспериментального исследования восприятия звуковых оболочек слов неродного языка нам удалось уточнить особенности восприятия отдельных звукоподражаний японского языка носителями русского языка и русских звукоподражаний носителями японского языка. Следует отметить, что хотя не все фонетические особенности исследуемых языков нашли свое отражение в транслитерации респондентов, основная часть результатов восприятия слов соответствует изначально выдвинутым гипотезам. Реципиентами каждой из сторон звуковые оболочки слов неродного языка воспринимаются и, в большинстве своем, распознаются, а многие из фонем воспринимаются как сходные с фонемами родного языка.

Далее, в ходе диагностического эксперимента на определение способа сегментации японских слов на ритмические составляющие, нашло свое подтверждение предположение о том, что ритмическая единица японского языка — мора, отличающаяся по структуре от привычного нам слога, в восприятии носителей русского языка подстраивается под привычное им слоговое членение слов.

В исследовании подтвердилось предположение о том, что высокий уровень опознавания звукоподражаний в неродном языке определяется близостью фонетического состава звукоподражаний в двух языках, а именно тождеством слоговой структуры и ассоциациями с лексическими единицами

родного языка. В то же время, несоотнесенность уровней опознавания иноязычных звукоподражаний как русскими, так и японскими респондентами обусловлена различием в слоговой структуре, влияющим на восприятие носителей другого языка.

В работе также выдвигалась гипотеза о том, что на опознавание слов неродного языка значительное влияние оказывают эмоциональные и психологические факторы, а именно отношение реципиента к услышанной информации. Для проверки правильности данного утверждения был использован модифицированный метод семантического дифференциала, с помощью которого удалось получить оценки эмотивности группы звукоподражаний японского и русского языков и выявить эмоциональное отношение к ним носителей как родного, так и неродного языков. Сопоставление полученных данных с результатами экспериментов на узнавание значений звукоподражаний неродного языка показывают, что одинаковая эмотивная окрашенность, присвоенная традиционным («звучащим») явлениям носителями родного и неродного языков, помогает в определении их значения и является составляющей частью иконизма. В нашей работе была предложена градация степеней проявления межъязыкового иконизма: высокая, средняя и низкая. Отсутствие или низкий уровень опознавания свидетельствует об отсутствии межъязыкового иконизма при наличии внутриязыкового.

С целью повышения уровня валидности полученных результатов, свидетельствующих о наличии межъязыкового иконизма, мы решили расширить материальную область исследования и провели психолингвистический эксперимент с «особыми», нетипичными для русского языка звукоподражаниями японского языка. Речь идет о группе лексем, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, а также обозначающих психические и физические явления. При предъявлении их носителям русского языка процент узнаваемых звукоподражаний оказался гораздо ниже, чем у «звучащих», поскольку в этом случае носители неродного языка могли опираться только на связь между звучанием и эмотивностью, а

она, как было выявлено на материале традиционных звукоподражаний, мало помогает при опознавании лексических единиц.

Проведенное исследование — еще не конечный результат по исследованию иконизма на материале звукоподражаний. В дальнейшем предполагается расширить материал за счет привлечения к исследованию звукоподражаний китайского, корейского, монгольского языков. С учетом результатов, уже полученных на материале русского и японского языков, появится возможность исследовать не только межъязыковой иконизм, но и универсальный. Один из насущных вопросов, связанных с иконизмом, это — зависимость / независимость уровня иконизма в сравниваемых языках от их типологических особенностей. Кроме того, расширение языкового материала позволит осветить круг вопросов, связанных с влиянием разных языковых систем на характер восприятия, а также с зависимостью данного процесса от сформированной в языке картины мира человека. В настоящее время подготовлен и подан в РГНФ коллективный проект, направленный на решение указанной выше проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аветян, Э. Г. Природа лингвистического знака [Текст] / Э. Г. Аветян. — Ереван: Изд-во «МИТК», 1968. — 223 с.
2. Алпатов, В. М. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология [Текст] / В. М. Алпатов, И. Ф. Вардуль, С. А. Старостин. — М.: «Восточная литература» РАН, 2000. — 150 с.
3. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. 4-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 368 с.
4. Алпатов, В. М. О языковой картине мира японцев [Текст] / В. М. Алпатов // Историческая психология и социология истории. — 2008. — №1. — С. 133-141.
5. Артемов, В. А. Психология обучения иностранным языкам [Текст] / В. А. Артемов. — М.: Просвещение, 1969. — 279 с.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. — 2-е изд. — М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. — С. 571.
7. Белоусов, К. И. Введение в экспериментальную лингвистику [Текст] / К. И. Белоусов, Н. А. Блазнова. — Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2004. — 139 с.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 446 с.
9. Бердникова, Д. В. Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира [Текст] / Д. В. Бердникова // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 271-278.
10. Березин, Ф. М. История лингвистических учений [Текст] / Ф. М. Березин. — М.: «Высшая школа», 1984. — 319 с.
11. Блумфилд, Л. Типы сочетаний морфем (на материале английского

языка) [Текст] / С. В. Воронин // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. — Л., 1990. — С.133-136.

12. Болотов, В. И. А. А. Потебня и когнитивная лингвистика [Текст] / В. И. Болотов // Вопросы языкознания. — 2008. — №2. — С. 82-96.

13. Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание [Текст] / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. — 685 с.

14. Буряк, Н. Ю. Культурообразующий потенциал и социокультурная сущность языка: особенности этносемантической интерпретации [Текст] / Н. Ю. Буряк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2001. — Вып. 3. — С. 303-310.

15. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари. 1996. — 416 с.

16. Венцов, А. В. Проблемы восприятия речи [Текст] / А. В. Венцов, В. Б. Касевич. — М.: УРСС, 2003. — 240 с.

17. Ветров, А. А. Семиотика и ее основные проблемы [Текст] / А. А. Ветров. — М.: Изд-во политической литературы, 1968. — 263 с.

18. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. — М.: Учпедгиз, 1947. — 784 с.

19. Воронин, С. В. Синестезия и звуко-символизм [Текст] / С. В. Воронин // Психолингвистические проблемы семантики. — М.: Наука, 1983. — С. 120-131.

20. Воронин, С. В. Основы фоносемантики [Текст] / С. В. Воронин. — М.: Ленанд, 2006. — 248 с.

21. Воронин, С. В. Английские ономотопы (типы и строение): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Воронин. — Л.: ЛГУ, 1969. — 15 с.

22. Гачев, Г. Ментальности народов мира [Текст] / Г. Гачев. — М.: «Эксмо», 2008. — 544 с.

23. Герасимова, М. П. О специфике «японского» (красота мгновения, исчезающего в Вечности) [Текст] / М. П. Герасимова // Япония 2012. Еже-

годник. — М.: «АИРО-XXI», 2012. — С. 223-238.

24. Германович, А. И. Звукоподражания и звукоподражательные слова русского языка: [извлечения из работы о междометиях русского языка] [Текст] / А. И. Германович. — Изд-во Крым. Пед. Ин-та, 1947. — Т. 12. — С. 187-218.

25. Глазерман, Т. Б. Психофизические основы нарушений мышления при афазии [Текст] / Т. Б. Глазерман. — М.: Наука, 1986. — 230 с.

26. Глухов, В. А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности [Текст] / В. А. Глухов. — М.: Изд-во АСТ, Астрель, 2007. — 320 с.

27. Головин, Б. Н. Введение в языкознание [Текст] / Б. Н. Головин. — М.: «Высшая школа», 1977. — 312 с.

28. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания [Текст] / Н. Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2012. — Вып. 3. — С. 396-405.

29. Горелов, И. Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения [Текст] / И. Н. Горелов // Вопросы психолингвистики. — 2003. — №1. — С. 13-18.

30. Горохова, Л. А. О некоторых закономерностях перевода ономастов в зависимости от функции выполняемой ими в тексте [Текст] / Л. А. Горохова // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация. — Пятигорск: 2000. — Вып 2. — С. 110-120.

31. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. под ред. Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.

32. Драчева, С. И. Экспериментальное исследование вербального содержания этнической концептуальной системы [Текст] / С. И. Драчева // Текст: структура и функционирование. — Вып. 2, Барнаул: Изд-во Алт. университета, 1997. — С.60-64.

33. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка в 4-х томах [Текст] / А. П. Евгеньева. — М.: «Русский язык», 1986.

34. Журавлев, А. П. О мотивированности признаковой семантики слова натуральным значением входящих в него звуков [Текст] / А. П. Журавлев // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака: сб. научн. ст. — Л., 1969. — С 64-68.
35. Журавлев, А. П. Типы значения слова и их мотивированности [Текст] / А. П. Журавлев // Проблемы мотивированности языкового знака. — Калининград: «Калининградская правда», 1976. — С. 20-25.
36. Журавлев, А. П. Звук и смысл [Текст] / А. П. Журавлев. — М.: Просвещение, 1991. — 160 с.
37. Заводовский, Л. Внесистемная семиотика жеста и звука в арабских диалектах Магриба. Жесты [Текст] / Л. Заводовский // Труды по знаковым системам. IV. — Тарту, 1969. — 417 с.
38. Зайцева, Ю. В. Мужественная н-е-д-у-р-а или фоносемантический модуль программы ВААЛ [Электронный ресурс] / Ю. В. Зайцева. — Режим доступа: <http://www.textology.ru/public/vaal.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 26 июля 2014 г. в 23.30.
39. Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: Либроком, 2009. — 327 с. [Электронный ресурс] / В. А. Звегинцев. — Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/zveg/01.php, свободный. — Время доступа 10 июня 2014 г. в 15.50.
40. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер. — М.: Высшая школа, 1979. — 312 с.
41. Зиндер, Л. Р. Факторы, влияющие на опознание слова [Текст] / Л. Р. Зиндер, А. С. Штерн // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М.: 1972. — С. 100-108.
42. Казиев, Д. А. Инструментарий исследования плана выражения и заговоров [Электронный ресурс] / Д. А. Казиев. — Режим доступа http://www.pglu.ru/libpublications/University_Reading/2009/VI/uch_VI_00026pdf, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 27 июля 2014 г. в 12.46.
43. Кант, И. Сочинения в шести томах [Текст] / И. Кант. — Изд-во со-

циально-экономической лит-ры «Мысль». — 1964. — Т.3. — 799 с.

44. Карнап, Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике [Текст] / Р. Карнап. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 384 с.

45. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания [Текст] / В. Б. Касевич. — М.: Наука, 1983. — 295 с.

46. Кислицина, Е. А. Психолингвистические основы речевосприятия и речепроизводства на родном и иностранном языках [Электронный ресурс] / Е. А. Кислицина. — Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3993, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 26 июня 2014 г. в 12.11.

47. Конрад, Н. И. Языковая литература в образцах и очерках [Текст] / Н. И. Конрад. — Л., 1927. — 105 с.

48. Короткова, И. А. Звукоизобразительная лексика в айнском языке [Электронный ресурс] / И. А. Короткова. — Режим доступа: <http://www.conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/index.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 26 июля 2014 г в 23.50.

49. Коршикова, Т. Л. К вопросу о морфологической классификации ономатопоэтических слов современного японского языка [Текст] / Т. Л. Коршикова // Язык и культура. Новое в японской филологии. — М.: 1987. — С. 93-97.

50. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода [Текст] / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — №1. — С. 37-52.

51. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания [Текст] / А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. — 320 с.

52. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. универс., 2004. — 206 с.

53. Кривошеев, И. А. Статистические методы обработки эксперимен-

тальных данных при восстановлении зависимости [Текст] / И. А. Кривошеев, Г. А. Иванов. — Владивосток: Дальнаука, 1998. — 133 с.

54. Кривошеева, Е. И. Экспериментальное исследование восприятия японских звукоподражаний носителями русского языка [Текст] / Е. И. Кривошеева // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2011. — № 6 (31). — Часть I. — С. 301-303.

55. Кривошеева, Е. И. Определение соотношенности звукоподражаний японского языка с обозначаемым объектом в условиях психолингвистического эксперимента [Текст] / Е. И. Кривошеева, Е. Б. Трофимова // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Языковой знак в аспекте синхронии и диахронии. Труды VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Бийск, 6-8 октября, 2014 г.). — Бийск, 2014. — С. 56-62.

56. Кривошеева, Е. И. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия русских звукоподражаний носителями японского языка [Текст] / Е. И. Кривошеева // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2014. — Т. 2, № 7. — В печати.

57. Кубрякова, Е. С. Возвращаясь к определению знака [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1993. — №4. — С 18-28.

58. Кубрякова, Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, 2003. — № 4 (38). — С.2-12.

59. Кубрякова, Е. С. Проблемы представлений знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. — С. 4-38.

60. Левицкий, В. В. Звуковой символизм. Основные итоги [Текст] / В. В. Левицкий. — Черновцы, 1998. — 129 с.

61. Левицкий, В. В. Семантика и фонетика [Текст] / В. В. Левицкий. — Черновцы, 1973. — 103 с.

62. Левицкий, В. В. Фонетическая мотивированность слова [Текст] / В. В. Левицкий // Вопросы языкознания, 1994. — № 1. — С. 26-37.
63. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев. — М.: Просвещение, 1969. — 214 с.
64. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики [Текст] / А. А. Леонтьев. — М.: «Смысл», 2003. — 287 с.
65. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос [Текст] / А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1993. — 958 с.
66. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. — Ростов на/Д.: Изд-во Феникс, 1998. — 416 с.
67. Михалев, А. Б. Исследования звуко-символизма [Электронный ресурс] / А. Б. Михалев. — Режим доступа: http://www.amikhalev.ru/?page_id=134, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 26 июля 2014 г. в 23.56.
68. Мельников, Г. П. Почему не во всех языках есть идеофоны? [Текст] / Г. П. Мельников // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. — Л.: «Наука», 1969. — С.60-63.
69. Морковкин, В. В. Русские агнонимы [Текст] / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. — М.: Ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 1996. — 415 с.
70. Неверов, С. В. Общественно-языковая практика современной Японии [Текст] / С. В. Неверов. — М.: «Наука», 1982. — 147с.
71. Никитин, М. В. Предел семиотики [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы языкознания. — 1997. — № 1. — С. 3-14.
72. Орлова, Е. В. О восприятии звуков. Развитие фонетики современного русского языка / Е. В. Орлова. — М.: «Наука», 1966. — С. 144-154.
73. Панькина, Е. В. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия звукоподражаний в разносистемных языках иноязычными носителями: на материале русского, английского, алтайского и монгольского языков: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Панькина. — Бийск, 2009. — 188 с.
74. Панькина, Е. В. Иконические свойства звукоподражательной лексики русского, английского, алтайского и монгольского языков: Монография

[Текст] / Е. В. Панькина. — Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. — 170 с.

75. Пирс, Ч. Избранные философские произведения [Текст] / Ч. Пирс. — М.: Логос, 2000. — 448 с.

76. Поливанов, Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов [Текст] / Е. Д. Поливанов. — Л., 1928. — 281 с.

77. Поливанов, Е. Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию [Текст] / Е. Д. Поливанов. — М., Наука, 1991. — 623 с.

78. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. — Киев: СИНТО, 1993. — 192 с.

79. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т4. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог [Текст] / А. А. Потебня. — М.: Изд-во АН СССР, 1941. — 320 с.

80. Потебня, А. А. Мысль и язык. Эстетика и поэтика [Текст] / А. А. Потебня. — М., 1976. — 613 с.

81. Пруцких, Т. А. Проявление иконизма в языке: экспериментально-теоретическое исследование (на материале лабиальных финалей китайского языка): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. А. Пруцких. — Иркутск, 2009. — 207 с.

82. Репьев, А. П. По-ВААЛ-яем дурака, господа! [Электронный ресурс] / А. П. Репьев. — Режим доступа <http://www.repiev.ru/articles/VAAL/htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 26 июля 2014 г. в 23.06.

83. Розин, В. Семиотические исследования [Текст] / В. Розин. — СПб.: Изд-во «ПЕР СЭ», 2001. — 256 с.

84. Руссо, Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыке [Текст] / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. Т.1. — М., 1961. — 852 с.

85. Рыбин, В. В. Звуковой строй японского языка: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / В. В. Рыбин; С.-Петербург. гос. ун-т. — СПб., 2011. — 403 с.

86. Рыбин, В. В. Фонетика японского языка [Текст] / В. В. Рыбин. — СПб.: ГИПЕРИОН, 2012. — 343 с.

87. Самигуллина, А. С. Когнитивная лингвистика и семиотика [Текст]

- / А. С. Самигуллина // Вопросы языкознания. — 2007. — №3. — С. 11-24.
88. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. — М.: 1993. — 656 с.
89. Сигал, К. Я. Проблема иконичности в языке [Текст] / К. Я. Сигал // Вопросы языкознания. — 1997. — №6. — С. 100-120.
90. Сергеева, М. Э. Экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. Э. Сергеева. — Кемерово, 2002. — 210 с.
91. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1970. — 602 с.
92. Солнцев, В. М. Языковой знак и его свойства [Текст] / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. — 1977. — №2. — С. 15-27.
93. Соломоник, А. Б. Семиотика и лингвистика [Текст] / А. Б. Соломоник. — М.: Молодая гвардия, 1995. — 352 с.
94. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. — 432 с.
95. Стефановская, С. В. Выявление иконичности фонетического облика звукоподражаний китайского языка [Текст] / С. В. Стефановская // Вестник ИГЛУ. — 2012. — №4 (21). — С. 98-102.
96. Сыромятников, Н. А. Древний японский язык [Текст] / Н. А. Сыромятников. — М.: Восточная лит-ра, 2002. — 176 с.
97. Тихонов, А. Н. Междометия и звукоподражательные слова [Текст] / А. Н. Тихонов // Русская речь. — 1981. — №5. — С. 72-76.
98. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2-х томах [Текст] / А. Н. Тихонов. М.: «Русский язык», 1990. — 1743 с.
99. Трофимова, Е. Б. Узуальное иokkaзиональное семиотическое пространство эмоций: монография [Текст] / Е. Б. Трофимова, У. М. Трофимова, М. Э. Сергеева, М. С. Власов, Е. Ю. Филиппова, Т. Одинчимэг. — Улан Батор — Бийск: Соёмбо принтинг, 2011. — 292 с.

100. Трофимова, Е. Б. Этапы праязыковой эволюции [Текст] / Е. Б. Трофимова // Международный научно-образовательный форум Хэйлунцян — Приамурье. — Часть 1. — 2013. — 299 с.
101. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 352 с.
102. Филиппова, Е. Ю. Окказиональная вербализация зрительных сигналов носителями русского языка: дис. ... канд. фил. наук [Текст] / Е. Ю. Филиппова. — Кемерово, 2008. — 170 с.
103. Хлебников, В. Творения [Текст] / В. Хлебников. — М.: Сов писатель, 1987. — 734 с.
104. Хусаинов, К. Ш. О причинах количественного различия звукообразительных слов в разносистемных языках [Текст] / К. Ш. Хусаинов // Проблемы этимологии тюркских языков. — Алма-Ата, 1990. — С. 158-163.
105. Циммерлинг, А. В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов [Текст] / А. В. Циммерлинг // Вопросы языкознания — 2000. — № 2. — С. 118-133.
106. Шалак, В. И. Современный контент-анализ: приложения в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологи [Текст] / В. И. Шалак. — М.: Омега — Л, 2006. — 272 с.
107. Шаховский В. И. В начале была... эмоция [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». — Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2008. — № 2 (11). — Режим доступа http://tverlingua.ru/archive/011/3_2_11.html, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 10 мая 2014 г. в 20.26.
108. Шляхова, С. С. Звуковой символизм в коми-пермяцком языке: фонестема, морфема, слово [Текст] / С. С. Шляхова // Вестник Удмуртского Университета. История и Филология, 2013. — Вып. 2. — С 39-45.
109. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. — ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.

110. Якобсон, Р. Введение в анализ речи [Текст] / Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Хале // Новое в лингвистике. — Вып II. — М.: Наука, 1962. — С. 173-231.
111. Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка [Текст] / Б. В. Якушин. — М.: Наука, 1984. — 137 с.
112. Чиронов, С. В. Ономатопоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С. В. Чиронов. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. — 224 с.
113. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х томах [Текст] / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. — М.: Флинта, Наука, 2008. — 812 с.
114. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / [Текст]. — М.: Наука, 2008. — 840 с.
115. Ahlner, F. Cross-modal iconicity: A cognitive semiotic approach to sound symbolism [Text] / F. Ahlner, J. Zlatev // Sign Systems Studies, 2010. — Vol. 38(1/4). — P. 298-348.
116. Akita, K. Towards a phonosemantic definition of iconic words [Text] / K. Akita // Semblance and signification. John Benjamins Publishing Company, 2011. — P. 1-18.
117. Akita, K. A Grammar of Sound Symbolic Words in Japanese: Theoretical Approaches to Iconic and Lexical Properties of Mimetics. Ph.D. Dissertation. — Kobe University, 2009. — 345 p.
118. Bloomfield, L. Language [Text] / L. Bloomfield. — New-York: Holt, 1984. — 580 p.
119. Bentley, M. An accessory study of “phonetic symbolism” [Text] / M. Bentley, E. J. Varon // The American Journal of Psychology, 1933. — Vol 45. — P. 78-86 [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://psycnet.apa.org/psycinfo/1933-02462-001>, свободный. — Время доступа 30 мая 2014 г. в 22.38.
120. Bodo, A. A Corpus of Cantonese Ideophones. Ms., The University of Hong Kong [Электронный ресурс] / A. Bodo. — Режим доступа

<http://www.hku.hk/linguist/research/bodomo/ideophones/ideophonesCorpusMSmar04.pdf>, свободный. — Время доступа 12 июня 2014 г. в 11.32.

121. Brown, R.W. Phonetic symbolism in natural languages [Text] / R.W. Brown, A.H. Black, A. E. Horowitz // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1955. — Vol. 50 (3). — P 388-393.

122. Bruch, J. Expressive Phonemes in Japanese / J. Bruch // *Kansas Working Papers in Linguistics*, 1986. - Vol 2. — P. 1-9.

123. Cutler, A. The syllable's differing role in the segmentation of French and English [Text] / A. Cutler, J. Mehler, D. G. Norris, J. Segui // *Journal of Memory and Language*, 1986. — Vol. 25. — P. 385-400.

124. Cutler, A. The periodicity bias [Text] / A. Cutler, J. Mehler // *Journal of Phonetics*, 1993. — Vol. 21. — P. 103-108.

125. Cutler, A. The role of strong syllables in segmentation for lexical access [Text] / A. Cutler, D. Norris // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1988. — Vol. 14. — P. 113-121.

126. Daniels, F. J. The sound system of Standard Japanese [Text] / F. J. Daniels. — Tokyo: Kenkyusha, 1958. — 110 p.

127. De Cuypere, J. Limiting the iconic: From the Metatheoretical Foundations to the Creative Possibilities of Iconicity in Language [Text] / J. De Cuypere. — John Benjamins, 2008. — P. 286.

128. Dupoux, E. Epenthetic Vowels in Japanese: a perceptual illusion? [Text] / E. Dupoux, K. Kakehi // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1999. — Vol.25. — No.6. — P. 1568-1578.

129. Firth, J. R. The use and distribution of certain English sounds-phonetics from a functional point of view [Text] / J. R. Firth // *English Studies*, ed. R. W. Zandvoort. — Amsterdam: N. V. Sweets and Zeitlinger, 1935. — No 17. — P. 8-18.

130. Fischer, A. What if Anything, is Phonological Iconicity? [Text] / A. Fisher // *From Miming Meaning: Iconicity in Language and Literature*. — John Benjamins Publishing Company, 1999. — P.123-133.

131. Hamano, S. The sound-symbolic system of Japanese. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. — University of Florida, 1986. — 299 p.
132. Hamano, S. The sound-symbolic system of Japanese [Text] / S. Hamano // Studies in Japanese Linguistics, Vol. 10. — Stanford: Center for the study of Language and Information, 1998. — 262 p.
133. Haraguchi, S. The phonology-phonetics interface and syllable theory / S. Haraguchi [Text] // The Phonological Spectrum Vol II. — Amsterdam: John Benjamins, 2003. — P. 31-58.
134. Herlofsky, W. J. Translating the myth: Problems with English and Japanese imitative words [Text] / W. J. Herlofsky. — Tokyo: Kurosio Publishers, 1990. — P. 213-228.
135. Householder, F. W. On the problem of sound and meaning, an English phonaestheme [Text] / F. W. Householder // Word. — 1946. — Vol.2. P. 83-84.
136. Hyman, L. A theory of phonological weight [Text] / L. Hyman. Foris Publications, 1985. — 136 p.
137. Ivanova, G. Sound-symbolic approach to Japanese mimetic words [Text] / G Ivanova // Toronto Working Papers in Linguistics, 2006. — Vol. 26. — P. 103-114.
138. Jakobson, R. Major Works 1976-1980 [Text] / R. Jakobson. Walter de Gruyter, 1988. — 685 p.
139. Jespersen, O. Language. Its nature development and origin [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.archive.org/stream/languageitsnatur00jespuoft/languageitsnatur00jespuoft_djvu.txt. — Время доступа 11 августа 2014 г. в 15.50.
140. Kawahara, Sh. A positional effect in sound symbolism: An experimental study [Text] / Sh. Kawahara, K. Shinohara, Y. Uchimoto // Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Japanese Cognitive Linguistics Association, 2008. — Vol. 8. — P. 417-427.
141. Kilian-Hatz, C. Universality and Diversity: Ideophones from Baka and Kxoe [Text] / F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz // Typological studies in language 44.

Amsterdam: John Benjamins Press, 2001. — P. 155-163.

142. Kindaichi, H. The Japanese Language [Text] / H. Kindaichi. — Charles E. Tuttle Co. — Rutland, Vt, 1978. — 295 p.

143. Koleva-Zlateva, Z. Славянская лексика звуко-символического происхождения [Text] / Z. Koleva-Zlateva // *Annales Instituti Slavici. Universitatis Debreceniensis. Slavica XXXVII*, 2008. — P. 33-53.

144. Koriat, A. The symbolic implications of vowels and of their orthographic representations in two natural languages [Text] / A. Koriat, I. Levy // *Journal of Psycholinguistic Research*, 1977. — Vol. 6. — Issue 2. — P. 93-103.

145. Kortvelyessy, L. Phonetic Iconicity — lost in universality [Text] / L. Kortvelyessy // *Buletin of the Transilvania University of Brasov*, 2011. — Vol 4 (53). — №2. — P.137-144.

146. Labrune, L. The phonology of Japanese [Text] / L. Labrune. — Oxford University Press, 2012. — 296 p.

147. Leibniz, G. Leibniz: New Essays on Human Understanding [Text] / G. Leibniz. — Cambridge University Press, 1996. — 528 p.

148. Magnus, M. What's in a word? Studies in phonosemantics Dissertation for the degree "Doctor Philosophiae", 2001 [Электронный ресурс] / M. Magnus. — Режим доступа <http://www.trismegistos.com/dissertation>. — Время доступа 22.07.2014 г. в 21:04.

149. Makino, S. A dictionary of basic Japanese grammar [Text] / S. Makino, M. Tsusui. — Tokyo: the Japan Times, 1986. — 636 p.

150. Matsuyoshi, Sh. The languages of Japan [Text] / Sh. Matsuyoshi. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 306 p.

151. McCawley, J. The phonological component of a grammar of Japanese [Text] / J. McCawley. — The Hague: Mouton, 1968. — 208 p.

152. Masuda, K. The physical basis for phonological iconicity [Text] / K. Masuda // *Insistent Images*. John Benjamins, 2007. — P. 58-71.

153. Mehler, J. The syllable's role in speech segmentation [Text] / J. Mehler, J. Y. Dommergues, U. Frauenfelder, J. Segui // *Journal of verbal learning and ver-*

bal behavior, 1981. — Vol. 20(3). — P. 298-305.

154. Mithun, M. The synchronic and diachronic behavior of plops, squeaks, croaks, sighs, and moans [Text] / M. Mithun // International Journal of American Linguistics, 1982. — Vol 48 (1). — P. 49-58.

155. Miron, M. S. A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism [Text] / M. S. Miron // Journal of Abnormal and Social Psychology, 1961. — Vol. 63 (3)/ — P. 623-630.

156. Muller, H. Experimented Beitrage zur Analyse des Verhaltnisses von Laut und Sinn [Text] / H. Muller. — Berlin, 1935. — P. 295.

157. Newman, P. The Hausa Language: An Encyclopedic Reference Grammar [Text] / P. Newman. — New Haven: Yale University Press, 2000. — 760 p.

158. Nuckolls, J. B. The case for sound symbolism [Text] / J. B. Nuckolls // Annual Review of Anthropology, 1999. — Vol. 28. — P. 225-252.

159. Otake, T. Mora or Syllable? Speech Segmentation in Japanese [Text] / T. Otake, T. Hatano, A. Cutler, J. Mehler // Journal of memory and language, 1993. — Vol. 32. — P. 258-278.

160. Rosenstock, R. The role of iconicity in international sign [Text] / R. Rosenstock // Sign language studies, 2008. — Vol. 8. — №2. P. 131-159.

161. Rowlands, E. C. Ideophones in Yoruba [Text] / E. C. Rowlands // African Language Studies, 1970. — No 11. — P. 289-297.

162. Samarin, W. J. Field Linguistics: A guide to linguistic Field Work [Text] / W. J. Samarin. — Holt, Rinehart and Winston, 1967. — 246 p.

163. Samarin, W. J. “Adamawa-Eastern” [Text] / W. J. Samarin. Current trends in Linguistics, Volume 7. — The Hague: Mouton, 1971. — P. 213-244.

164. Sapir, E. Conceptual categories in primitive languages [Text] / E. Sapir // Science, 1931. — Vol. 74. — 578.

165. Shibatani, M. The languages of Japan [Text] / M. Shibatani. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 428 p.

166. Tamaoka, K. Japanese Mental Syllabary and Effects of Mora, Syllable, Bi-mora and Word Frequencies on Japanese Speech Production [Text] /

- K. Tamaoka, S. Makioka // *Language and Speech*, 2009. — Vol.52. — P. 79-112.
167. Tsur, R. Onomatopoeia: Cuckoo-Language and Tick-Tocking. The Constraints of Semiotic System [Электронный ресурс] / R. Tsur. — Режим доступа http://www.tau.ac.il/~tsurxx/Cuckoo_onomatopoeia.html, свободный. — Загл. с экрана. — Время доступа 26 июля 2014 г. в 23.06.
168. Tsuru, Sh. A problem in meaning [Text] / Sh. Tsuru, H. S. Fries // *Journal of General Psychology*, 1933. — № 8. — P. 281-284.
169. Vance, T. An Introduction to Japanese Phonology [Text] / T. Vance. Albany: State University of New-York Press, 1987. — 226 p.
170. Voronin, S. V. The iconic theory of language origin [Text] / S. V. Voronin // *Введение в психолингвистику*. — 2003. — No 1. — P. 5-12.
171. WaveSurfer. Digital Audio Editor Cross Platform, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.speech.kht.se/wavesurfer>. — Время доступа 09 августа 2014 г. в 23.11.
172. Wolff, E. Vocalisation patterns, prosodies, and Chadic reconstructions/ E. Wolff // *Studies in African Languages*, 1981. — Supp. 8. — P.144-148.
173. Whorf, B. L. Language, thought and reality [Text] / B. L. Whorf. — New York: 1956. — 278 p.
174. 角岡賢一 (Kadoka Kenichi) 日本語おのまとぺ語彙における形態的・音韻的体系について. — 東京: くろしお出版, 2007. — 276 p.
175. 石黒広昭 (Ishiguro Hiroahi) オノマトペの『発生』. 月刊言語、22 (6). — P. 26-33.
176. 小林英夫 (Kobayashi Hideo) 国語象徴音の研究. 言語文学論考. — みすず書展, 1976. — 352 p.
177. 田守育弘 (Tamori Ikuhiro)、ローレンス・スコウラップ (Lawrence Schourup). オノマトペ: 形態と意味. — 東京: くろしお出版, 1999. — 228 p.
178. 金田一春彦 (Kindaichi Haruhiko). がぎょ鼻音論, 1972. — P. 168-197.
179. 服部四郎 (Hattori Shiro) 原始日本語のアクセント. 国語アクセ

ト論書。東京、法制大学出版、1951。— P. 45-65.

180. 有坂秀世 (Arisaka Hideyo). 音韻論、— 東京、三省堂、1947。— 333 p.

181. 庵井沢 . 新しい日本語学入門・言葉の仕組みを考える . 株式会社 スリーエーネットワーク, 2002. — 336 p.

182. 亀井孝、河野六郎、千野栄一 . 日本列島の言語 . 三省堂株式会社、1977. — 472 p.

183. アンドル・C・チャン、擬態語・擬音語分類用法辞典. — 大修館書店、1990. — 555 p.

184. 浅野鶴子、擬音語・擬声語辞典。角川書店, 1979. — 371 p.

185. 見やすい現代国語辞典 三省堂、2010. — 1176 p.

186. 金田一春彦 (Kindaichi Haruhiko), 秋永一枝 (Akinaga Kazue). 新明解日本語アクセント辞典. — 東京新明解、2001. — 1152 p.